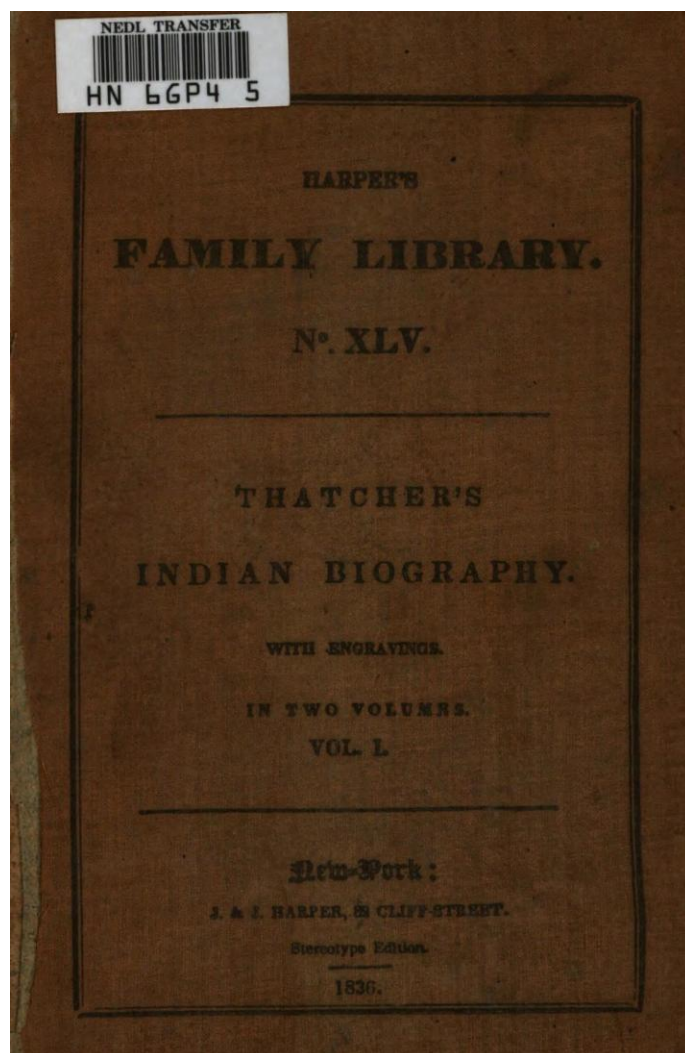

Биография индейца, Том 1 (из 2), или
исторический отчет о тех людях,
которые выделялись среди
североамериканских аборигенов как
ораторы, воины, государственные
деятели и другие замечательные
персонажи

Б. Б. Тэтчер

Электронная книга индийской биографии проекта "Гутенберг"; Том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Биография индейца; Том 1 (из 2)

Автор: Б. Б. Тэтчер

Дата выхода: 12 июня 2017 г. [Электронная книга № 54898]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Роджер Берч, сканы из интернет-архива.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "БИОГРАФИЯ ИНДЕЙЦА"; ТОМ 1 (ИЗ 2)

{Примечание переводчика: Кавычки стандартизированы для современного использования. Сноски размещены непосредственно после абзацев, ссылающихся на них. Примечания переписчика заключены в фигурные скобки; квадратные скобки указывают на оригинальное содержание.}

INDIAN BIOGRAPHY:

OR,

AN HISTORICAL ACCOUNT

OF THOSE

INDIVIDUALS WHO HAVE BEEN DISTINGUISHED AMONG
THE NORTH AMERICAN NATIVES

AS

ORATORS, WARRIORS, STATESMEN,

AND

OTHER REMARKABLE CHARACTERS.

BY

B. B. THATCHER, ESQ.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

NEW-YORK:

PUBLISHED BY HARPER & BROTHERS,

NO. 82 CLIFF-STREET.

1836.

KC 6913

W. S. Poore
Bridgfield, Conn.

[Entered according to the Act of Congress, in the year 1834, by
HARPER & BROTHERS, in the Clerk's Office of the Southern Dis-
trict of New-York.]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор не предлагает ни подробного объяснения, ни каких-либо извинений в интересах нижеследующей работы. Если это абсолютно необходимо, он должен быть даже доволен тем, что написал это напрасно, поскольку никакое утверждение или аргумент не могут придать ему какой-либо степени жизнеспособности или популярности ни в том, ни в другом случае.

Исторически он рассматривал это как акт простой Справедливости по отношению к славе и памяти многих мудрых, блестящих, храбрых и великодушных людей — патриотов, ораторов, воинов и государственных деятелей, — которые правили варварскими общинами и действительно сами были варварами, но чье влияние, красноречие и успех во всех отношениях были *поэтому* лишь более благородными объектами восхищения и более достойными сюжетами для записей. Философия также не может смотреть на них без пристрастия. Несмотря на то, что они были сравнительно непредубежденными и незатронутыми, — управляемыми импульсом и ведомыми врожденным чувством, - мало зависящими от обстоятельств и много борющимися среди них и против них, — их положение было наилучшим из возможных для развития как гениальности, так и принципов, а их образование в разумное время - наилучшим для их раскрытия. Таким образом, их жизни должны иллюстрировать истинное строение человека. Прежде всего в их истории должна быть похвала и интерес к "преподаванию философии на собственном примере".

Строго моральные побуждения, которые воздействовали на сознание Автора, должны быть слишком очевидны, чтобы требовать диссертации. Мы и наши Отцы слишком многим обязаны индейцам — слишком многим от человека к человеку, слишком многим от расы к расе, — чтобы отказывать им хотя бы в жалком восстановлении исторической справедливости, какой бы ни была проблема с ними самими. Нет необходимости также предполагать, что только эгоизм мог бы диктовать политику создания сборника, подобного тому, который Автор попытался создать, если бы не побочный свет, который он постоянно проливает на историю и биографию нашей собственной нации.

Публике не представлено ничего подобного. То, что можно назвать индийским биографическим словарем, действительно появилось недавно, и Автор с удовольствием ссылался на него в ходе своих исследований; но о чрезвычайной трудности воздать должное любому представителю расы и в то же время всем, можно сделать вывод из того факта, что упомянутый автор упомянул таких людей, как Ункас, примерно в шести или восьми строках, в то время как он полностью опустил таких важных персонажей, как Баконгахела, Белоглазка, Трубка и Окконозота. На них и на всех их более выдающихся соотечественниках Автор намеревался обратить внимание, которого они заслуживают, обойдя стороной огромное множество людей, выделяющихся лишь отдельными анекдотами или описанных лишь в общих чертах.

В общем, сознавая множество недостатков, но также осознавая и напряженное стремление сделать их как можно более незначительными, Автор представляет Биографию публике, и особенно тем, чьи собственные труды, если не их результаты, показали им существенную ошибочность любого сочинения, подобного этому. У него будут основания быть удовлетворенным, если это принесет пользу, так же как он, несомненно, будет удовлетворен, если это доставит удовольствие.

Бостон, 10 сентября 1832г.

Содержание

ГЛАВА I.—Индийские племена Виргинии на момент основания Джеймстауна; их названия, численность и могущество—Конфедерация Поухатан—Индийская деревня с таким названием—Поухатан—Обстоятельства первой беседы между ним и англичанами—Опечанкану, его брат—Опичипан—Прием капитана Смита Поухатаном—Вмешательство Покахонтас в его пользу—Второй визит колонистов—Третий визит и коронация—Развлечения "о Смите" Покахонтас—Состязание изобретательности между Поухатаном и Смитом; и между последним и Опечанкану—Смит снова спасен Покахонтас—Политические маневры Поухатана и Опечанкану—Возвращение Смита в Джеймстаун.

страница 9

ГЛАВА II.—Поведение Поухатана после отъезда Смита в Англию и его причины—Военные действия возобновились—Мир, наконец, заключенный в результате захвата Покахонтас—Способ достижения этой цели—Брак Покахонтас с Джоном Рольфом—Смерть и характер Поухатана —Его личность, образ жизни, таланты, влияние. Его метод и средства ведения войны—Дисциплина его воинов—Манера, с которой он пользовался английским оружием и наукой—Причины его враждебности по отношению к колонистам—Его достоинство—Проницательность—Независимость—Вежливость—Либеральность—Простота—Привязанность к своим родственникам—Обзор различных мнений, высказанных о нем различными историками.

40

ПАРЕНЬ. III.—Семья Поухатан—Его преемник—Продолжение истории Покахонтас—Ее добрые поступки по отношению к колонистам в разное время, и особенно к Смиту—Его благодарность—Ее цивилизация и наставления в христианстве—Ее визит в Англию в 1616 году—Прием при дворе—Интервью со Смитом—Его мемориал королеве Анне в ее честь—Ее смерть и характер—Ее потомки.

66

ГЛАВА IV.—Продолжение истории Опечанкану—Возобновление им и Опичипаном мирного договора—Хитрость, с помощью которой он расширил свое господство над Чикагоминиями—Подготовка к войне—Ее причины—Глубокое притворство, под которым скрывалась его враждебность—Индийский обычай создавать Фокусников—Маневры против интересов Англии—Великая резня 1622 года; обстоятельства и последствия этого—особый случай, приведший к ней—Характер и смерть НЕМАТТАНОВА—Подробности войны, последовавшей за резней —Перемирие, нарушенное англичанами—Новые усилия Опечанкану—Битва при

Памункее—Мир 1632 года—Резня 1641 года—Захват Опечанкану англичанами —Его смерть и характер.

77

ГЛАВА V.—Биография других вождей Вирджинии—Опитчипан—Некоторые подробности, касающиеся Томокомо—Его визита в Англию, интервью с капитаном Смитом и возвращения в Америку—Джапакоус, главный сахем патовомеков—Его дружбы к англичанам—Жестокого обращения, которому он подвергался от них—Тотопотомои, преемник Опечанкану—Его заслуги—Его смерть в 1656 году—Уведомления нескольких местных вождей Северной Каролины—Гранганимо, который умер в 1585 году—Менатенон, король чованокков—Энсенор, отец Гранганимо; и Вингина, его брат—Заговор последнего против колонии Гаттерас—Его смерть—Комментарий к биографии Каролины.

95

ГЛАВА VI.—Краткий обзор индейцев Новой Англии на момент заселения Плимута—Конфедерация поканокетов—Племя вампаноаг—Их первый глава-Сахем, известный англичанам, Массасойт—Первая беседа между ним и белыми—Его визит в Плимут в 1621 году—Мирный договор и дружба—Посольство, отправленное англичанами к нему в Совамс—Анекдоты, касающиеся этого—Его подозревают в предательстве или враждебности в 1622 году—Его болезнь в 1623 году—Второй делегация посещает его —Церемонии и результаты визита—Его общение с другими племенами—Передача земель англичанам—Его смерть и характер—Анекдоты.

115

ГЛАВА VII.—Массасойту наследовал его сын АЛЕКСАНДР—Повод для присвоения этого имени англичанами—История Александра до смерти его отца—Соглашение, заключенное с Плимутом в 1639 году—Меры, принятые во исполнение его в 1661 году—Анекдот, иллюстрирующий характер Александра—Уведомление о выдвинутых против него обвинениях—Рассмотрение сделки, приведшей к его смерти—Восшествие на престол Филиппа—Возобновление им договора—Нарушение гармонии—Предполагаемые причины этого—Меры, принятые вследствие—Подчинение Филиппа—Письмо губернатору Плимута —Второе представление в 1671 году —Замечания о причинах войны Филиппа.

141

ПАРЕНЬ. VIII.—Подготовка к войне между Филиппом и Колониями—Великое волнение того времени—Низложение Хью Коула—Непосредственный повод для военных действий—Их начало 24 июня 1675 г.—Краткий очерк войны—Последствия для вовлеченных сторон—Усилия, приключения и побеги короля Филиппа—Его смерть—Анекдоты о нем—Наблюдения за его характером—Его мужество, достоинство, доброта, независимость, проницательность и самообладание—Судьба его семьи—Защита его поведения.

159

ПАРЕНЬ. IX.—Племя Наррагансеттов; территория и власть—Главные сахемы на момент основания английских поселений в Новой Англии—Каноникус связан с самим собой Миантономо, его племянник—Их обращение с Роджером Уильямсом в 1634 году—

Враждебность к Плимутской колонии—Приглашен пекотами сражаться с англичанами—Мирный договор, заключенный Миантономо в Бостоне в 1636 году—Война с пекотами и ее результат—Последующая враждебность между Миантономо и Ункас—СЕКАССЕНОМ—Битва при Сахеме- Равнина—Захват Миантономо—Приговор английских комиссаров в отношении него —Приведение его в исполнение.

177

ГЛАВА X.—Рассмотрение справедливости приговора Комиссаров в отношении Миантономо—Их причины, как утверждается—Обвинение против него в честолюбивых намерениях—В использовании могавков—В нарушении лиги 1638 года—"Относительно пекотских скво"—Во враждебности к англичанам—В казнокрадстве—Доказательства его верности и дружбы—Причины жалобы его и Каноника на англичан—Характер обоих сахемов—Их обращение с Роджером Уильямсом—Письма этого джентльмена—Анекдоты—Смерть Каноника.

198

ГЛАВА XI.—Канонику наследовал ПЕССАКУС—МЕХАН—НИНИГРЕТ, Сахем ниантиков —Предложения, сделанные ими англичанам и англичанами в ответ —Они начинают военные действия против Ункаса—Англичане решают начать с ними войну-Они идут на уступки—Их визиты в Бостон—Последующие выступления против Ункаса. Вооруженный отряд направлен против Нинигрета и Пессака — их обвиняют в союзе с голландцами против англичан.

210

ГЛАВА XII.—Продолжение жизни Нинигрета и Пессака с 1653 года —Различные обвинения, депутации и враждебные движения между ними и англичанами—Спор между Нинигретом и Хармоном Гарреттом—Ходатайство о правосудии в 1675 году—Поведение Нинигрета в войне Филиппа—Последствия этого—Его смерть—Смерть Пессака—Рассмотрены некоторые обвинения против первого—Его враждебность к Ункасу и жителям Лонг—Айленда, а также "Союз с голландцами"-Замечания о его характере.

231

ГЛАВА I. XIII.—Племя пекотов — Их первый вождь-сахем, известный англичанам, ПЕКОАТ—преемник САССАКА—Посольство, отправленное в Бостон в 1631 году—Резиденция и крепость Сассака-Его первые сношения с англичанами—Убийство капитана Стоуна—Оправдание этого Сассаком—Он предлагает мирный договор в 1634 году—Дважды отправляет депутатов в Бостон—Заключенный договор—Анекдоты—Его войны с Наррагансеттами—Новые разногласия с англичанами—Они посылают вооруженный отряд в Бостон. требовать возмещения ущерба—Поведение партии и его последствия—Война с пекотами в 1636 году—Политические движения Сассака—Английская экспедиция против него в 1637 году—Он побежден—Изгнан из своей страны—Убит могавками—Кратко рассмотрена английская политика в его случае.

250

ГЛАВА XIV.—Территория Пекотов, на которую претендует Ункас—Его племя, семья и ранняя история—Заслуги в Пекотской экспедиции, вознагражденные англичанами—Эффект их благосклонности—Его соперничество с Миантономо и результат—Последующие войны и ссоры с различными племенами и вождями—Помощь, оказанная ему англичанами—Жалобы,

поданные на него англичанами—Его христианство учтено—Его мораль—Доказательства его мошенничества, лживости, насилия, тирании, амбиций—Его заслуги и заслуги его племени перед англичанами—Манера, с которой он встретился выдвинутые против него обвинения — Хитрость и раболепие—Его обращение с соседними сахемами—Различные переговоры с англичанами—Его смерть—судьба его племени.

266

ГЛАВА XV.—Индейцы, подчинившиеся Массачусетсу—Гортонисты—Помхам, сахем Шаомета и Саконоко жалуются на них—Подчиняются правительству—Их экзамен и развлечения—Политика Массачусетса в случае с Помхамом—Его и Саконоко сильно преследовали соседи—Последующая история—Помхам принимает участие в войне Филиппа и погибает—Канончет, сын Миантономо—Его соглашение от октября 1675 г.—Уитамор Скво-Сахем Покассетский—Карьера Канонете во время войны Филиппа —Подробности его неожиданного нападения и смерти—Его характер—Анекдоты—Его репутация у англичан—Защита его поведения.

295

ГЛАВА XVI.—Отчет о конфедерации Потакетов в Нью—Гэмпшире -Пассаконауэй, их главный сахем — Разоружен по приказу правительства Массачусетса. Его место жительства, возраст и авторитет—Он поддерживает хорошее взаимопонимание с англичанами—Посещает Бостон—Знакомство с апостолом Эллиотом и его внимание к нему—Его взгляды на христианство—Фестиваль и прощальная речь перед своим племенем в 1660 году—Смерть и характер—Его сын и преемник, Вонолансет. Семейные анекдоты — Легенда о подвигах Пассаконэвэя в качестве Пауа.

315

БИОГРАФИЯ ИНДЕЙЦА.

ГЛАВА 1.

Индейские племена Виргинии на момент основания Джеймстауна; их названия, численность и могущество—Конфедерация Поухатан—Индейская деревня с таким названием—ПОУХАТАН—Обстоятельства первой беседы между ним и англичанами—Опечанканоу, его брат —Опичипан—Прием капитана Смита Поухатаном—Вмешательство Покахонтас в его пользу—Второй визит колонистов—Третий визит и коронация—Угощение Смита Покахонтас—Состязание в изобретательность между Поухатаном и Смитом; и между последним и Опечанкану—Смит снова спасена Покахонтас—Политические маневры Поухатана и Опечанкану—Возвращение Смита в Джеймстаун.

Ко времени первого постоянного поселения, осуществленного в пределах Вирджинии, и в течение неизвестного периода, предшествовавшего этой дате, страна от морского побережья до Аллегейни и от самых южных вод реки Джеймс до реки Патаксент (ныне в штате Мэриленд) была занята тремя основными коренными народами. Каждая из этих наций представляла собой конфедерацию больших или меньших племен; и каждое племя подразделялось на города, семьи или кланы, которые жили вместе. Три общих названия, под которыми обычно известны эти сообщества, - это маннахоаки, монаканцы и поухатаны.

Заметки Джефферсона о Вирджинии. Автор, по-видимому, намеревался использовать слово *семья* в его наиболее расширенном значении.

Из них двоих первых можно было бы назвать хайлендерами или горными индейцами. Все они жили на берегах различных небольших ручьев, которые орошают холмистую местность между впадениями Атлантических рек и хребтом Аллегани. Маннахоаки состояли из восьми племен, пять из которых были расположены между Потомаком и Раппаханноком, а три - между последней названной рекой и Йорком. Из пяти племен монакцев два находились между Йорками и Джеймсом, а три простирались на юг от Джеймса до границ Каролины. Самые могущественные соответственно из восьми и из пяти — маннахоаки и монаканцы, собственно так называемые, — похоже, дали свои собственные имена целой нации или конфедерации, членами которой они были. Первое племя занимало в основном территорию нынешних графств Стаффорд и Спотсильвания. Последнее проживало на реке Джеймс над водопадами.

[FN] Возможно, было бы неплохо воспользоваться случаем и заметить, что единственным правилом автора в орфографии индийского термина было следовать тому, что кажется наиболее одобренным употреблением. Стит использует манакинов вместо монаканцев.

Народ поухатан населял низменную местность, простиравшуюся в поперечном направлении от океана до водопадов рек и от Каролины на юге до Патуксента на севере. Это включало в себя гораздо большее число племен, чем любое другое. Целых десять из них (включая тауксенентов, чья главная резиденция находилась около Маунт-Вернона) были поселены между Потوماком и Раппаханноком. Пять других простирались между Раппаханноком и Йорком; восемь - между Йорком и Джеймсом, и пять - между Джеймсом и границами Каролины. Помимо них, Аккоханоки и Аккомаки, расположенные на так называемом Восточном побережье (Чесапикского залива), также считались частью этой нации.

[FN] Обе эти реки получили свои названия от племен, первоначально поселившихся на них. Первых обычно называли патовомеками.

Территория, занимаемая всей этой великой конфедерацией к югу от Потомака, занимала около 8000 квадратных миль. Смит сообщает нам в своей истории, [FN] что в радиусе шестидесяти миль от Джеймстауна проживало 5000 туземцев, из которых 1500 были воинами. Мистер Джефферсон подсчитал общее количество воинов повхатан в 2400 человек, что, согласно пропорциям между оценками Смита (от трех до десяти), дало бы все население в 8000 человек, или по одному на каждую квадратную милю.

[FN] Произведение, ценность которого хорошо известна всем читателям ранней американской истории. Название книги — "Три путешествия, приключения и наблюдения капитана Джона Смита в Европе, Азии, Африке и Америке, начавшиеся примерно в 1593 году и продолжающиеся по сей день, в 1629 году". Мы копируем последнюю указанную дату из лондонского издания.

Этот расчет, вероятно, достаточно умеренный. В среднем на каждое из тридцати племен приходится менее ста воинов. Но мы находим запись одного из ранних авторов о том, что под началом индейского вождя в одно время выступали триста человек в одном составе, а в другое - семьсот; все они, по-видимому, принадлежали к его собственному племени. Только у чикахомини было от трехсот до четырехсот бойцов. Нансамонды и чесапики однажды продемонстрировали силу в четыреста человек. И когда в июне 1608 года Смит поднялся по

Потомаку, хотя на протяжении первых тридцати миль он не видел никаких жителей, он едва вошел "в небольшой заливистый ручей в направлении Онауманиента (ныне Номини), как обнаружил, что все леса вокруг были усеяны засадами численностью *три или четыре тысячи* дикарей, так странно одетых, мрачных и замаскированных, кричащих, вопящих и рыдающих, что такое количество духов ада не могло бы показаться более ужасным".

Хорошо известно, что доблестный капитан имел обыкновение выражать свое мнение в резких выражениях, но его редко уличали в какой-либо большой неточности. И обстоятельства этого дела говорят в его пользу, ибо верно было замечено, что конфедерация поухатан населяла страну, которой природа даровала исключительные преимущества. В отличие от уроженцев более северных регионов, они мало страдали от холода и меньше от голода. Их поселения располагались в основном на берегах рек Джеймс, Элизабет, Нансамонд, Йорк и Чикахомини, которые изобиловали вкуснейшей рыбой и домашней птицей. В своей Потомакской экспедиции Смит столкнулся с "таким изобилием рыбы, лежащей так густо, что головы ее торчали над водой, что из-за отсутствия сетей (наша баржа плыла среди них) мы пытались ловить еесковородкой." И хотя после некоторых проб капитан, естественно, пришел к выводу, что это орудие плохо подходит для его целей, он упорно добавляет, что "ни лучшей рыбы, ни более обильной, ни более разнообразной мелкой рыбешки вы не видели ни в одном месте, где так плавают в воде — но их нельзя ловить сковородками". Он нашел скатов в таком изобилии в камышах в устье Раппаханнока, что развлекался, пригвозждая их к земле своим мечом: "и таким образом, - замечает он, - мы за один час съели больше, чем могли съесть за день".

Кроме того, огромные количества кукурузы ежегодно вознаграждали даже простое земледелие индейцев, поскольку оно проводилось на лучших участках щедрой почвы. "Огромные кучи" этого мяса были замечены в Кекоутане, "и тогда они принесли ему оленину, индейку, дичь, хлеб и все, что у них было". Ни во время своего пленения, ни во время визитов к туземцам капитан никогда не испытывал недостатка в еде; и он часто выводил свою лодку и своих людей, нагруженных в изобилии. Нансамонды подарили ему 400 полных корзин за один раз. Чикагомини, хотя и очень жаловались на собственные нужды, все же "выманили" у него сто бушелей. Леса давали еще один неисчерпаемый запас как фруктов, так и дичи; так что в целом очень легко поверить, что значительно большее население, чем предполагает оценка мистера Джефферсона, могло бы без особых трудностей существовать на почве, которую, как известно, они занимали. "И теперь, когда приближалась зима [1607-1608 гг.], - сообщается нам в другом отрывке, - реки так наполнились лебедями, гусями, утками и журавлями, что мы ежедневно угощались хорошим хлебом, виргинским горохом, пампионами и путчинами, рыбой, домашней птицей и разнообразными видами диких зверей, поедая их так быстро, как только могли; так что ни один из наших хохлатых юмористов не захотел ехать в Англию". Однажды, когда Смит предпринял ознакомительную поездку во внутренние районы страны в конце сезона, сильный шторм вынудил его и его людей провести Рождество среди дикарей. "И мы никогда не были так веселы, - рассказывает он, - и не ели в таком количестве хороших устриц, рыбы, мяса, дичи и хорошего хлеба, и никогда в Англии не горел такой огонь". Говорят, что в течение нескольких мирных месяцев, наступивших в течение следующего сезона, индейцы приводили в Джеймстаун более сотни оленей и других животных ежедневно в течение нескольких недель.

[FN] Вид местной сливы, который в других источниках описывается как достигающий значительной высоты, с плодами, похожими на мушмулу, сначала зелеными, затем желтыми и красными при созревании. "Если оно недозрелое, рот мужчины скривится от сильной муки. Если спелое, то вкусное, как абрикос".

Очевидно, по крайней мере, что поухатанская конфедерация, должно быть, была одной из самых многочисленных на континенте. Это тоже было воинственно; и хотя положение монахов и маннахоаков среди холмов в глубине страны в какой-то мере защищало их, все же ничто, кроме союза этих двух народов, не могло гарантировать им безопасности от их более могущественных соседей на побережье.

Собственно поухатаны, давшие свое название конфедерации, ведущими членами которой они были, располагались на территории нынешнего округа Хенрико, на берегах реки Джеймс, и на расстоянии примерно двух дней пути от английского поселения в ее устье. Главный вождь — или *император*, как называют его старые историки — из тридцати племен нации был найден первыми колонистами, проживавшими с этими индейцами, и, как полагают, был одним из них по рождению. Его настоящее имя было Вахунсонакук. У него был титул Поухатана, которым его обычно называли, по названию города с таким названием, который был главной резиденцией и метрополией его наследственных владений. Этот город описывается как приятно расположенный на холме. Он состоял из двенадцати домов, перед которыми на реке были три островка, недалеко от того, что в наше время называется плантацией Майо, и немного ниже того места, где сейчас стоит Ричмонд. Англичане считали его одновременно самым сильным и приятным местом во всей стране; [FN] и поэтому он был назван *Не таким*, кажется, примерно через два года после поселения в Джеймстауне, когда Смит купил его у императора. "Это очень приятное место, - говорит капитан в своей истории, - и сильное по своей природе, и вокруг него много кукурузных полей".

История Стита, стр. 105.

Первое знакомство колонистов с Поухатаном произошло следующим образом. Предприимчивый и амбициозный дух Смита побудил его совершить несколько путешествий вдоль побережья Вирджинии и в глубь страны. В течение нескольких месяцев после заселения Джеймстауна среди других племен он обнаружил чикахомини и закупил у них большое количество провизии в то время, когда колонисты в ней остро нуждались.

Но среди праздных и неуправляемых жителей колонии эта удача вызвала только ропот. Они жаловались на то, что он сделал так мало, вместо того чтобы аплодировать ему за то, что он сделал так много; и некоторые даже из членов совета взялись утверждать, что ему следовало подняться вверх по реке Чикахомини до ее истока.

Смит был не из тех, кто покорно подчиняется упрекам. Поэтому зимой 1607-1608 годов он снова отправился в путь, взяв с собой команду, достаточную для управления баржей и лодкой поменьше, пригодной для плавания по верхним течениям. Он поднялся по Чикахомини вместе с баржей, насколько это было возможно, с огромным трудом вырубив деревья и расчистив

проход. Затем, оставив его в широкой бухте, вне досягаемости дикарей на берегу, капитан с двумя другими белыми и двумя дружелюбными индейцами поднялся выше в лодке поменьше. Тем, кто остался тем временем на барже, было приказано ни в коем случае не сходить на берег до его возвращения. Приказу не подчинились; едва он скрылся из виду и слуха, как вся команда сошла на берег. Они были очень близки к тому, чтобы поплатиться жизнью за свою опрометчивость. Индейцы численностью в двести или триста человек поджидали их в лесу на берегу реки под руководством Опечанкану, сахема памунки и предполагаемого брата Поухатана. Некто Джордж Кассен был взят в плен, и дикари вскоре вынудили его рассказать им, каким путем ушел Смит. Затем они жестоко казнили его и продолжили преследование.

Тем временем капитан, не подозревая ни о каком несчастном случае, прошел двадцать миль вверх по реке и теперь находился среди болот у ее истока. Здесь его преследователи внезапно наткнулись на двух англичан, которые вытащили свою лодку и улеглись спать у костра на суше (в то время как сам Смит отошел на некоторое расстояние, чтобы подстрелить дичь из своего мушкета на ужин). Несчастные были утыканы стрелами и отправлены на тот свет. Затем дикари бросились в погоню за Смитом и, наконец, настигли его. Оказавшись окруженным толпой, он хладнокровно привязал к своей руке своими подвязками молодого индейца, который сопровождал его в качестве проводника, в качестве щита (что стало с другим, неизвестно) — и так резво отразил натиск врага своим огнестрельным оружием, что вскоре уложил троих из них насмерть на месте, а многих других ранил и изувечил так искусно, что никто, казалось, не стремился приблизиться к нему. Сам он был слегка ранен в бедро, и в его одежде торчало множество стрел, но он все еще держал врага на расстоянии. Его следующим движением была попытка отвесно направиться к своей лодке; но, больше следя за своим врагом, чем за дорогой, он внезапно поскользнулся по пояс в илистом ручье. Как ни стеснен он был в этом неловком положении, ни один индеец не осмеливался приблизиться к нему, пока, обнаружив, что он почти мертв от холода, он не опустил руки и не сдался. Затем, вытащив его, они отнесли его к костру, где были убиты его люди, тщательно растерли его онемевшие конечности и, наконец, вернули ему способность ими пользоваться.

События, последовавшие за этой сценой, являются поразительной иллюстрацией как проницательности заключенного, так и простоты его похитителей. Он позвал их вождя — мы предполагаем, благодаря вмешательству своего проводника—индейца, — и Опечанкану вышел вперед. Смит подарил ему круглый двойной компас с циферблатом из слоновой кости, который носил на боку. Дикари были сбиты с толку игрой мушки и иголки, тем более что стекло не позволяло им прикоснуться к тому, что они могли видеть так ясно. Затем он прочитал им что-то вроде астрономической лекции, демонстрируя "с помощью этой похожей на Шар драгоценности", как он это называет, округлость земли, небес, сферу солнца, луны и звезд; "и как солнце постоянно преследовало ночь по всему миру; величие суши и моря, разнообразие наций, пестрый цвет лица, и то, что мы были для них антиподами, и многое другое в том же роде", — все это время его загорелые слушатели стояли неподвижно и безмолвствовали от изумления.

Но примерно через час они вернулись к своей первоначальной цели — убить его, как убили троих его товарищей. Он был привязан к дереву, и дикари выстроились в круг, чтобы застрелить его. Стрела была уже натянута на сотню луков. Но в этот момент Опечанкану поднял компас. Это был сигнал к отсрочке, если не к милосердию, и они сразу же бросили оружие. С большим ликованием и парадом они затем отвели пленника в Орапакес, охотничью резиденцию

Поухатана, расположенную на северной стороне болота Чикахомини, и часто посещаемую этим Сахемом и его семьей из-за изобилия дичи, которую там можно было найти. Порядок шествия был подобающим *индейскому строю*. Опечанкану, маршировавший в центре, в качестве трофея нес перед собой английские мечи и мушкеты. Следующим шел Смит, ведомый тремя дюжими дикарями, которые крепко держали его под руки; с обеих сторон гуськом шли еще шестеро, с зазубренными стрелами, в качестве флангового охранения.

По прибытии в Орапакес, деревню, состоящую примерно из тридцати-сорока домов-циновок, женщины и дети вышли поглазеть на существо, столь непохожее на все, что они когда-либо прежде видели. Воины, с другой стороны, немедленно начали грандиозный боевой танец, лучшее описание которого находится на родном языке Смита. "Они хорошо провели время, продолжая это упражнение, а затем выстроились в кольцо, танцуя в таких разных позах, и распевая и выкрикивая такие адские звуки и визги; каждый был странно одет, у него был колчан со стрелами, а на спине дубинка; на его руке была шкура лисы или выдры, или что-то в этом роде для наручей; их головы и плечи были окрашены в красный цвет, с ойлom и покоунами, смешанными вместе, что алый цвет делал чрезвычайно красивого человека". покажите; его лук в руке и кожицу птицы с высушенными крыльями, повязанную ему на голову; кусочек меди, белую раковину, длинное перо с маленькой погремушкой, растущей на концах их привязанных змей, или что-нибудь в этом роде ". Трижды исполнители останавливались, чтобы перевести дух, и трижды возобновляли танец — Смит и Сахем тем временем стояли в центре. Затем компания разошлась, и пленника отвели в длинный, застланный циновками вигвам, где тридцать или сорок высоких крепких дикарей остались вокруг него в качестве охраны. Вскоре ему принесли больше хлеба и оленины, чем хватило бы на двадцать человек. "Я думаю, - говорит сам капитан, - что в то время его желудок был не очень хорош". Тем не менее, он кое-что съел, а остальное сложили в корзины и спустили с крыши вигвама у него над головой.

[FN] Небольшой корень, который стал красным, если его высушить и взбить в порошок. Его также использовали при отеках, болях, для смазывания суставов после переутомления и переохлаждения, а также для окрашивания одежды. Беверли называет это *тыквой*.

Около полуночи эти либеральные снабженцы снова поставили перед ним свою еду, сами за все это время так и не попробовав ни кусочка. Но утром, когда они привели свежее подкрепление, они съели остатки прежней трапезы и, как и раньше, съели остатки предыдущей. У капитана было так мало причин жаловаться на голод, что он начал всерьез полагать, что его откармливают для забоя. Время от времени он страдал от холода и страдал бы еще больше, если бы не неожиданное облегчение. Индеец по имени Мокассетер принес ему его *гуна*, как называет это Смит — возможно, меховую накидку или одеяло — и подарил его ему, якобы в обмен на некие бусы и игрушки, которые Смит подарил ему в Джеймстауне, сразу по прибытии в Вирджинию. [FN]

[FN] Прекрасная иллюстрация того принципа благодарности, который вошел в поговорку как характерная черта индейцев в качестве их мести, по сходным причинам. Никакая милость к ним не пропадает даром, и никакая травма или оскорбление не прощается. Анекдот, следующий за этим в тексте, является показательным примером.

Два дня спустя он подвергся жестокому нападению, и, если бы не его охрана, был бы убит старым индейцем, сын которого был ранен в стычке, произошедшей при его пленении. Они отвели его к смертному одру бедняги, где он был найден испускающим последний вздох. Смит сказал им, что у него в Джеймстауне есть какая-то вода, которая может излечить, но они не позволили ему сходить за ней, и вскоре эта тема была забыта. В течение нескольких дней они начали усиленно готовиться к внезапному нападению на английскую колонию. Они нуждались в совете и помощи Смита в этом деле, предлагая ему не только жизнь и свободу за его услуги, но и столько земли или поселения и столько женщин в жены, сколько он захочет, — такое мнение у них сложилось о его знаниях и доблести. Он делал все, что было в его силах, чтобы помешать их замыслу, рассказывая им о минах, пушках и различных других военных уловках и механизмах, используемых англичанами. Ему удалось лишь уговорить нескольких из них отнести для него записку в Джеймстаун (под предлогом покупки каких-то игрушек), в которой он сообщал своим соотечественникам о своем собственном положении и намерениях дикарей и просил их непременно прислать ему с посыльными определенные предметы, которые он назвал. Они должны были быть доставлены в определенное место в лесу недалеко от Джеймстауна. Как нам сказали, гонцы отправились в путь в самую суровую погоду, какую только могли выдать мороз и снег, и прибыли в Джеймстаун. Там, увидев мужчин, вышедших из города им навстречу, как и сказал Смит, они испугались и убежали. Но записка была оставлена; и поэтому, придя вечером снова, они нашли вещи в условленном месте, а затем вернулись домой в такой спешке, что достигли Орапакеса через три дня после того, как покинули его.

Все мысли о нападении на колонию были теперь подавлены изумлением и ужасом, вызванными подвигами Смита, и они продолжили водить его по стране с триумфом. Сначала они отнесли его к племени, живущему на реке Юхтанунд, с тех пор называемой рекой Памункей; затем к маттапони, пианкатункам, нантаутакундам на реке Раппаханнок и номиниям на реке Потомак. Завершив этот маршрут, они провели его через несколько других народов к собственному жилищу Опечанкану в Памункее; где с ужасными завываниями и множеством странных церемоний они "заклинали" его три дня, чтобы выяснить, как они сказали ему, желает ли он им добра или зла. [FN] Представление об этих процедурах, которые проходили под инспекцией Опечанкану, можно составить на основе упражнений в течение одного дня, описанных самим пленником.

[Ф.Н.] Стит, стр. 53.

Ранним утром в длинном доме разожгли большой костер и расстелили по обе стороны от него циновки, на одной из которых сидел пленник. Затем его телохранитель покинул дом, "и вскоре вприпрыжку вбежал большой мрачный парень, обсыпанный углем вперемешку с ойллой; и множество шкурок змей и весельчаков были набиты мхом, и все их хвосты были связаны вместе, так что сходились на макушке его головы в виде кисточки; а вокруг кисточки была корона из перьев, шкуры свисали вокруг его головы, спины и плеч и как бы закрывали его лицо; с адским воинством и погремушкой в руке". Этот персонаж начал свое заклинание с самых

разнообразных жестов, поз, гримас и восклицаний, а в заключение нарисовал круг из еды вокруг костра. Затем ворвались еще трое исполнителей того же описания, их тела были выкрашены наполовину в красный, наполовину в черный цвет, глаза белые, а лица испещрены красными пятнами, очевидно, в подражание английским бакенбардам. Эти трое, протанцевав довольно долго, уступили место еще троим, с красными глазами и белыми полосами на черных лицах. Наконец все уселись напротив пленника: трое по правую руку от первого названного чиновника (который, по-видимому, был верховным жрецом и главарем) и трое по левую. Затем заиграла песня, сопровождаемая яростным использованием трещоток; на которые верховный жрец положил пять *пшеничных зерен* и начал речь, напрягая руки так, что они сильно вспотели, а вены вздулись. В заключение все издали стон согласия, положили еще по три крупинки и возобновили песню. Это продолжалось до тех пор, пока костер не был дважды окружен. Последовали другие церемонии того же характера, и, наконец, ближе к вечеру был устроен обильный пир из лучших припасов, какие только можно было достать. Говорили, что круг муки обозначал их страну, круги кукурузы - границы моря и так далее. Мир, согласно их теории, был круглым и плоским, как траншея, а они сами располагались точно посередине.

[FN] непреднамеренность, мы предполагаем; или эти слова могут использоваться довольно свободно для обозначения того, что еще не имело отличительного названия. Должно быть, имеется в виду индийская кукуруза.

После этого они показали Смиту мешок с порохом, который, вероятно, был взят с лодки и который они бережно хранили до следующей весны, чтобы посадить вместе со своей кукурузой, "потому что они были бы знакомы с природой этого семени". Опитчипан, другой брат Поухатана, о котором мы здесь впервые упоминаем, пригласил его к себе домой и роскошно угостил; но ни один индеец, ни в этот, ни в любой другой день, не захотел ужинать с ним. Кусочки были разложены по корзинам, и когда он вернулся в вигвам Опечанкану, жены Сахема и их дети столпились вокруг него, чтобы получить свои порции, "как полагается по обычаю, чтобы повеселиться с такими кусочками".

Наконец они отнесли его в Веровокомоко, где находился сам Поухатан. Эта его резиденция располагалась на северном берегу реки Йорк, в округе Глостер, почти напротив устья Гринс-крик и примерно в двадцати пяти милях ниже устья реки. В то время это была его любимая деревня, хотя впоследствии, не стремясь к близкому соседству с англичанами, он удалился в Орапакес. Поухатан, давший ему имя, был продан англичанам в 1609 году.

По прибытии в деревню Смит был задержан до тех пор, пока император (как мы будем называть его для удобства) и его свита не подготовятся к приему своего прославленного пленника в надлежащем виде; а тем временем более двухсот этих мрачных придворных собрались вокруг него, чтобы удовлетворить свое любопытство разглядыванием. Затем он был представлен королевскому присутствию, и толпа приветствовала его громкими криками, когда он вошел. Поухатан — величественный и прекрасно сложенный дикарь с выразительным лицом и надменным видом, смягченным шестидесятилетней жизнью до серьезности, — сидел перед огнем на скамье, чем-то похожей на кровать, и был одет в просторную мантию из *шкурраровкуна*, все хвосты которой свисали с него. С каждой стороны сидело по молодой девушке шестнадцати-восемнадцати лет; и вдоль каждой стены дома в два ряда сидели женщины сзади и в два ряда мужчины спереди. У всех были выкрашены головы и плечи в

красный цвет. Волосы многих были украшены белым птичьим пухом. У некоторых на шее висела большая цепь из белых бус. Но никто не был без каких-либо украшений.

[FN] Возможно, разновидность Енота.

Вскоре после появления Смита знатной женщине, которая, как говорили, была королевой Аппаматтука, было приказано принести ему воды для мытья рук; а другая принесла пучок перьев, заменяющий полотенце. После того, как его накормили (как он сам признает) самым варварским способом, на который они были способны, было проведено долгое и торжественное совещание, чтобы определить его судьбу. Решение было против него. Конклав вновь обрел свою молчаливую серьезность; перед Повхатаном принесли два больших камня; и Смита подтащили к ним и положили на них его голову, готовясь выбить ему мозги дубинками. Смертоносное оружие уже было поднято, и толпа дикарей стояла молча, ожидая последнего мгновения пленника. Но Смит не суждено было погибнуть таким образом. Покахонтас, любимая дочь Поухатана, бросилась вперед и со слезами на глазах стала горячо умолять, чтобы жертву еще пощадили. Царственный дикарь отклонил ее просьбу, и палачи стояли, готовые ждать сигнала о смерти. Она опустилась на колени, обняла Смита и положила голову ему на плечо, заявив, что погибнет вместе с ним или спасет его. Сердце сурового Сахема наконец растаяло. Указ был отменен, и заключенный был пощажен для того, чтобы, как объяснил это император, изготовить топоры для себя, а также колокольчики и бусы для своей дочери. [FN]

Эта знаменитая сцена сохранилась в прекрасной скульптуре над западной дверью Ротонды Капитолия в Вашингтоне. Группа состоит из пяти фигур, представляющих точный момент, когда Покахонтас своим вмешательством спасла Смита от казни. Смит одет в военную форму, опершись на локоть, его тело вытянуто, он готов принять смертельный удар боевой булавы индейца, который стоит рядом с его головой. Мы считаем, что это работа Капеллано, итальянского ученика Кановы.

Очевидно, это был простой предлог для сокрытия эмоций, которые он считал недостойными своего имени воина, и для предотвращения любой ревности со стороны его советников. И последующие события привели бы к тому же выводу. Он продержал своего пленника всего два дня. По прошествии этого времени он велел отвести его в большой дом в лесу и там оставить одного на циновке у огня. Вскоре из-за широкой циновки, разделявшей дом, послышался ужасный шум; и тогда Поухатан, одетый самым фантастическим образом, с примерно двумя сотнями последователей, таких же замаскированных, как и он сам; вошел и сказал Смит, что теперь они друзья; "и вскоре он должен отправиться в Джеймстаун, чтобы прислать ему два больших ружья и точильный камень, за которые он отдаст ему страну Капаховсик и навсегда будет уважать его как собственного сына". Соответственно, он был отправлен с двенадцатью проводниками в Джеймстаун. Однажды ночью отряд расположился в лесу и прибыл в форт к следующему утру. Пока они стояли, дикарей прекрасно развлекали. Им показали две полукулеврины и мельничный жернов, а также другие диковинки. Они предложили отнести первые в Поухатан, но, сочтя их несколько тяжеловатыми, удовлетворились множеством более легких подарков. Они были чрезмерно напуганы выстрелом из кулеврин. —Смит, имевший в

виду как политические, так и личные мотивы, зарядил их камнями и запустил ими в ветви дерева, покрытые огромными сосульками. Эффект легко можно себе представить.

Той же зимой Смит посетил Поухатан в компании капитана Ньюпорта, джентльмена, недавно прибывшего из Англии, который уже отправил много подарков императору. В сопровождении охраны из тридцати или сорока человек они в первый же день доплыли до Веровокомоко. Здесь мужество Ньюпорта изменило ему. Особенно его встревожил вид различных мостов, по которым им приходилось переходить через ручьи; они были так некрепко сделаны из жердей и коры, что он принял их за ловушки, расставленные дикарями. Но Смит с двадцатью людьми, покинув лодку, взялся идти вперед и завершить путешествие. Поэтому он двинулся дальше и вскоре был встречен двумя или тремя сотнями индейцев, которые провели их вгород. Там Поухатан приложил все усилия, чтобы устроить ему королевское развлечение. Люди кричали от радости, увидев Смита; в его адрес были произнесены речи; и был устроен обильный пир, чтобы освежить его после утомительного путешествия. Император принял его, полулежа на своем ложе из циновок, рядом с ним лежала подушка из выделанной кожи с блестящей вышивкой ракушками и бисером, а его одежда состояла в основном из красивой меховой накидки "размером с ирландский каминный стол". У его изголовья и ног, как и прежде, сидели две миловидные молодые женщины; а по бокам дома сидели еще двадцать женщин, у каждой голова и плечи были выкрашены в красный цвет, а на шее висела большая цепь из белых бус. Перед ними в таком же порядке сидели его лучшие люди в его похожем на дерево доме, и более сорока тарелок прекрасного хлеба стояли в качестве стражи на двух ярусах по обе стороны от двери. Четыре или пять сотен человек выставили охрану позади них для нашего прохода; и было объявлено, что никто не посмеет совершить ничего плохого или невежливого, кроме смертной казни. За множеством приятных бесед, чтобы возобновить свое старое знакомство, этот великий король и наш капитан провели время, пока отлив не выбросил нашу баржу на мель. Затем, возобновив их пиршество пиршествами, забавами, пением и тому подобным весельем, мы разделили ту ночь с Поухатаном ". [FN]

[Ф.Н.] История Смита, Ричмондское издание, стр. 167.

На следующий день Ньюпорт, который передумал от своих страхов, сошел на берег, и его встретили в том же гостеприимном стиле. Английский мальчик по имени Сэвидж был отдан Поухатану по его просьбе; и он оплатил ему тем же, что подарил Ньюпорту индейца по имени Номонтак, своего верного и проницательного слугу. Одним из мотивов такого соглашения, вероятно, было желание получить информацию об английской колонии. В течение еще трех или четырех дней, которые прошли в пиршествах, танцах и торговле, старый Сахем проявлял столько достоинства и осмотрительности, что вызвал в умах гостей глубокое восхищение его талантами. В одном случае он был близок к тому, чтобы оскорбить их, проявив свою проницательность, хотя это справедливо можно считать скорее их ошибкой, чем его.

Похоже, Ньюпорт привез с собой множество товаров для бартерной торговли — таких, которые, по его предположению, должны были стоить дорого на кукурузу. И соответственно поухатаны, как правило, низшего класса, охотно торговали с ним и его людьми. Они, однако, не были прибыльными покупателями; они вели дела в небольших масштабах; у них было не так уж много зерна в запасе. Следовательно, целью было наладить торговлю с самим императором. Но он делал вид, что отказывается от этого и презирает. "Капитан Ньюпорт, - сказал он, - моему

величию не подобает так торговать из-за пустяков. Я великий Верующий, и я уважаю тебя так же. Поэтому выложите мне все ваши товары вместе; что мне понравится, я возьму, а взамен вы получите то, что, по моему мнению, имеет справедливую стоимость". Это предложение было истолковано Ньюпорту Смитом, который в то же время сообщил ему об опасности, которой он должен подвергнуться, принимая его. Но Ньюпорт был тщеславным человеком и уверенно рассчитывал либо ослепить императора своим хвастовством, либо покорить его своей щедростью, чтобы добиться любой просьбы, с которой он мог бы обратиться. К несчастью, события доказали обратное. Поухатан, хладнокровно выбрав из ньюпортских товаров то, что ему больше всего понравилось, оценил свою собственную кукурузу по такой цене, что, по словам Смита, с таким же успехом ее можно было купить в старой Испании; они получили едва ли четыре бушеля там, где рассчитывали на двадцать бочек.

[FN] Повхатанский термин общего значения, соответствующий Северному *сахему*, *башебе* из штата Мэн и английскому *вождю*.

Теперь настала очередь Смита испытать свое мастерство; и он провел свой эксперимент более мудро, чем его товарищ, полагаясь не на проницательность императора, а на его простоту. Он как бы случайно достал разные игрушки и безделушки и ухитрился, ловко рассматривая их на свету, показать с большой выгодой. Прошло совсем немного времени, прежде чем Повхатан обратил свой наблюдательный взор на нитку блестящих голубых бус. Вскоре он стал настойчиво добиваться их получения. Но Смит очень не хотелось расставаться с этими драгоценными камнями; они, как он заметил, состояли из самого редкого вещества цвета неба и подходили для ношения только величайшим королям мира. Дикарь все больше и больше жаждал завладеть такими драгоценностями, так что в конце концов была заключена сделка, к полному удовлетворению всех сторон, по которой Смит получил от двухсот до трехсот бушелей зерна за фунт или два голубых бусин. Сразу же после этого были проведены аналогичные переговоры с Opechancanough в Памункее. Он получил некоторое количество этих бесценных украшений почти по той же цене; и, таким образом, бусы приобрели такую популярность среди индейцев повсюду, что никто, кроме знатных вельмож, их жен и детей, не осмеливался показаться с ними на людях. Это были имперские символы огромной ценности.

Но Поухатан установил высокую оценку не только бисеру. Он осознал огромное преимущество, которым обладали англичане в вооружении перед его собственными людьми, и ему стало чрезвычайно интересно встать на одну сторону с колонистами, в то время как он мог бы господствовать над менее удачливыми иностранными индейскими племенами, как ему заблагорассудится, на другой. Когда Ньюпорт уезжал из страны в Англию, он прислал ему двадцать прекрасных индеек и попросил взамен столько же мечей, которыми этот джентльмен был достаточно неосмотрителен, чтобы снабдить его. Впоследствии он передал тот же комплимент Смит; и когда последний не дал ему в уплату мечей, он был сильно оскорблен и, как говорят, приказал своим людям забирать их везде, где они могли достать, хитростью или силой. Но Смит вскоре проверил этот проект в своей обычной краткой манере; и Поухатан, сочтя эту игру отчаянной, послал Покахонтас с подарками, чтобы извиниться за увечья, нанесенные "некоторыми из его буйных воинов", и пожелать, чтобы те, кто был в плену, были освобождены на этот раз за их хорошее поведение. Смит достаточно наказал их и удовлетворил

просьбу императора "ради Покахонтас". Совет был оскорблен тем, что они сочли его жестокостью; но Поухатан, по крайней мере, притворился удовлетворенным.

Мы снова слышим об императоре в сентябре (1608 г.), когда капитан Ньюпорт прибыл со вторым грузом для колонии и новым поручением для себя. Этим ему было разрешено совершить исследовательскую экспедицию *поисках золота* среди монакцев горной страны; и из Англии была доставлена баржа из пяти частей, которую нужно было перевезти через холмы, а оттуда доставить компанию к *Южному морю*. Смит выступил против этого мудрого предложения на основании потребностей колонии; они особенно нуждались в провизии, которую нужно было заготовить на предстоящую зиму. Но подавляющее большинство было против него. Его даже обвиняли в ревности по отношению к Ньюпорту; и последний, как он думал, победил все его сопротивление, взяв на себя обязательство закупить кору кукурузы в Поухатане, по его предполагаемому маршруту к Южному морю, в Веровокомоко. Однако он потребовал, чтобы с ним отправились сто двадцать человек; он не верил в дружбу императора или его подданных.

Теперь вперед вышел Смит и вызвался лично передать необходимые сообщения Поухатану и пригласить его посетить Джеймстаун с целью получения подарков, привезенных для него из Ньюпорта. Среди них, по-видимому, были великолепный таз и кувшин, кровать, прикроватный тумбочек, одежда и различные другие дорогостоящие новинки; единственным результатом которых, как утверждал Смит, могло стать то, что император переоценил важность своей собственной милости и продал за одно только золото и серебро то, что он до сих пор с готовностью продавал за медь и синие бусы. Другим подарком была королевская корона, разосланная его британским Величеством королем Джеймсом I. вероятно, в надежде склонить Поухатана к подчинению своей собственной власти и, во всяком случае, с приказом освятить "божественное право" своего королевского союзника в Вирджинии церемониями торжественной коронации.

Смит взял с собой только четырех спутников и прошел по лесу по суше около двенадцати миль до Веровокомоко. Поухатан тогда отсутствовал на расстоянии двадцати или тридцати миль. Покахонтас немедленно послала за ним, а тем временем она и ее женщины развлекали своего гостя в стиле, слишком примечательном, чтобы пройти мимо, не обратив на него внимания. В чистом поле был разведен костер, и Смит сидел перед ним на циновке, окруженный своими людьми. Внезапно в лесу неподалеку послышался такой ужасный шум, что незнакомцы поспешно схватились за оружие и даже схватили двух или трех старых индейцев, стоявших поблизости, опасаясь, что Повхатан со всеми своими войсками напал на них врасплох. Но вскоре появилась Покахонтас, и небольшое объяснение убедило капитана, что, как бы она ни преуспела или потерпела неудачу, ее единственным намерением было ублажить его и оказать ему честь. Поэтому он бесстрашно смешался с индейскими мужчинами, женщинами и детьми, уже собравшимися в качестве зрителей, и церемония продолжилась.

"Затем, вскоре, им был представлен этот антиквариат. Тридцать молодых женщин вышли обнаженными из леса, прикрытые сзади и спереди лишь несколькими зелеными листьями; все их тела были окрашены, некоторые одного цвета, а некоторые другого, но все они отличались друг от друга. На голове у их предводительницы был фэйр пайр из оленьих рогов, на поясе - шкура выдры, еще одна - на руке, на спине - связка стрел, в руке - лук со стрелами. У следующей в руке был меч, у другой - дубинка, у третьей - горшок-палка, все с одинаковыми рогами; остальные были все как один со своими разными приспособлениями. Эти исчадия ада с

самыми адскими криками и улюлюканьем выбегают из-за деревьев, собираются кольцом вокруг костра, распевая и пугая самой превосходной разновидностью зла, часто впадая в свои адские страсти, и снова торжественно поют и пугают. Проведя в этом маскараде не более часа, как они вошли, они таким же образом удалились".

Взяв себя в руки, они торжественно пригласили его к себе на квартиру, где он не успел переступить порог, как все эти нимфы измучили его больше, чем когда-либо, толпясь, давя и вертясь вокруг него, самым нудным образом выкрикивая: "Разве ты не я?" Разве ты не я? Это приветствие закончилось, был накрыт пир, состоящий из всех оставшихся в живых деликатесов, которые они смогли найти; одни присутствовали, другие пели и хвастались ими. Когда это веселье закончилось, с горящими головнями вместо факелов они отвели его в его жилище.

"Так они показали свое искусство владения оружием и другое искусство в устрашении; Одни курили овсяные трубки, а другие распевали песни".

Поухатан прибыл на следующий день, и Смит передал ему послание, в котором просил посетить "своего отца" Ньюпорта в Джеймстауне с целью получения вновь прибывших подарков, а также совместной кампании *против монакцев*. Хитрый дикарь ответил на это коварное предложение со свойственным ему умом и независимостью. "Если ваш король прислал мне подарки, — сказал он с большим спокойствием, — то я тоже король, и это моя земля — здесь я пробуду восемь дней, чтобы получить их. *Твой отец* должен прийти ко мне, а не я к нему, и пока что не в твою крепость. Я не клюну на такую приманку. Что касается монакцев, я могу отомстить за свои собственные обиды. Что касается Аتكваначака, где, по вашим словам, был убит ваш брат, то это совсем не то, что вы предполагаете. А что касается любой соленой воды за горами, то сведения, которые вы получили от моего народа, ложны. После этого он начал чертить палкой по земле географию этих различных регионов. После еще нескольких рассуждений на общие и комплиментарные темы Смит вернулся со своим ответом. Его слуга Номонтак, который был в Англии с Ньюпортом, был возвращен ему по этому случаю.

Подарки были отправлены в Веровокомоко по воде, а два капитана отправились по суше с охраной из пятидесяти человек. Здесь стороны договорились о коронации на следующий день; и в это время были внесены подарки, расставлены кровать и мебель, а император облачен в алый плащ и другие одеяния, хотя и с большим шумом и только вследствие искреннего заверения Номонтака, что они не причинят ему вреда. Что же касается преклонения колен для принятия короны, о чем его просили, то он полностью истощил терпение своих посетителей своим сопротивлением. В конце концов, хитростью они добились своего. Один сильно навалился ему на плечи, так что он немного пригнулся, а еще трое стояли наготове, чтобы водрузить ему на голову королевскую безделушку; после чего при выстреле из пистолета гвардейцы приготовились к такому ружейному залпу в качестве приветствия, что император (теперь, по крайней мере, коронованный особа) вскочил, как говорит Смит, в ужасном страхе, пока не убедился, что все в порядке. Вскоре к нему вернулось самообладание, и он великодушно подарил Ньюпорту свои старые башмаки и плащ в знак признательности за оказанную любезность. Но, поняв, что главной целью этого джентльмена было обнаружить монакцев, он постарался изменить свое решение и категорически отказался одолжить кого-либо из своих людей, за исключением Номонтака. Однако все было сказано и сделано

вежливо, и перед отъездом Ньюпорту подарили горсть кукурузных початков в количестве семи или восьми бушелей в благодарность за его вежливость и подарки.

В течение некоторого времени после этого о Поухатане почти ничего не было слышно, за исключением редких сообщений от некоторых из его племен, которые, как говорят, отказались торговать с англичанами из-за его приказов на этот счет. По-видимому, он начал им завидовать, а Смит, с другой стороны, настолько отвечал взаимностью на его дурное настроение, что одно время подумывал напасть на него врасплох и отобрать все его припасы. Но обе стороны по-прежнему соблюдали приличия; и в декабре (1608 г.) император пригласил капитана навестить его — ему нужна была его помощь в строительстве дома, и если он привезет с собой точильный камень, пятьдесят мечей, несколько мушкетов, петуха и курицу, а также некоторое количество бус и меди, он мог рассчитывать на корабельный груз зерна. Смит, всегда готовый к приключениям, принял приглашение и отправился в путь на катере и двух баржах, укомплектованных сорока шестью добровольцами. Экспедиция считалась настолько опасной, что многие отказались от поездки, предварительно пообещав это сделать; хотя все знали, что, если что-то и удастся заполучить, Смит был не из тех, кто вернется разочарованным.

Отправившись в путешествие 29 числа того же месяца, запасшись провизией на три или четыре дня, он провел первую ночь в Уорраскьюке. Главный сахем этого места, будучи дружелюбным, сделал все, что было в его силах, чтобы отговорить капитана от продолжения путешествия.

"Поухатан обойдется с тобой по-доброму, - сказал он, - но он послал за тобой только для того, чтобы перерезать тебе горло. Не доверяй ему и не давай ему возможности схватиться за твое оружие". Следующая ночь и еще несколько были проведены у Кекоутана, где англичане были задержаны сильным штормом, но нашли веселое настроение и хорошие костры. Колонисты, которые привыкли путешествовать со Смитом, научились выдержке. "Им было неинтересно в любую погоду, - сообщает он нам, - проводить вместе три или четыре ночи под деревьями". Им тоже нравилось охотиться на марше, и здесь представилась прекрасная возможность:

"Президент Энтони Бэгнолл совершил сто сорок восемь фолов, и сержант Писинг убил их с трех выстрелов". Было 12 января, когда они добрались до Веровокомоко.

Они сошли на берег, без особых церемоний разместились в первом попавшемся доме и послали в Поухатан за провизией. Их быстро снабдили большим количеством хлеба, оленины и индейки. Щедрый хозяин снова угостил их на следующий день; но не без расспросов в конце приема, когда они предложили разойтись по домам, намекнув, что удовольствие от их компании было совершенно неожиданным и что у него и его людей осталось очень мало зерна — хотя *за сорок мечей*, по его мнению, можно было бы собрать сорок корзин. В ответ Смит спросил, не забыл ли он так внезапно о своем собственном приглашении, а затем представил посыльных, которые доставили его и которые случайно оказались поблизости. Император сделал вид, что рассматривает это дело просто как шутку, и от души рассмеялся. Тогда Смит предложил обмен, но Поухатан не взял ничего, кроме ружей и мечей, и ценил корзину зерна выше, чем корзину меди. Капитан был уязвлен и высказал свое мнение смело и без утайки, дав императору понять, что необходимость может вынудить его прибегнуть к неприятным мерам для удовлетворения своих собственных нужд и нужд колонии.

Паухатан выслушал это заявление с холодной серьезностью и ответил с соответствующей откровенностью: "Я сделаю для вас все, что смогу, - сказал он, - и это в течение двух дней. Но, капитан Смит, у меня есть некоторые сомнения относительно цели вашего визита. Мне

сообщили, что вы больше хотите завоевывать, чем торговать, и, во всяком случае, вы знаете, что мой народ, должно быть, боится приближаться к вам со своим зерном, пока вы ходите вооруженным и с такой свитой. Тогда отложите свое оружие. Здесь оно не нужно. Мы все друзья, все поухатанцы". Информация, на которую здесь ссылаются, вероятно, была получена от двух или трех немцев, которые покинули колонию и ушли к индейцам.

Теперь между англичанином и дикарем завязалось великое состязание в изобретательности — последний, по-видимому, старался тянуть время только для того, чтобы заставить первого и его людей насторожиться. Он особенно настаивал на том, чтобы они сложили оружие. "Капитан Смит, - продолжал он, - я стар и хорошо знаю разницу между миром и войной. Я хочу спокойно жить с вами и желаю того же своим преемникам. Теперь слухи, которые доходят до меня со всех сторон, вызывают у меня беспокойство. Чего вы ожидаете добиться, уничтожив нас, которые обеспечивают вас пищей? И чего вы добьетесь войной, если мы сбежим от вас и спрячем нашу провизию в лесу? Как видите, мы тоже безоружны. Неужели вы считаете меня таким дураком, что я не предпочту есть хорошее мясо, спокойно спать со своими женами и детьми, смеяться и веселиться вместе с вами, иметь медь, топоры и все остальное — как ваш друг — бегству от вас как от вашего врага, лежанию холодным в лесу, поеданию желудей и корней, а тем временем за вами будет такая охота, что, если сломается хоть одна веточка, мои люди закричат, что идет капитан Смит. Тогда давайте будем друзьями. Не вторгайтесь к нам с такой вооруженной силой. Сложите это оружие".

Капитан ответил на эту речь и на несколько других в том же духе, пока, либо увидев, либо предположив, что император преследует враждебные цели, он не отдал секретный приказ вытащить свою лодку на берег сквозь лед и высадить тех из своей роты, кто еще оставался на борту. Он также попытался задержать Поухатана, произнес несколько бессмысленных речей, но последнего было не так-то легко перехитрить. Он представил двух или трех женщин, чтобы поддержать резкий разговор с врагом, и внезапно воспользовался этой возможностью, чтобы покинуть дом со всей своей свитой и багажом. Через несколько минут Смит оказался в окружении индейцев; и вслед за этим, как нам рассказывают, "со своим пистолетом, шпагой и мишенью он проделал такой проход среди этих обнаженных диуилов, что при первом же выстреле те, кто был рядом с ним, повалились друг на друга". Остальные бросились врассыпную.

Паухатан еще не был обескуражен. Его люди снова столпились вокруг Смита с вежливыми объяснениями всего случившегося; и он сам послал ему большой и красивый браслет от руки одного из своих главных ораторов с речью, полной комплиментов и оправданий. Были приготовлены корзины для перевозки зерна, проданного на борт лодки, и индейцы даже предложили свои услуги *по охране оружия англичан*, пока они занимались провизией. В этой услуге было отказано; но так как англичанам все еще приходилось ждать прилива на следующее утро, то тем временем не жалели сил, чтобы развлечь их пирами и забавами. Смит предполагает, что Сахем все это время готовил свои силы для того, чтобы застать их врасплох за ужином. Вероятно, он предположил верно; и если бы не Покахонтас, есть основания полагать, что эта игра действительно увенчалась бы успехом. Добросердечная принцесса пришла вечером в дом Смита в лесу, одна, и искренне посоветовала ему во что бы то ни стало как можно скорее покинуть владения ее отца. Последний, по ее словам, собирал все свои силы, чтобы напасть на него, если только тем, кого послали с его ужином, самим не удастся расправиться с ним.

Менее чем через час явились восемь или десять крепких парней с большими тарелками оленины и другой снеди, которые настойчиво требовали, чтобы англичане *погасили свои спички*, дым от которых, по их словам, был им очень неприятен. Капитан, не замечая этого обстоятельства, заставил их попробовать каждое блюдо, а затем отправил некоторых из них обратно сказать Поухатану, что англичане готовы принять его; что касается их самих, то он понимает их злодейство, но они должны быть свободны. Вскоре после этого, с перерывами, приходили другие посланцы, чтобы узнать, как продвигаются дела. Ночь обе стороны провели без сна. Каждая сторона бдительно следила за движениями другой, в то время как обе были достаточно утонченны и вежливы, чтобы все еще изображать дружбу. Во время половодья Смит ушел со своей ротой, оставив с императором, по его собственной просьбе, англичанина, чтобы тот убивал для него дичь, и двух или трех немцев, чтобы они помогали ему строить дом.

Но игра еще не была закончена. Не успел он отплыть в Паманки, как император отправил депутацию через леса в Джеймстаун, чтобы воспользоваться его отсутствием и закупить некоторое количество боеприпасов и оружия. Прибыв на место, эти посланцы сообщили капитану Уинну, временному коменданту колонии, "что они прибыли за какими-то необычными инструментами и сменой одежды; под этим благовидным предлогом они передали в свою конфедерацию еще шесть или семь человек [колонистов], которые в настоящее время снабдили их огромным количеством мечей, наконечников копий, пики, дроби, пороха и тому подобного". [FN] под рукой было достаточно индейцев, чтобы унести вещи, как только они были получены; и на следующий день депутация вернулась домой, никем не заподозренная, после заключения соглашения об услугах тех бродяг-предателей, которые были готовы дезертировать из колонии. Один или двое из тех, кто уже дезертировал, снабдили Поухатана тремя сотнями топоров, пятьюдесятью мечами, восемью "шашками" и восемью пиками.

[Ф.Н.] История Смита, стр. 213.

Тем временем Смит прибыл в Паманки, и здесь Опечанкану развлекал его всевозможными пиршествами и весельем. В день, согласованный сторонами для начала торговли, капитан с пятнадцатью своими людьми поднялся на четверть мили от реки к дому Сахем, назначенному месту встречи. Он не нашел там никого, кроме хромого мужчины и мальчика. Другие дома в деревне были полностью заброшены. Вскоре, однако, появился Сахем, за которым следовало множество его подданных, хорошо вооруженных луками и стрелами. Предпринимались попытки купить кукурузу, но так безуспешно, что Смит был спровоцирован и сделал ему замечание, как он сделал с Поухатаном. После этого Сахем продал все, что было под рукой, и пообещал дать лучшее удовлетворение на следующий день.

Затем, соответственно, Смит появился снова. Он нашел в доме четверых или пятерых мужчин с большими корзинами, но было ли в них что-нибудь, неизвестно. Вскоре вошел сам Опечанкану и завел веселую беседу, особенно подробно рассказывая о том, какие усилия он приложил, чтобы сдержать свое обещание. Как раз в этот момент один из сопровождающих Смита принес ему весть о том, что дом окружен. Леса и поля вокруг него были заполнены более чем семьюстами дикарями, вооруженными и раскрашенными для битвы.

Англичане, которых на берегу было всего пятнадцать человек, в целом были сильно встревожены этим известием и могли легко заметить, что Опечанкану наслаждался их удивлением. Но теперь Смит был в своей стихии. "Мои достойные соотечественники, - сказал он своим дрожащим товарищам, - если бы мне не нужно было больше бояться моих друзей, чем этих врагов, я был бы готов встретиться с вдвое большим числом — только поддержите меня. Но какой курс следует избрать? Если мы начнем с них и захватим короля, у нас будет более чем достаточно сил, чтобы удержать его и защитить себя. Если мы убьем их всех, нам придется умереть с голоду из-за нехватки провизии. Что касается их ярости, то это наименьший повод для опасений. Вы знаете, что до сих пор я управлял двумя или тремя сотнями из них в одиночку. Теперь нас шестнадцать человек против их семисот. Если вы осмелитесь встать и выстрелить, им будет достаточно одного дыма. Но в любом случае давайте сражаться как мужчины, а не умирать как овцы. Однако сначала позвольте мне предложить им некоторые условия, и тогда нам будет за что бороться". В этом случае, не терпящем возражений, компания поклялась немедленно поддержать его во всем, что бы он ни предпринял, или умереть.

Затем капитан подошел к Сахему и обратился к нему. "Опечанканау, - сказал он, - я вижу, ты замышляешь убить меня, но я тебя не боюсь. Пока ни твои, ни мои люди не причинили большого вреда. А теперь возьмите свое оружие — как вы видите, оно мое — мое тело будет таким же обнаженным, как и ваше, - остров на реке - подходящее место для битвы, и победитель из нас двоих будет хозяином всего. Если у вас недостаточно людей, найдите время, чтобы собрать еще — сколько угодно, — только пусть каждый принесет свою корзину с зерном, и я поставлю против этого цену медью".

Сахем ответил на это предложение очень успокаивающе. Ему было жаль, что его заподозрили в недоброжелательности, и он попросил капитана оказать ему честь и принять красивый подарок (в знак примирения), который был приготовлен для него у дверей дома. Цель этого предложения была достаточно очевидна; ибо, помимо сорока или пятидесяти индейцев, составлявших телохранителей Сахема внутри, "приманку", как называет ее Смит, у двери (что означает настоящее) охраняли около двухсот человек, и еще тридцать были размещены за большим деревом, которое стояло вдоль прохода, с зазубренными стрелами наготове. Теперь настала очередь Смита сделать движение. Он схватил Сахема посреди его свиты за длинные локоны, предъявив пистолет, висевший у него наготове, и в таком положении вывел его, дрожащего от ужаса, из толпы, окружившей дом. Он немедленно бросил свой наруч, лук и стрелы, и его испуганные подданные поспешили последовать его примеру.

"Я вижу, вы, памунки", — крикнул в этот момент капитан, все еще держа Сахема за волосы, — "Я вижу, как вам не терпится убить меня. Мое собственное долготерпение - причина вашей дерзости. А теперь пустите всего одну стрелу, чтобы пролить хоть каплю крови за одного из этих людей, или украдите хотя бы самую малую из этих бусин, и вы услышите обо мне не в последний раз, пока жив Памунки, который не отречется от этого имени. Как вы понимаете, я сейчас не в болотной жиже. Тогда стреляйте, если осмелитесь. Но при любом риске вы должны нагрузить мою лодку своим зерном, или я загружу ее вашими тушами. И все же, если вы не предоставите мне первого повода, мы можем остаться друзьями, и ваш король может уйти на свободу. У меня нет желания причинять вред ни ему, ни тебе.

Эта речь произвела свое действие. Дикари сложили оружие и привезли свои товары для торговли в таком изобилии, что англичанам в конце концов совершенно надоело их принимать.

Действительно, однажды в течение дня около сорока или пятидесяти дюжих парней яростно ворвались в дом, когда Смит спал, и еще около двухсот человек последовали за ними; но обычная активность Смита вскоре отбросила их назад, и тогда Сахем послал кого-то из своих старейшин, или советников, извинить вторжение. Остаток дня прошел в гармонии, и ближе к ночи капитан отправился в обратный путь вниз по реке, оставив Сахема на свободе. По пути были предприняты различные попытки заставить его врасплох, и в какой-то момент он был близок к смерти от отравления едой. С другой стороны, Смит был полон решимости не возвращаться домой, не отомстив Поухатану. Он вернулся через Веровокомоко с целью схватить его; но, добравшись до этой деревни, обнаружил, что немцы-предатели вынудили императора покинуть свой новый дом и увезти всю его семью и провизию. Те из поухатан, кто остался, относились к англичанам так безразлично, что последним пришлось немало потрудиться, чтобы спастись бегством. После шестинедельного отсутствия они наконец добрались до Джеймстауна с грузом в четыреста семьдесят девять бушелей кукурузы и двести фунтов оленьего сала, все это количество было куплено за двадцать пять фунтов меди и пятьдесят фунтов железа и бусы.

ГЛАВА II.

Поведение Поухатана после отъезда Смита в Англию и его причины—Военные действия возобновились—Мир, наконец, заключенный в результате захвата Покахонтас—Способ достижения этой цели—Брак Покахонтас с Джоном Рольфом—Смерть и характер Поухатана — Его личность, образ жизни, таланты, влияние. Его метод и средства ведения войны— Дисциплина его воинов—Манера, с которой он пользовался английским оружием и наукой— Причины его враждебности по отношению к колонистам—Его достоинство— Проницательность—Независимость—Вежливость—Либеральность— Простота—

Привязанность к своим родственникам—Обзор различных мнений, высказанных о нем различными историками.

С даты экспедиции, подробности которой только что были приведены, и до момента отъезда Смита в Англию, несколько месяцев спустя, англичане и поухатанцы вели торговлю друг с другом на относительно дружественных условиях. Главную причину этой гармонии следует искать в нескольких удачных инцидентах, которые позволили поразить дикую простоту одной стороны чрезмерным представлением о превосходстве другой.

Вскоре после возвращения экспедиции один из торговавших там индейцев чикахомини украл в Джеймстауне несколько предметов, в том числе пистолет. Вор скрылся, но двое его братьев, подозреваемых в соучастии в этом деле, были задержаны. Один из них был освобожден, чтобы отправиться на поиски преступника; а другой был заключен в тюрьму с тем пониманием, что, если первый не добьется успеха в своих поисках в течение двенадцати часов, *он* должен быть повешен. Но для его удобства в течение этого промежутка времени Смит снабдил его съестными припасами и древесным углем для костра. Вечером человек, которого уволили, вернулся с пистолетом; но бедняга в темнице тем временем едва не задохнулся от дыма своего угля. Те, кто пришел освободить его, сочли его мертвым. "Другой самым прискорбным образом пережил свою смерть и разразился такими горькими мучениями, что президент [Смит], чтобы успокоить его, сказал ему, что если он больше не будет воровать, он вернет его [своего брата] к жизни; но он вряд ли верил, что его можно вылечить. Тем не менее, мы делали все возможное с помощью aqua Vita и уксуса, Богу было угодно снова вернуть его к жизни, но таким пьяным и напуганным, что он казался сумасшедшим, что так же сильно мучило и огорчало другого, как прежде видеть его мертвым. Из-за этого недуга, в обмен на обещание их хорошего поведения, Президент пообещал вылечить его; и поэтому велел уложить его спать у костра, который утром, хорошо выспавшись, пришел в себя в полном здравии, а затем, когда его одели, очистив от гари, и каждому дали по монете меди, они ушли такие довольные, *что среди всех дикарей распространилась молва о чуде, что капитан Смит смог оживить человека, который был мертв*"

[Ф.Н.] История Смита, стр. 226.

Еще один из только что упомянутых инцидентов заключается в следующем. Один из подданных Поухатана, в своем рвении приобрести знания и некоторые другие вещи, завладел большим мешком пороха и баке, как называет это Смит, доспехами. Этот изобретательный ремесленник, вернувшись в Веровокомоко, решил показать эти драгоценные призы своим удивленным соотечественникам и в то же время продемонстрировать свое собственное необычайное мастерство в обращении с ними. Поэтому он начал сушить порох на доспехах, как это делали солдаты в Джеймстауне. К несчастью, он высушил его слишком сильно. Прогремел взрыв, в результате которого взорвался владелец заведения вместе с одним или двумя зрителями, выглядывавшими из-за его плеча. Несколько других были сильно обожжены и все ужасно напуганы; и на некоторое время после этого порох вообще перестал использоваться дикарями, к большой выгоде англичан.

Эти и другие подобные происшествия, как нам рассказывают, так напугали Поухатана и его людей, что они приходили со всех сторон с предложениями мира. Было возвращено несколько украденных вещей, пропажа которых никогда ранее не обнаруживалась; и всякий раз, когда индейца уличали в воровстве, где бы его ни находили, его немедленно отправляли в Джеймстаун для наказания. Вскоре после этого мы обнаруживаем, что "все эти короли и лучшие слои населения были настолько напуганы тем, что вызвали недовольство vs [колонистов], что некоторые из низших слоев общества, которых мы причинили сильную боль и наказали за их злодеяния, наняли vs, чтобы мы не рассказывали об этом их королям или соотечественникам, которые также наказали бы их, и все же вернули бы их в Имс-Тун, чтобы удовлетворить президента свидетельством их подлости".

И все же доблесть и имя самого Смита были лучшими оберегателями мира; и едва он уехал из страны в Англию, как положение снова стало наихудшим. Около тридцати англичан были отрезаны людьми Поухатана за один раз; и из шестисот человек, оставшихся в колонии после отъезда Смита, к концу шести месяцев осталось только шестьдесят мужчин, женщин и детей. Они питались в основном кореньями, травами, желудями, грецкими орехами, ягодами и иногда небольшим количеством рыбы. В пищу использовались лошадиные шкуры и даже значительное количество крахмала. Другие зашли так далеко, что раскопали и сожрали тело убитого и похороненного индейца. Один мужчина убил свою жену, "растер ее в порошок" и съел часть ее тела прежде, чем об этом стало известно. Беднягу повесили за его ужасный поступок от отчаяния.

Мир с Поухатаном был, наконец, заключен благодаря вмешательству, или, скорее, при посредничестве Покахонтас, следующим образом. В начале 1613 года [FN-1] в Джеймстаун прибыли два корабля с припасами для колонии. Поскольку их было недостаточно, капитан Аргалл, командовавший одним из них, был отправлен вверх по реке Потомак торговать с туземцами кукурузой. Здесь Аргалл свел особое знакомство *сяпонцами*, верховным сахемом Потомаков, или Патавомеков, и всегда был верным другом англичан. Он сообщил капитану, среди прочего, что Покахонтас в это время находилась на его территории, причем недалеко, вела уединенный образ жизни и была известна лишь нескольким верным друзьям. Каковы были причины, побудившие ее таким образом оставить владения своего отца ради чужеземца, не выясняется. Стит предполагает, что это было сделано для того, чтобы не быть свидетельницей частых убийств англичан, чья глупость и опрометчивость после отъезда Смита лишили ее возможности спасти их. И очень вероятно, как предполагает более поздний историк, [FN-2] она уже навлекла на себя неудовольствие императора этими неоднократными и тщетными, хотя и в высшей степени благородными попытками.

[FN-1] Эту дату упоминают все историки Вирджинии; но Принс в своих Анналах говорит, что путешествие состоялось годом позже. Белкнап (Am. Биог.) придерживается того же мнения.

[FN-2] История Вирджинии Берка, Том I. стр. 167.

Но каковы бы ни были ее мотивы, Аргалл, как только получил информацию о ее положении, решил завладеть ею как средством — за которое, он не сомневался, колония будет ему благодарна — заключения мира с Поухатаном. Джапазо, похоже, в целом был благонамеренным и честным парнем; но соблазна большого нового медного котла, который

Аргалл протянул ему в качестве обещанной награды за его помощь и подстрекательство в этом деле, - рассмотрения похвальной цели, которую предлагалось осуществить с помощью этой меры, — и последнего, хотя и не менее важного, обещания капитана, что Покахонтас не причинят вреда, пока она находится под его стражей, было достаточно, чтобы преодолеть его угрызения совести. Следующим шагом было уговорить принцессу, как обычно называли эту дружелюбную и талантливую индианку, подняться на борт лодки Аргалла. С этой целью Джапазо, который до этого сам видел многие английские суда, побудил свою жену проявить крайнее любопытство к этому предмету, настолько невыносимо назойливое, что в конце концов пригрозил избить ее. С другой стороны, добрая женщина действительно пролила несколько слез. Это происходило в присутствии Покахонтас, и сцена часто повторялась, пока, наконец, Японец, делая вид, что подавлен явным недугом своей жены, неохотно разрешил ей посетить судно при условии, что Покахонтас будет настолько вежлива, чтобы отправиться с ней.

Принцесса, всегда покладистая и неспособная больше видеть очевидное горе своей доброй подруги и хозяйки, согласилась подняться на борт корабля. Там их вежливо встретили и впервые развлекли в кают-компании. Затем капитан нашел возможность заманить Покахонтас в оружейную под предлогом совещания там с японцами, но на самом деле потому, что добросердечный Сахем, который до этого получил блестящее возмездие за свой грех и, возможно, начал смягчаться, не желал, чтобы принцесса узнала о его причастности к заговору против ее свободы. Когда Аргалл сказал ей в его присутствии, что она должна поехать с ним в колонию и заключить мир между ее отцом и англичанами, она действительно разрыдалась от горечи своей души; что же касается Джапазо и его жены, то они просто выли от безутешного и непостижимого горя. Но принцесса обрела самообладание, обнаружив, что с ней обращаются по-доброму; и в то время как она повернулась лицом к английской колонии (которую не видела со дня отъезда Смита) с чем-то даже похожим на радость от перспективы творить добро, ее огорченный опекун и его покладистая супруга с медным чайником, полным игрушек, весело поплелись обратно в свой вигвам.

По прибытии Аргалла в Джеймстаун Поухатану было немедленно отправлено сообщение, "что его дочь Покахонтас, которую он так высоко ценил, он должен выкупить нашими людьми, мечами, писями, инструментами и т. Д., Которые он вероломно украл". [FN] Это было не так лестно или успокаивающе, как можно было себе представить, это следует признать (— вежливости Смита больше не было в колонии —) и, возможно, это было причиной того, что, как говорят, неприятные новости о пленении его дочери обеспокоили его, он не прислал ответа на сообщение в течение трех месяцев. Затем, по настоянию совета Джеймстауна, он освободил и отправил семерых своих английских пленников с тремя ржавыми, пришедшими в негодность мушкетами, топором, пилой и одним каноэ, груженным зерном. Им было велено сказать, что, если Покахонтас сдастся, он возместит все причиненные им обиды, заключит вечный мир и вышлет премию в размере пятисот бушелей кукурузы. На это совет ответил, что его дочь, хотя они и будут хорошо с ней обращаться, не может быть возвращена ему до тех пор, пока все английское оружие и пленные, находящиеся в его распоряжении, не будут возвращены владельцам. Они не верили тому, что утверждал он или некоторые из его людей, что это оружие было потеряно или что белые, оставшиеся с ним, были свободными добровольцами на его службе.

Это нелюбезное послание было не более примиряющим, чем первое; и больше об императоре ничего не видели и не слышали до весны 1614 года, когда отряд из ста пятидесяти колонистов, хорошо вооруженных, отправился вверх по его собственной реке в Веровокомоко, взяв с собой Покахонтас. Поухатаны встретили их презрительной бравадой, гордо требуя объяснить цель этого нового вторжения. Англичане ответили, что они привезли дочь императора и что они ожидают за нее надлежащего выкупа либо мирным путем, либо силой. Поухатаны ответили, что если они придут сражаться, то им будут рады, и с ними следует обращаться так же, как с капитаном Рэтклиффом. На это англичане сказали, что у них, по крайней мере, будет более вежливый ответ, и немедленно начали быстро плыть к берегу в своих маленьких лодках, а индейцы примерно в то же время начали пускать в них свои стрелы. Они совершили высадку и сожгли и уничтожили все, что смогли найти. На следующий день они поплыли дальше вверх по реке и, встретившись со свежим отрядом поухатан, после некоторых препирательств и объяснений заключили перемирие и пообещали послать гонцов за императором. Вероятно, это был простой обман. Также было заявлено, что английские пленники или дезертиры сбежали, опасаясь быть повешенными своими соотечественниками. Что касается мечей и осколков, то их должны были доставить на следующий день. Но их нигде не было видно, и англичане продолжали путь, пока не достигли резиденции Поухатана (называемой Матчо), где собралось около четырехсот его воинов, хорошо вооруженных. Эти люди призывали англичан высадиться; и когда они это сделали, смело расхаживали взад и вперед среди них; потребовали совещания со своим капитаном; и сказали, что, если им не будет предоставлено времени для отправки и получения указаний из Поухатана, они будут сражаться за своих так хорошо, как только смогут. Между сторонами прошли и другие бравады, но в конце концов было достигнуто перемирие до полудня следующего дня. Тем временем двое братьев Покахонтас, о которых это первое упоминание, пришли навестить ее. Они были рады найти ее в добром здравии и пообещали сделать все, что в их силах, чтобы добиться ее искупления. Двое англичан также отправились в Поухатан. Они не были допущены к императору — по какой причине, не указано, — но Опечанкану отнесся к ним самым гостеприимным образом. По возвращении вся компания спустилась по реке в Джеймстаун.

[FN] Убит вместе с тридцатью колонистами, упомянутыми ранее в этой главе. Иначе его звали Сиклмор.

Одним из двух названных последним посланников был Джон Рольф, которого старый историк назвал "честным джентльменом хорошего поведения"; но более всего он известен по событию, на которое мы сейчас обратим внимание, — его женитьбе на Покахонтас, между которым и ним самим в течение некоторого времени существовала горячая привязанность. Мысль об этой связи так понравилась Поухатану, что в течение десяти дней после визита Рольфа он послал одного из своих ближайших родственников по имени Опачико вместе с двумя своими сыновьями посмотреть (как утверждает только что процитированный источник), каким образом будет заключен брак; и сделать для этого то, о чем их просили для его утверждения в качестве его заместителей. Церемония состоялась примерно первого апреля; и с этого времени до смерти императора, случившейся в 1618 году, неизменно сохранялись самые дружеские отношения с ним самим и с его подданными.

[Ф.Н.] Ральф Хеймер, связь с которым включена в некоторые из старейших историй других авторов. Впоследствии он был одним из членов Совета.

В истории этого знаменитого вождя слишком много запоминающихся эпизодов и слишком много замечательных черт в его характере, чтобы обойти их простым замечанием. Но, предваряя любой другой комментарий, возможно, будет уместно упомянуть некоторые факты, касающиеся его, которые принадлежат скорее к разряду любопытных, чем к разряду характерных. В случае со всеми великими людьми, а также со многими известными людьми, которые не являются великими, обычно необходимо собрать много информации, которая может быть интересной, но не быть строго важной. Поухатан был великим и отмеченным человеком, хотя и дикарем; и грубые обстоятельства, при которых он проявил себя первым и стал вторым, должны только сделать его еще более заметным объектом народного восхищения и философского отношения.

При личной встрече тот, кто часто его видел, описывает его как высокого, хорошо сложенного мужчину с суровым выражением лица; его голова слегка поседела, борода поредела (как всегда у индейцев); и "у него очень способное и выносливое тело, способное выдержать любой труд". Поскольку на вид ему было около шестидесяти лет, когда англичане впервые увидели его в 1607 году, на момент смерти ему, вероятно, было около семидесяти. В последние годы своей жизни он мало интересовался общественными делами, возложив их ведение главным образом на Опечанкану как своего вице-короля, а сам с удовольствием посещал различные части своих владений.

Мы уже имели случай наблюдать, что у него было целых три или четыре места жительства. Веровокомоко был оставлен ради Орапакеса, чтобы держаться на приятном расстоянии от колонистов. Последний стал излюбленным курортом. Там, на расстоянии мили от деревни, у него был дом, в котором хранились его гонорары и доходы — шкуры, медь, бусы, красная краска, луки и стрелы, мишени и дубинки. Некоторые из этих вещей были прибереганы на время его погребения; другие были военными припасами. Сам дом был более ста футов в длину — один историк утверждает, что пятьдесят или шестьдесят ярдов, — и поскольку его, по-видимому, посещали только индийские священники, вероятно, в сознании толпы ему придавался священный характер, что было одним из средств обеспечения его безопасности. По четырем углам были размещены четыре грубо вырезанных изображения из дерева; одно представляло дракона, второе медведя, третье пантеру, а четвертое гигантского человека - все они были сделаны, как нам сказали, злонамеренно, но в соответствии с лучшим мастерством местных жителей.

The *Государство*, которое Поухатан принял в качестве императора, в некоторой степени вытекает из предыдущих подробностей его истории. Говорят, что он держал при себе от сорока до пятидесяти самых высоких мужчин в своих владениях, что могло иметь место на войне и во время парадов и церемоний более регулярно, чем в обычные мирные времена. Каждую ночь по четырем углам его жилища стояли четверо часовых, и каждые полчаса один из телохранителей подавал сигнал четырем часовым. Недостаток бдительности с их стороны карался с самой образцовой строгостью.

Согласно всеобщему обычаю североамериканских аборигенов, он держал столько жен, сколько считал нужным, и, как утверждается, получал немалое удовольствие от их общества. Когда англичане видели его дома полулежащим на своем ложе или помосте, один всегда сидел у его изголовья, а другой - у его ног; а когда он садился, двое из них усаживались по обе стороны от него. Когда он ел, одна из них приносила ему воду на деревянном блюде, чтобы вымыть руки до и после еды; а другая приносила пучок перьев вместо полотенца. Некоторые из них были дочерьми и женами выдающихся соперников и врагов, побежденных в битве. Когда они ему надоели, он передал их в качестве подарков своим любимым воинам.

Общее доказательство талантов Поухатана можно найти в положении, которое он занимал, а также в репутации, которой он пользовался повсюду среди своих соотечественников. Индейские племена являются демократическими. Тот, кто правит ими, должен приобретать и поддерживать свое влияние благодаря своему абсолютному интеллекту и энергии. Друзья и семья могут время от времени помогать в приобретении звания, но они не обеспечат постоянного обладания им. Таким образом, в целом главного сахема можно рассматривать как сравнительно образец тех качеств, которые его соотечественники считают соответствующими этому достоинству. Он должен быть не только воином, храбрым, выносливым, терпеливым и неутомимым; но он должен проявить таланты в управлении состоянием и завоевании уважения сообщества, которым он управляет.

Но в этом случае есть более веские доказательства; и особенно в отношении конечной степени правления Поухатана по сравнению с его наследственными владениями. К ним относились лишь шесть племен из тридцати, которые в конечном итоге подчинились ему, и все они, должно быть, присоединились к его правлению вследствие сохраняемого характера и принятых им мер. Среди прочих были чикахомини, очень воинственный и гордый народ, численностью от двухсот до пятисот человек, в то время как собственно поухатаны (первоначальное ядро, так сказать, владений императора) насчитывали менее сотни. Страх, который испытывали перед ним эти дикари, проявляется во многих случаях, и особенно когда в 1611 году они воспользовались возможностью сменить его иго на английское. Они были настолько заинтересованы в этой перемене — или, другими словами, в обеспечении того, что они считали защитой нового хозяина от власти старого, — что предложили принять национальное название, обозначающее их подчинение. Соответственно, мир был заключен при условии...

I. Чтобы они навсегда назывались Tassautessus [англичанами] и были верными подданными короля Якова и его заместителей.

II. Они не должны были ни убивать, ни задерживать никого из колонистов или их скот, но возвращать их при любых обстоятельствах.

III. Они должны быть готовы предоставить триста воинов для службы колонии против испанцев *или любого другого врага*.

IV. Они не должны были входить в английские поселения, но сообщать, что они новые англичане (неясное положение, предназначенное для предотвращения смешения их с враждебными племенами.)

V. Каждый воин в начале сбора урожая должен был заплатить два бушеля кукурузы в качестве дани, получая взамен такое же количество топориков.

VI. Восемь главных мужей должны были увидеть, как все это будет исполнено, под страхом того, что сами будут наказаны. Им полагались красный мундир, медная цепь, портрет короля Якова и честь быть причисленными к его дворянам.

Этот договор был заключен при общем согласии, выраженном одобрительными возгласами; и затем один из стариков начал речь, обращаясь сначала к своим ровесникам, затем к молодежи и, наконец, к женщинам и детям, которых присутствовало множество. Он дал им понять, насколько строго должны соблюдаться эти условия и, с другой стороны, насколько безопасными они должны быть тогда, *"от фурии Повхатана или любого другого врага"*, помимо того, что они будут снабжены оружием для сопротивления им. Следует заметить, что имя императора не упоминается в статьях мирного договора; вероятно, предполагалась опасность, что оно может дойти до его ушей; а он тогда сам только что заключил дружественный договор. "Но все это, - добавляет наш историк, - было сделано скорее из опасения, что Поухатан и мы, будучи так связаны друг с другом, снова приведем их к его подчинению; из-за чего они предпочли, чтобы их защищал вс, а не мучил тот, кого они считали тираном".

[FN] Власти, упомянутые в "Истории Смита", Том II.

Мы видели, что из всего индейского населения между морским побережьем и Аллегани с востока на запад и между границами Каролины и рекой Патуксент в Мэриленде с юга на север все, кто не был подвластен владениям Поухатана, объединились против него. К первому классу относились равнинные племена, а ко второму - горцы. На языке стит монаканцы и маннахоаки сформировали конфедерацию против власти и тирании поухатана. Другой автор говорит, что он также сражался против знаменитых массавомеков; могущественной и густонаселенной нации, которая, как считается, расположена на большом соленом водоеме, "который, по всей вероятности, является либо какой-то частью Канады, либо большим озером, либо каким-то заливом какого-то моря, впадающего в Южное море". Это не очень точное описание, даже для Смита; но, как мы полагаем, под массавомеками обычно понимают не что иное, как знаменитые Пять наций Нью-Йорка. Во всяком случае, они доставляли чрезвычайно много хлопот самым северным племенам повхатана — что, возможно, было главной причиной, по которой они подчинялись ему с большей охотой. И таким образом, в то время как большая часть его собственной империи была завоевана, он был окружен внешними врагами со всех сторон, включая цивилизованную колонию на морском побережье.

Что касается его конкретной системы ведения войны и завоеваний, мы не располагаем подробной информацией. Как и индейские войны в другие эпохи, говорят, что они в значительной степени состояли из стратагемы и внезапности, а не силы. В 1608 году восстание, возникшее среди пайунтатанков, было подавлено следующим образом. Поскольку они были ближайшими соседями, в их деревни было отправлено несколько человек из его собственного племени, которые под каким-либо предлогом получили ночлег на ночь. Тем временем несколько домов были окружены засадами, и по условленному сигналу обе стороны, внутри и снаружи, в один и тот же момент начали атаку. Двадцать четыре паунтатанка были убиты, и их скальпы отнесли Поухатану, который некоторое время держал их подвешенными на веревке между двумя деревьями в качестве трофея. Женщины и дети, а также верованцы, или сахемы, были взяты в плен, а затем стали рабами или слугами.

Воины Поухатана регулярно и тщательно дисциплинировались. Во время одного из его первых интервью с англичанами частью развлечения был военный парад. Двести или триста индейцев, раскрасившись и замаскировавшись самым свирепым образом, были разделены на две роты, одна из которых временно получила название поухатанов, а другая - монакцев. У каждой роты был свой капитан. Они расположились примерно на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга. Пятнадцать человек в ряд образовывали переднюю линию обоих, а остальные расположились в тылу на расстоянии четырех-пяти ярдов от шеренги к шеренге; и не шеренгой, а в промежутке между шеренгами, чтобы задним было так же удобно стрелять, как и передним. Затем состоялись переговоры, и было заключено официальное соглашение о том, что, кто бы ни победил, тем воинам, которые переживут свое поражение, будет предоставлено два дня для собственного подчинения, в то время как их жены и дети сразу же станут призом победителю.

Отряды двинулись друг против друга — что-то вроде сержанта, командовавшего каждым флангом, и лейтенанта, прикрывавшего тыл; и вся рота двинулась вперед, прыгая и распевая воинственную музыку, но каждый был на своем месте. При первом же полете стрел они подняли с обеих сторон ужасающий шум криков и визга. "Израсходовав свои стрелы, - пишет описатель этой сцены, - они красиво объединились, атаковали и отступали, каждый ряд поддерживал другого. Получив преимущество, они схватили своих врагов за волосы на голове, и пал тот, кто был схвачен. Его враг своим деревянным мечом, казалось, вышиб ему мозги, и все же они подкрались с тыла, чтобы продолжить перестрелку". Отряд монакцев, наконец, уменьшился, и поухатаны атаковали их в форме полумесяца. Первые отступили, чтобы не быть окруженными и привлечь своих преследователей к засаде из свежих людей. Поухатаны, в свою очередь, удаляются, и монакцы пользуются этой возможностью, чтобы вернуться на свои первые позиции. "Все их действия, голоса и жесты, как при нападении, так и при отступлении, были настолько напряжены на высоте их качеств и натуры, что их странность заставляла это казаться очень восхитительным". Воинственная музыка, о которой говорилось выше, представляла собой большое глубокое деревянное блюдо, обтянутое кожей, натянутой так туго, что она соответствовала назначению барабана. Они также пользовались погремушками, сделанными из маленьких тыкв или раковин помпионов; и все это, как вполне можно предположить, смешивалось с их голосами, иногда по двадцать или тридцать штук вместе, "производя такой ужасный шум, который скорее напугал бы, чем порадовал любого человека".

Вероятно, именно благодаря немалой муштре такого рода Поухатан сделал солдат из своих подданных; и вполне естественно, что после стольких усилий и с таким успехом ему было обидно видеть, как англичане с такой легкостью терпят их поражение. Главной причиной этого превосходства также было удивление. Ни один индеец никогда прежде не видел ничего, что по форме или действию напоминало огнестрельное оружие их странного врага. Поэтому в течение некоторого времени их страх сопровождался суеверием, против которого никакое мужество не могло одержать верх. Но Поухатан не заставил себя долго ждать, решив во что бы то ни стало поставить себя в равные условия с колонистами, какова бы ни была опасность; и с этого момента он не жалел усилий для достижения своей цели. Перед отъездом Ньюпорта в Англию он выторговал у него двадцать мечей за двадцать индеек. Он попытался заключить ту же сделку со Смитом; и когда последний благоразумно отказался от нее, его рвение стало таким, как нам говорят, "что, в конце концов, устроив засаду у самых наших ворот, они [поухатаны] взяли бы их силой, врасплох против уорка или любым другим способом". [FN] Некоторых из этих беспокойных парней схватили и угрожали, они признались, что император приказал им

завладеть английским оружием или, по крайней мере, некоторыми из них, чего бы это ни стоило.

[Ф. Н.] История Смита, Том I.

Он с большой изобретательностью воспользовался склонностью некоторых колонистов к частной торговле этими контрабандными предметами и таким образом добыл большое количество дрови, пороха и острых наконечников. Итак, когда Смит отбыл в поселение после своего знаменитого визита в декабре 1608 года, он хитро попросил капитана "поручить ему, Эдварду Бринтону, *убить его фоула*, а голландцам *достроить его дом*". Этот дом, как мы видели, был заброшен; а что касается домашней птицы, то идея нанять англичанина для охоты на его поухатанов была абсурдной. Однако у него не было возражений против оружия Бринтона или его боевых заслуг. В немцах он, вероятно, уже был уверен. Они оказались предателями колонии, и вскоре после этого мы находим их усердно занятыми вооружением и инструктажем дикарей. Один из них впоследствии заявил, что император держал их на работе по принуждению. Он сам прислал ответ на требование Смита о них, что они вольны идти, если захотят, но что касается того, чтобы пронести их пятьдесят миль на спине, то он был не в состоянии. Ловкость, с которой он раздобыл оружие в Джеймстауне во время отсутствия Смита, уже была предметом комментариев.

Беспрекословное повиновение, которого он требовал от своих подданных, несмотря на кажущуюся ненадежность его командования, является ярким свидетельством степени его чисто личного влияния. "Когда он слушает, - говорит старый писатель, - его воля становится законом, и ей нужно повиноваться; они почитают его не только как Короля, но и наполовину как Бога. Они ни в малейшей степени не смеют ослушаться того, что он повелевает. У его ног они представляют все, что он прикажет, и при малейшем движении его бровей их величайшие умы затрепещут от страха". Это подчинение поддерживалось мерами, которые по своей суровости и мужеству не дискредитировали бы самого абсолютного деспота восточного мира. Однажды некоторые преступники были сожжены заживо посреди огромной кучи тлеющих углей, собранных из множества костров, разведенных специально для этой цели. Более милосердным наказанием было раздробить преступнику голову дубинкой, поскольку Смит должен был быть принесен в жертву. Самым ужасным было привязать беднягу к дереву, ломая ему суставы один за другим, а затем разделять тело тростником и ракушками. Избиение дубинками было не пустяком. Смит говорит, что видел человека, подвергнутого этой дисциплине руками двух его опытных соотечественников, пока тот не упал ниц без чувств; но он не издал ни крика, ни жалобы.

Необычайная природная проницательность Поухатана ярко проявилась в забавных преимуществах, которые он получил перед Ньюпортом; в его долгих и искусных беседах со Смитом, некоторые из которых велись при самых неловких обстоятельствах, просто чтобы выиграть время; в быстроте, с которой он отверг предложение выступить сообща против монахов — приманку, как он выразился, слишком глупую, чтобы на нее попасться; и, в конце концов, в каждом случае, когда англичане пытались вести переговоры или спорить с ним. В основном он прибегал к помощи немецких дезертиров, упомянутых выше, но у него было слишком много проницательности, чтобы доверять им после того, как они дезертировали; и поэтому, когда двое из них прибежали к нему во второй раз с предложениями передать в его

руки его главного соперника, капитана Смита, он только заметил, что люди, предавшие капитана, предадут императора, и немедленно приказал размозжить негодяям головы на месте. [FN]

[FN] Стит, книга III.

К Поухатану, как и ко многим другим представителям его расы, относились с предубеждением именно по тем причинам, которые дают ему право на уважение. Он был опасным врагом колонистов. Его враждебное влияние простиралось на сотни миль вокруг них; во-первых, он прекратил торговлю с туземцами, а во-вторых, превратил их в заклятых врагов. Поухатан, как нам говорят, "все же, когда он нашел средства, отрезал их лодки и запретил им торговлю"; [FN] и снова: "что касается корна, пожертвований и провизии из спасенных вещей, у нас не было ничего, кроме смертельных ран дубинками и стрелами". Здесь мы также видим, что император воспользовался бедствиями и отчаянием колонии, чтобы раздобыть мечи, мушкеты и боеприпасы — настолько безрассудными колонисты стали из-за голода.

[FN] Авторитеты в истории Смита, Том II.

Тем не менее, не похоже, чтобы Поухатан проводил какую-либо политику, кроме той, которую он считал необходимой для благополучия, не говоря уже о существовании, своих суверенных владений. Его война действительно была войной индейцев. Но, оставляя в стороне те обстоятельства воспитания и положения, которые сделали это делом как гордости, так и необходимости, можно с уверенностью сказать, что он всего лишь последовал примеру тех, кто должен был знать лучше. Он не только *обычно* действовал в целях самозащиты от того, что он считал узурпацией чужого и неизвестного народа, который без разрешения поселился на его берегах; но и во многих случаях был раздражен своеобразными провокациями. Простая свобода завладеть частью его территории могла быть упущена из виду. Вероятно, так оно и было. В первые дни существования поселения, когда для Поухатана не могло быть ничего проще, чем уничтожить его одним нападением, признается, что его соплеменники часто навещали англичан и относились к ним с добротой. Вскоре после этого, действительно, они совершили несколько правонарушений, но тем временем отряд англичан вторгся в глубь страны. Принимая во внимание распутный и беспринципный характер значительной части из них, не исключено, что индейцы пользовались еще большей свободой; такой, о которой историки, конечно, скорее всего, не зафиксируют и не узнают. И все же сам Смит рассказал достаточно - о себе, — чтобы прояснить этот момент. В своей самой первой экспедиции за зерном, видя, по его словам, "что торговлей и вежливостью ничего не добьешься", *он набрался смелости попробовать сделать те выводы, которые были необходимы.* Он дал мушкетный залп, вытащил свои лодки на берег, вступил в стычку с туземцами и силой добыл запас провизии. И таким образом, — добавляет скрупулезный капитан, —

"Таким образом, безграничный Бог своей властью
Создал их такими, чтобы их можно было пожирать".

[FN] Там же, том I.

Ни для императора, ни для его подданных не имело значения, что Смит вышел за рамки своих полномочий в этих вопросах. "Совет терпеливых", — пишет он в другой связи, — "что ничто не помешает войне с сауажами, с радостью поспорил бы с капитаном Смитом за его жестокость". Он добавляет, что его действия — его *выводы*, написанные на его родном языке, — внушали туземцам такой страх, что само его имя внушало ужас. Неудивительно, что иногда у него были мир и война дважды в день. Неудивительно, что едва ли неделя проходила без той или иной подлости. И снова, когда чикахомини отказались торговать, местный житель, "понимая, что политика Повхатана заключалась в том, чтобы уморить его голодом", немедленно высадил свой отряд и устроил такую демонстрацию гнева и амуниции, что бедные дикари вскоре принесли всю свою провизию.

Итак, в рассказе м-ра Хеймера нам кратко сообщается, что около Рождества (1611 г.) "в связи с нападением, совершенным ими на Апатук, сэр Томас Дейл, не потеряв ничего, за *исключением нескольких спасенных вещей*," вступил во владение территорией и продовольствием племени, без всяких церемоний поселился на первых и назвал их Новыми Бермудами! Должно быть достаточно еще одной иллюстрации. Это отрывок из истории Смита, касающийся отряда бродяг под командованием некоего Уэста, которые покинули Джеймстаун и расположились недалеко от резиденции Поухатана у водопадов реки. "Но хуже всего было то, что бедные Люди, которые ежедневно приносили свои жертвоприношения президенту, эта беспорядочная компания так мучила эти бедные души, крадя их зерно, грабя их сады, избивая их, ломая их дома и удерживая некоторых пленников, что они ежедневно жаловались капитану Смигу, что он привел им в качестве Защитников худших врагов, чем сами монахи, которых, хотя до этого они терпели из-за его любви, они просили прощения, если в дальнейшем будут защищаться — поскольку он не исправит их, как они давно ожидали ". В высшей степени разумное решение, выраженное вежливо и откровенно.

Но, что бы ни говорили о мотивах или методах ведения войны Повхатаном, следует признать, что в мирное время его характер не кажется невыгодным. Мы не можем не восхищаться римским достоинством, с которым он отвергал все предложения компромисса, пока англичане, казалось, были склонны воспользоваться собственной неправотой в насильственном захвате Покахонтас. Они знали, что это его любимое дитя, и полагались на силу его привязанности. Но, как бы ни беспокоило его ее положение, он не стал бы жертвовать своей честью настолько, чтобы вести переговоры о ее восстановлении на унижительных условиях. Он был огорчен, но еще больше разгневан. Когда, однако, он убедился, послав своих сыновей навестить ее, что с ней хорошо обращаются и она в добром здравии (хотя, как нам где-то сказано, "они слышали обратное"), он начал лучше относиться к предложениям мира. Затем пришел Рольф, "чтобы познакомить его с бизнесом", и его любезно приняли, хотя и не допустили к присутствию Поухатана. Однако молодой джентльмен объяснился с братом императора, и тот пообещал заступиться за него, как и двое сыновей. Их объяснения увенчались успехом. Император был не только убежден, что англичане вежливо принимают его дочь, но и доволен благородными намерениями и тронут страстной и нежной привязанностью Рольфа. Поэтому, как только ему стало известно о времени, назначенном для бракосочетания, — и, без сомнения, у Рольфа уже хватило вежливости попросить его согласия, — он отправил трех членов своей семьи подтвердить церемонию. "И с тех пор, - добавляет историк, - у нас была дружественная торговля как с самим Поухатаном, так и со всеми его подданными". Так ревнивы были он и они к

несправедливости; и так восприимчивы они были, в то же время, к мягким и великодушным впечатлениям.

Мы находим характерные анекдоты на тот же счет в любопытном отчете, оставленном мистером Хеймером о визите, который он нанес императору в 1614 году, вскоре после заключения мира. После некоторого разговора на деловые темы посетитель был приглашен в собственную резиденцию Поухатана, где находилась охрана из двухсот воинов, которая (как предполагает мистер Хеймер) всегда сопровождала его особу. Предложив этому джентльмену трубку с табаком, он немедленно поинтересовался здоровьем сэра Томаса Дейла, в то время президента, *итогда* его собственной дочери и ее мужа, особенно желая узнать, понравились ли эти двое друг другу. Хеймер ответил, что с сэром Томасом все в полном порядке, а что касается Покахонтас, то она была так довольна, что никогда бы больше не вернулась ко двору своего отца, если бы могла. Поухатан от души рассмеялся над этим ответом и вскоре после этого спросил о конкретной причине нынешнего визита мистера Хеймера. Когда ему сказали, что это *личное дело*, он приказал своим слугам покинуть дом, за исключением только двух женщин, которые, как говорят, были индийскими королевами, которые всегда сидели рядом с ним, а затем попросил мистера Хеймера продолжить его сообщение.

Последнее началось с того, что он доставил различные подарки от сэра Томаса Дейла, которые были доставлены соответствующим образом, к большому удовлетворению императора. Затем он добавил, что сэр Томас, услышав о славе младшей дочери императора, пожелал добиться ее руки. По его мнению, между этими двумя людьми не могло быть более тонких уз единения, чем такая связь; и, кроме того, ее сестра Покахонтас очень хотела увидеть ее в Джеймстауне. Он надеется, что Поухатан хотя бы обязать себя так сильно, чтобы терпеть ее, чтобы посетить колонию, когда *он* должен вернуться.

Поухатан не раз был очень близок к тому, чтобы прервать доставку этого сообщения. Но он взял себя в руки и ответил с большой серьезностью, что он с радостью принял приветствие президента с пожеланиями любви и мира, которые он, несомненно, должен лелеять до конца своей жизни; что он с большой благодарностью принял подарки, присланные ему в качестве залога этого; но что касается его дочери, то он продал ее всего несколько дней назад знатному Верующему, живущему на расстоянии трех дней пути, за три бушеля Роунока [Roanoke]. Хеймер взял на себя смелость возразить, что принц его величия, несомненно, мог бы отозвать свою дочь, если бы захотел, тем более что ей всего двенадцать лет, и что в таком случае он должен был бы получить за нее от президента в три раза больше, чем стоит Роанок, бисером, медью и топориками.

На это Поухатан с готовностью ответил, что любит свою дочь как жизнь; и хотя у него было много детей, больше всего он радовался ей. Он не мог жить, не видя ее, *аэто* было бы невозможно, если бы она поселилась среди колонистов, *поскольку он решил ни под каким видом не отдавать себя в их власть и не навещать их*. Поэтому он попросил мистера Хеймера больше ничего не говорить по этому вопросу, но сообщить Президенту от его имени. 1. Что *он* не желал никаких других гарантий *дружбы* президента, кроме его слова, которое уже было дано. С другой стороны, он сам уже дал такую уверенность в лице Покахонтас. *Когда-то он думал, что одной было достаточно; когда она умрет, он заменит ее другой*. Но, в то же время, он не должен считать со стороны брата лишать его сразу двоих детей. 2. Хотя Президент не давал *никаких* обещаний, он не должен не доверять ему или его людям. С обеих сторон уже было потеряно

достаточно жизней; и по его вине их больше никогда не должно было быть. Он состарился и желал умереть спокойно. Вряд ли ему следовало сражаться даже за правое дело; территория была достаточно обширной, и он предпочел бы отступить. "Надеюсь, это удовлетворит моего брата", - заключил он. И вот здесь, когда ты устал и хочешь спать, мы закончим". Затем он заказал ужин и хорошее жилье для своего гостя, и тот откланялся на ночь.

Рано утром следующего дня Поухатан сам навестил мистера Хантера в его доме и пригласил его вернуться в его собственный вигвам. Там он развлек его самым приятным образом. Время прошло приятно, и мистер Хеймер начал чувствовать себя как дома. Мало-помалу появился англичанин, тот самый, который был застигнут врасплох в перестрелке в Форт-Генри три года назад и с тех пор содержался под стражей. Он был настолько диким по цвету лица и одежде, что Хеймер узнал его только по голосу. Теперь он попросил этого джентльмена получить для него разрешение вернуться *сним* в колонию, и просьба была удовлетворена соответствующим образом и даже получила нажим. В конце концов император был раздосадован. "Мистер Хеймер, - сказал он, - у вас есть одна из моих дочерей, и я доволен. Но ты не можешь видеть со мной одного из своих людей, но ты должен увести его или разорвать дружбу. Но возьми его, если хочешь. В таком случае, однако, вы должны отправиться домой без проводников [которые обычно предлагались англичанами в таких случаях]; и если с вами случится какое-нибудь несчастье, поблагодарите самих себя".

Хамер ответил, что он так и сделает; но он не будет отвечать за последствия, если произойдет какой-либо несчастный случай. Император был разгневан этим и покинул его; но во время ужина он появился снова, угостил своего гостя с наилучшим пылом и весело беседовал. Около полуночи он разбудил Хеймера, чтобы сказать ему, что решил отпустить Паркера (пленника) с ним утром. Но он должен напомнить сэру Томасу, чтобы тот прислал ему в качестве компенсации десять больших кусков меди, бритвенный нож, точильный камень, сеть, различные рыболовные крючки и другие мелочи. Опасаясь, что Хамер забудет эти подробности, он заставил его записать их в то, что историки называют *настойной книгой*, которую тот и изготовил. "Как бы то ни было, он получил это, - говорит рассказчик, - это было справедливо, и я хотел, чтобы хи отдал это мне". Поухатан уклонился от этой скромной просьбы, сказав, что хранит это, чтобы показывать незнакомцам; но когда утром его гость покинул его, он снабдил его и его слуг достаточным запасом провизии на дорогу, дал каждому из них оленью шкуру, "одел их так хорошо, как только мог", и послал еще две своему зятю и ... своей дочери.

[FN] Вероятно, какого-нибудь английского пленника. Смит написал свое знаменитое письмо в Джеймстаун во время своего первого пленения на том, что он называет листом настольной книги.

В этом простом повествовании есть много материала для размышлений. Проницательность Поухатана в определении истинной цели визита достойна того бесстрашного достоинства, с которым он раскрыл ее. Казалось бы, он мало уделял внимания предложению женитьбы; и, учитывая только возраст его дочери — особенно по сравнению с возрастом президента, — для этого было достаточно причин. Его догадки, несомненно, были верны, и он имел некоторое право быть оскорбленным ревностью, которую все еще питали колонисты. Стит прямо заявляет, что политика сэра Томаса заключалась всего лишь в получении дополнительных обязательств по сохранению мира. [FN]

История, стр. 133.

Привязанность, которую Поухатан проявляет здесь к своим детям, его гостеприимство даже к тем, кто позволял себе вольности в силу этого, его щедрость, решимость, с которой он поддерживал мир, хотя все еще явно не доверял английской чести, его готовые увертки и разумные рассуждения, его чувствительность к оскорблениям, которые он, тем не менее, считал ниже своего достоинства терпеть, - все это легко воспринимается в данном случае и вполне достойно того, чтобы рассматриваться среди других свидетельств его темперамента и гения.

Его самообладание и рыцарская учтивость во всех прежних случаях в другой стране и в другое время не опозорили бы самого монарха Англии с львиным сердцем. В этом отношении он вполне соответствовал Смит; и не менее интересным моментом в общей истории этих двоих является наблюдение за удивительным сочетанием учтивости и энергии, с которыми оба добивались своих целей. Сразу после оглашения знаменитого ответа, который он отправил на предложение Смита Ньюпорту, историк добавляет, что "у них было много других бесед (но оба довольствовались тем, что делились друг с другом *комплиментами и любезностями*), и поэтому капитан Смит вернулся со своим ответом". В том же стиле, когда Ньюпорт прибыл сам - понимая, что его целью было обнаружить монахов и вторгнуться в них, — нам рассказывают, что он "отказался предоставить ему ни людей, ни проводников больше, чем Номантак, и поэтому после некоторой любезности с обеих сторон" он подарил разочарованному капитану семь или восемь бушелей кукурузы и пожелал ему приятного путешествия в Джеймстаун. Он не допустил бы, чтобы такому храброму человеку, как Смит, даже отрубили голову, не приказав сначала двум своим королевам подать ему воды и пучок перьев, а затем угостить его тем, что сам пострадавший считал своим лучшим варварским способом. Совершенно очевидно, что ни в одном из этих случаев не было ни страха, ни лицемерия.

Ни одна из упомянутых нами благородных черт не теряет своего очарования оттого, что они связаны с предельной простотой варварства. Поэтому читателю "Таймс" может быть позволено улыбнуться упорству, с которым этот могучий воин и прославленный монарх настаивал на выкупе Паркера рыболовными крючками, и торжественной серьезности, с которой он избавился от своей мантии и старых башмаков ради удовольствия и награды Ньюпорта. Подарками, присланными ему сэром Томасом Дейлом, были два куска меди, пять нитей белых и голубых бус, пять деревянных гребней, десять рыболовных крючков и пара ножей — не говоря уже об обещании точильного камня, когда он пошлет за ним, — очевидно, гораздо более выгодная сделка для его дочери, если бы он захотел избавиться от нее, чем два бушеля Роанока. Вельможи и королевы покоренных народов прислуживали ему за трапезой так же смиренно, как, говорят, некоторые короли средневековья прислуживали папе Римскому; но в отличие от его Святейшества, Поухатан мог сам шить себе одежду, обувь, луки, стрелы и горшки, помимо того, что сажал кукурузу для тренировки и охотился на оленей для развлечения. Весной индейцы обычно питались рыбой и несколько месяцев после этого жили налегке; но "Поухатан, их великий король, и некоторые другие предусмотрительные люди выращивают свою рыбу и мясо без препятствий и хранят их до редких пор". [FN]

Рассказ Смита о естественных обитателях Виргинии.

В общем, казалось бы, ни один честный человек не может читать историю этого знаменитого индейца с внимательным рассмотрением обстоятельств, в которые он попал, без формирования высокой оценки его характера как воина, государственного деятеля и патриота. Его недостатки были следствием образования, а не гениальности. Его недостатки были недостатками людей, которыми он управлял, и периода, в который он жил. С другой стороны, его великие таланты были его собственными, и это признают даже те историки, которые все еще относятся к нему с предубеждением. Стит называет его принцем с превосходным умом и способностями, а также великим мастером всех диких искусств управления и политики. Он добавляет, что он был проницательным, хитрым, коварный и жестокий. "Но что касается великих и нравственных искусств политики, - заключает он, - таких как истина, вера, прямота и великодушие, то он, по-видимому, мало обращал на них внимания". Мнение Берка представляется нам более правильным. В "канте цивилизации" (говорит этот превосходный историк) он, несомненно, будет заклеен эпитетами тирана и варвара. Но его право на величие, хотя у него было меньше возможностей, в полной мере столь же справедливо, как у Тамерлана или Коули-хана, и нескольких других, которых история увековечила; в то время как доказательства его тирании ни в коем случае не столь очевидны. Тем не менее, с таким же успехом можно было бы сказать, что в бытии таких доказательств нет. Своего рода военное положение, которое император иногда вводил в отношении своих собственных подданных, было не только вопросом обычая, основанного на необходимости, которая всегда должна существовать среди невежественных людей; но это был вопрос вседозволенности, которая с общего согласия переросла в конституционный закон. Справедливо было замечено, что при индийском правительстве невозможен настоящий деспотизм. Правит разум — по крайней мере, номинально, — и власть тем эффективнее, чем более добровольным является повиновение.

ГЛАВА III.

Семья Поухатан—Его преемник—Продолжение истории Покахонтас—Ее добрые поступки по отношению к колонистам в разное время, и особенно к Смит—Его благодарность—Ее цивилизация и наставления в христианстве—Ее визит в Англию в 1616 году—Прием при дворе—Интервью со Смитом—Его мемориал королеве Анне в ее честь—Ее смерть и характер—Ее потомки.

Семья Поухатана была многочисленной и влиятельной. О двух сыновьях и двух дочерях уже упоминалось. Были также три брата моложе его; и от них последовательно, в соответствии с их разным возрастом, обычай, по-видимому, требовал, чтобы правление перешло к нему после его собственной смерти. Старший, Опитчипан, соответственно, сменил его, по крайней мере, по форме. Но этот принц был бездеятельным и неамбициозным человеком — возможно, в какой-то степени из-за своей дряхлости; и вскоре он был отброшен в тень превосходящей энергией и талантом Опечанкану, который за много лет до этого фактически прибрал к рукам всю власть в правительстве. О младшем брате, Кекатохе, почти ничего не известно. Вероятно, он умер до того, как появилась какая-либо возможность подать сигнал о себе на общественном участке. Продолжение истории Опечанкану вполне достойно того, чтобы на нем остановиться более подробно; но прежде порядок времени требует от нас уделить часть внимания судьбе его знаменитой племянницы, Покахонтас.

[FN] Различными авторами называется Итопатин, Итоятин, Отан, Опитчипан, Тойатан — характерный пример неопределенности, присущей орфографии индийских имен собственных. Одна из причин кроется в обычае менять название по важным поводам. Самого Опитчипана после его восшествия на престол звали Сасавпен, а Опечанкану - Мангопесомен.

Эта красивая и обходительная женщина, которую Джон Смит в порыве своего восхищения называет "Нампарель Виргинии", в наше время отличилась главным образом тем единственным экстраординарным актом мужества и человечности, которому доблестный историк был обязан сохранением своей жизни. Но это было далеко не единственное свидетельство этих благородных качеств, сохранившееся в истории. Ее имя действительно почти ни разу не упоминается в самых древних хрониках колонии, за исключением высокопарных восхвалений и, как правило, в связи с некоторыми существенными фактами, убедительно подтверждающими всеобщее пристрастие, с которым к ее памяти относятся в те времена.

В первые и самые мрачные дни существования поселения, сразу после возвращения Смита из плена, щедрая и вдумчивая доброта Покахонтас зашла очень далеко, чтобы развеселить отчаявшиеся сердца колонистов, а также облегчить их насущные нужды. В течение длительного времени она приезжала в Джеймстаун со своими слугами раз в четыре или пять дней и привозила с собой запасы провизии, благодаря которым, как утверждается, было спасено много жизней. Более полно это будет видно из древнего документа, который мы позже подробно перепишем.

Когда Смит отсутствовал во время одной из своих индийских экспедиций, в Джеймстауне произошли чрезвычайные ситуации, которые сделали его присутствие чрезвычайно желательным. Но не нашлось ни одного человека, который осмелился бы передать ему послание от совета. Было известно, что его окружали враги, а враждебность и могущество Поухатана в тот период вызывали самые преувеличенные опасения. Некто Ричард Уиффин наконец решился на рискованное предприятие. Столкнувшись со многими опасностями и трудностями, он добрался до резиденции Поухатан через день или два после того, как Смит уехал оттуда в Памункей. Он обнаружил, что среди повхатанов идут большие приготовления к

войне, и вскоре сам стал объектом подозрений. Его жизнь, несомненно, заплатила бы за его опрометчивость, если бы Покахонтас, которая знала его опасное положение даже лучше, чем он сам, не спрятала его и не помешала поискам дикарей, которые преследовали его, так что "с ее помощью, чрезвычайными взятками и большими хлопотами за три дня пути", как гласит история, "в конце концов он нашел vs в самой гуще этих беспорядков" (в Джеймстауне.)

Ее поведение не изменилось и после отъезда Смита в Англию. Из тридцати человек, сопровождавших Рэтклиффа, когда он был убит индейцами, только один сбежал в колонию, и один был спасен Покахонтас. Это был мальчик по имени Генри Спилман, который впоследствии был возвращен своим друзьям, [FN-1] и благодаря знанию индейских языков, которое он приобрел во время проживания у патовомеков, оказался весьма полезным переводчиком. Сам Смит *нераз* был связан обязательствами перед принцессой за свою личную безопасность. Мы уже упоминали о том случае, когда он остановился на ночь неподалеку от резиденции ее отца. "Покахонтас, его дражайшая жена и дочь, в ту темную ночь пришла через надоедливый лес и сказала нашему капитану, что великая сила должна быть немедленно отправлена против нас; но Поухатан и вся сила, которую он может создать, после придут и убьют нас всех, если те, кто принес это, не смогут убить нас нашим собственным оружием, когда мы будем ужинать. Поэтому, если мы пожелаем, она хотела, чтобы vs поскорее ушел. То, что доставляло ей удовольствие, он бы приветствовал ее; но со слезами, стекавшими по ее щекам, она сказала, что не осмеливается показывать, что делает что-либо, потому что, если Поухатан узнает об этом, она была всего лишь мертва, и поэтому она убежала одна, как только пришла ". [FN-2] Какой трогательный пример тончайшей нежности, смешанной с высочайшим мужеством.

[FN-1] Однако ему было суждено, наконец, умереть от рук дикарей в 1623 году.

[FN-2] История Смита.

Было бы действительно странно, если бы Смит, при всем его пылком рыцарстве, остался равнодушен к этим неоднократным проявлениям доброты. Даже Поухатан был слишком хорошего мнения о нем, чтобы предполагать подобное, поскольку у него хватило проницательности полагаться на его благодарность в политических целях. Когда некоторые подданные императора были взяты в плен Смитом (хотя номинально существовал мир) и вынуждены признаться, что Поухатан нанял их для нанесения вреда колонии, последний "отправил гонцов *свою самую дорогую дочь Покахонтас*," с подарками, чтобы принести извинения за прошлое и обещания на будущее. Смит, с другой стороны (который не хуже любого другого понимал роль джентльмена), после того как исправил заключенных так, как посчитал необходимым, день или два обращался с ними хорошо, а затем передал их Покахонтас, "единственно ради которой он согласился смягчить их требования и предоставить им свободу". Императору заплатили за эту изобретательность его собственной монетой, когда колонисты в 1613 году взяли в плен саму принцессу, полагаясь на хорошо известную силу его привязанности к ней как на самое надежное средство установления мира.

Вскоре, возможно, будет рассказана ее дальнейшая история. Рольф был страстно очарован ее красотой и воспользовался счастливым случаем ее пребывания в колонии — возможно, он принимал активное участие в этом, — чтобы заступиться за президента в его защиту. Покахонтас питала подобные чувства к себе, и когда ее братья приехали навестить ее, она сделала одного

из них своим доверенным лицом. Рольф узнал о ее чувствах и, таким образом, набрался смелости продолжать свой иск с духом, достойным успеха, которым он увенчался. Стороны поженились. В течение года или двух молодая невеста стала довольно сведущей в английском языке и манерах и была хорошо осведомлена в доктринах христианства. Ее новые знакомые называли ее леди *Ребекка*.

В 1616 году она и ее муж сопровождали сэра Томаса Дейла в Англию. Говорят, что король Джеймс (этот помазанный педант, как называет его Стит) был оскорблен Рольфом за его самонадеянность в женитьбе на дочери короля — к тому же коронованной особы, следует помнить.— Возможно, он мог бы подумать, следуя своим собственным принципам, что отпрыск этого брака будет иметь полное право наследовать Поухатану в его владениях. Но дело обошлось без небольшого ропота, и сама Покахонтас была принята при дворе, как королем, так и королевой, с самыми лестными знаками внимания. Лорд де ла Вар, его супруга и многие другие высокопоставленные придворные последовали королевскому примеру. Принцесса была польщена проявленной к ней добротой, а те, кто принимал ее у себя, с другой стороны, были единомышленны во мнении, как выражается сам Смит, что они видели многих английских леди худшего телосложения и поведения.

Капитан в это время находился в Англии; и хотя накануне он собирался покинуть эту страну и отправиться в Новую Англию, он отложил свой отъезд с целью использовать все возможные средства, которые были в его власти, чтобы привлечь внимание принцессы. Предполагается, что мемориал, который он нарисовал собственноручно и отправил королеве, имел немалое влияние при дворе. Это стоит переписать и как курьез стиля, и как документ подлинной истории. Это звучит так:

"Высочайшей и благороднейшей принцессе королеве Анне Великобритании:

"Самая почитаемая Королева,

"Тот, кем я являюсь, мой Бог, мой Король и Страна, так часто подбадривал меня в наихудшей из крайних опасностей, что теперь честность вынуждает меня осмелиться настолько далеко от меня, чтобы представить вашему величеству эту короткую речь. Если неблагодарность - смертельная язва для всех честных людей, я должен быть виновен в этом преступлении, если упущу какие-либо способы быть благодарным. Так оно и есть,

"Что около десяти лет назад, находясь в Виргинии и взятый в плен властью Поухатана, их главного короля, я получил от этого великого Спасателя чрезвычайно любезный прием, особенно от его сына Нантагуанса, самого мужественного, миловидного, смелого духа, которого я когда-либо видел в спасателе; и его сестры Покахонтас, самой дорогой и благовоспитанной дочери короля, будучи всего лишь ребенком двенадцати или тринадцати лет от роду, чье сострадательное, жалостливое сердце, находясь в отчаянном положении, у меня есть много причин уважать ее; я был первым христианином, которого видели этот гордый король и его суровые приближенные; и, таким образом, находясь в плену их варварской власти, я не могу сказать, что испытывал малейшую нужду, которая была во власти этих моих смертельных врагов, несмотря на все их угрозы.

После примерно шести недель откорма среди этих Придворных-Спасителей, в минуту моей казни, она рискнула выбить себе мозги, чтобы убить меня, но не только это, но и так уговорила своего отца, что меня благополучно доставили в Айамс-таун, где я нашел около тридцати

восьми несчастных и больных существ, чтобы сохранить за собой все эти обширные территории Виргинии; такова была слабость этого бедного содружества, что, если бы нас не кормили спасатели, мы бы сразу умерли.

И это утешение, Милостивейшие Королевы, обычно приносила вс эта леди Покахонтас, Несмотря на все эти пассажи, когда непостоянная фортуна превращала наш мир в войну, эта нежная Девственница все равно не жалела смелости посетить вс, и благодаря ей наши тревоги часто были утолены, а наши нужды по-прежнему удовлетворялись. Была ли это политика ее отца, направленная на то, чтобы таким образом заманить ее, или Божий промысел, сделавший ее своим орудием, или ее необычайная привязанность к нашей нации, я не знаю. Но в одном я уверен: когда ее отец, используя всю свою политику и власть, попытался заставить меня врасплох, взяв с собой всего восемнадцать человек, темная ночь не смогла испугать ее, и она пробралась через мрачный лес, и с напоенным умом, изо всех сил пыталась спастись от его ярости; если бы он знал, он наверняка убил бы ее.

Аймс-тун, со своим необузданным стажем, она посещала так же часто, как жилище своего отца; и в течение двух или трех лет она, следующая под присмотром Бога, все еще была орудием защиты этой колонии от смерти, голода и полного смятения, которое, если бы в те времена когда-то прекратилось, в Вирджинии могло бы продолжаться так же, как это было при нашем первом прибытии, и по сей день.

"С тех пор это дело изменилось из-за множества случайностей по сравнению с тем, на котором я его оставил, скорее всего, после долгой и хлопотной войны после моего отъезда между ее отцом и нашей колонией, во время которой о ней ничего не было слышно, примерно через два года после того, как она сама попала в плен. Задержавшись таким образом примерно на два года дольше, колония таким образом получила облегчение, был заключен мир, и, наконец, вспомнив о своем варварском положении, она вышла замуж за английского джентльмена, с которым в настоящее время она находится в Англии; первая женщина-христианка этой нации, первая виргинская женщина, говорившая по-английски, или родившая ребенка в браке с англичанином. Вопрос, несомненно, если мой смысл действительно обдуман и хорошо понят, достойный понимания принца.

"Итак, Милостивая госпожа, я поведал вашей Мэйсти о том, что, при вашем лучшем содействии, наши соответствующие Истории расскажут о вас на свободе и что было сделано при жизни вашей Мэйсти; и как бы это ни было представлено вам более достойным пером, оно не может исходить от более честного сердца. До сих пор я ни разу не просил чего-либо у государства, и именно моя нехватка способностей и ее чрезвычайная незаслуженность, значение вашего рождения и авторитет, ее происхождение, добродетель, нужда и простота заставляют меня так смело смиренно умолять вашу мэйсти поделиться с ней этим знанием, хотя это исходит от такой достойной быть репортером особы, как я, поскольку состояние ее мужа не может сделать ее пригодной для посещения вашей мэйсти. Самое большее и наименьшее, что я могу сделать, - это сказать вам это, потому что никто так часто не пробовал этого, как я сам; и тем более существо столь великого духа, каким бы ни был ее рост.

"Если она не будет хорошо принята, видя, что это королевство по праву может называться королевством по ее понятиям, ее нынешняя любовь к вс и христианству может обернуться таким презрением и яростью, что лишит всего этого добра худших из людей; где [в то время как] нахождение столь великой королевы должно оказать ей несколько больше чести, чем она

может себе представить, за то, что она так добра к своим слугам и подданным, сделало бы ее настолько довольной, что полюбила бы ее самую дорогую кровь, чтобы ваша мэйсти и все остальные были довольны ". честные подданные короля искренне желают этого. И поэтому я смиренно целую ваши милостивые руки".

Заключительное интервью между галантным и великодушным автором этого мемориала и принцессой, которая была его героиней, - событие слишком интересное, чтобы оставить его без внимания. Ей сказали, что Смит, которого она не видела много лет, мертв; но почему ей сообщили эту информацию, непонятно. Возможно, это было сделано для того, чтобы сделать его появление более приятным. Возможно, мастер Рольф в пылу своей страсти в критический период ухаживания считал целесообразным и оправданным ответить на тревожные расспросы, которые она, естественно, задаст о Смите, особенно во время ее заключения в Джеймстауне. Но какова бы ни была причина, шок от первой встречи почти сокрушил ее. Она остановилась в Брентфорде после своего визита в Лондон, удалившись туда, чтобы избежать шума и дыма мегаполиса, которые ей совсем не нравились. О Смите доложили, и вскоре он появился. Она отдала ему честь — скромно, по его словам, и холодно, по словам некоторых других авторов, — а затем отвернулась от него, закрыла лицо руками и, казалось, была слишком смущена, чтобы разговаривать.

Несомненно, она была глубоко взволнована множеством противоречивых эмоций, не последней из которых было справедливое негодование из-за навязывания, которому подвергли ее англичане. На два или три часа она была предоставлена своим собственным размышлениям. По прошествии этого времени, после долгих просьб, ее уговорили заговорить; и этот момент, "как только был достигнут, вежливость и доброта посетительницы и ее собственный мягкий нрав вскоре вернули ей обычную живость".

В ходе своего выступления она назвала Смита своим Отцом. Это прозвище, данное королевской дочерью, было чересчур для скромности капитана, и он сообщил ей об этом. Но она не могла понять его рассуждений по этому поводу. "Ах!" — сказала она, пересказав некоторые из древних любезностей, которыми они обменялись. "Ты действительно обещал Повхатану, что то, что принадлежало тебе, будет принадлежать и ему, и тебе в том же духе. Вы называли его Отцом, будучи в его стране чужаком; и по той же причине я должен называть вас так же." Смит все еще выражался недостойно этого отличия, и она продолжила. "Разве ты не побоялся приехать в страну моего отца и внушил страх ему и всему его народу — кроме меня — ибоюсь, что я буду называть тебя здесь отцом? Тогда я говорю тебе, что *так и сделаю*; и ты должен называть меня Чайлд, и тогда я буду первым и увижу твою соотечественницу". Она заверила Смита, что ее заставили поверить, что он мертв, и что сам Поухатан разделял это заблуждение. Однако, чтобы установить этот факт с полной уверенностью, этот коварный варвар направил индейца, который сопровождал ее в Англию, навести особые справки. Это был Томокомо, один из главных советников императора и муж его дочери Матачанны — возможно, тот самый, на ком в 1614 году настаивал сэр Томас Дейл.

Это последний и самый печальный документ в истории, зафиксировавший смерть этой несравненной женщины примерно на двадцатом двухлетнем году ее жизни. Это событие произошло в Грейвсенде, где она готовилась отправиться в Виргинию вместе со своим мужем и ребенком, упомянутым в мемориале Смита. Они должны были отправиться в плавание с капитаном Аргаллом, который отплыл в начале 1617 года; и казначей и совет колонии

приготовили для них подходящие помещения на борту адмиральского корабля. Но, выражаясь языком Смита, Богу было угодно отдать эту молодую леди на его милость. Он добавляет, что она не больше горевала о своей неожиданной смерти, чем радовалась зрителям, слышавшим и видевшим, как она заканчивает так религиозно и благочестиво. Стит также сообщает, что она умерла, как и прожила долгую жизнь, самой искренней и благочестивой христианкой. По выражению более позднего историка, ее смерть была счастливой смесью индийской стойкости и христианской покорности, поразившей всех, кто видел ее, живой и назидательной картиной благочестия и добродетели, которой были отмечены ее последние минуты. [FN]

[FN] Burk's Virginia, Том I.

Тот же писатель-философ в своих общих наблюдениях за характером Покахонтас справедливо заметил, что, принимая во внимание все сопутствующие обстоятельства, ее никто не превзошел за всю историю; и что по тем качествам, которые особенно делают честь нашей природе, — гуманному и чувствующему сердцу, пылкости и непоколебимому постоянству в своих привязанностях — ей почти нет соперницы. Она действительно свидетельствовала о том, что в высокой степени обладает всеми качествами ума и сердца, которые должны были быть и были украшением и гордостью цивилизованной женщины во всех странах и временах. Ее неутомимая доброта к англичанам была совершенно бескорыстной; она знала, что так должно быть, когда она сталкивается с опасностью и усталостью, со всякого рода противодействием и трудностями, чтобы своевременно изливать ее на объекты своей благородной благосклонности. Это было деликатно и в плане отдачи. Взамен на это не ожидалось никакой милости, и все же никакому чувству долга не позволялось омрачать удовольствие, которое это доставляло. Она ничего не просила у Смита в качестве компенсации за все, что сделала, кроме того, что на нее смотрели как на его ребенка. О ее характере принцессы уже предоставлено достаточно доказательств. Ее достоинство, ее энергия, ее независимость и бесстрашное мужество, которые ни на минуту не покидали ее, были достойны дочери Поухатана.

Действительно, было справедливо сказано, что, какой бы достоверной ни была история Покахонтас, есть основания опасаться, что потомки будут склонны рассматривать ее историю как роман. "Даже не исключено, - говорит Берк, - что, рассматривая все, что касается ее самой и Смита, как простой вымысел, они могут излить свою злобу на историка за то, что тот подорвал интерес к его сюжету, выдав принцессу Поухатан замуж за некоего мистера Рольфа, о котором ранее ничего не говорилось, вопреки всем ожиданиям, вызванным предыдущими частями басни".

Юный Рольф, ее единственный отпрыск, остался в Плимуте, Англия, на попечении сэра Льюиса Стакли, который взялся руководить его образованием — его нежный возраст делал нецелесообразным переезд в Виргинию. Поскольку этот джентльмен вскоре после этого был полностью разорен и опозорен той ролью, которую он сыграл в судебном процессе против сэра Уолтера Рэли, обучение Рольфа перешло в руки его дяди, Генри Рольфа из Лондона. Со временем он стал известным и богатым человеком в Вирджинии и унаследовал значительный участок земли, принадлежавший Поухатану. После своей смерти он оставил единственную дочь, которая была замужем за полковником. Роберт Боллинг. От него у нее был единственный сын, который был отцом полковника. Джон Боллинг (хорошо известный многим ныне живущим;) и несколько дочерей, вышедших замуж за полковника. Ричард Рэндольф, полковник. Джон

Флеминг, доктор Уильям Гэй, мистер Томас Элдридж и мистер Джеймс Мюррей. Эта генеалогия взята у Стита; и он с достаточной подробностью показывает, что этот остаток императорской семьи Виргинии, долгое время живший в одном лице, разветвился на очень многочисленное потомство уже в 1747 году. Достопочтенный. Джон Рэндольф из Роанока, если мы не ошибаемся, прямой потомок принцессы в шестой степени.

ГЛАВА IV.

Продолжение истории Опечанкано—Возобновление им с Опичипаном мирного договора—Хитрость, с помощью которой он расширил свое господство над Чикагоминиями—Подготовка к войне—Причины этого—Глубокое притворство, под которым скрывалась его враждебность—Индийский обычай создавать фокусников—Маневры против интересов Англии—Великая резня 1622 года; обстоятельства и последствия этого—Особый случай, приведший к ней—Характер и смерть НЕМАТТАНОВА—Подробности войны, последовавшей за резней—Перемирие разбит англичанами—Новые усилия Опечанкано—Битва при Памункее—Мир 1632 года—Резня 1641 года—Захват Опечанкано англичанами —Его смерть и характер.

Капитан Аргалл привез из Англии, среди прочего, разнообразные подарки для Опечанканоу, который, по-видимому, был, несмотря на то, что Поухатан был еще жив, главным объектом опасений и уважения колонии. Как и все индейцы, он оплакивал безвременную кончину их любимой принцессы; но он также выразил удовлетворение заботой, проявленной о ее сыне. Аргалл отправил к нему гонцов сразу же по прибытии в Джеймстаун, и вождь нанес ему визит и получил от него подарки. Томокомо, вернувшийся с Аргаллом, испытывал неприязнь к сэру Томасу Дейлу и яростно выступал против него в частности, как и против англичан в целом; но Опечанкану либо был убежден, либо делал вид, что убежден, что его гнев и обвинения одинаково беспочвенны. После смерти Поухатана в 1618 году и он сам, и его царственный брат Опичипан возобновили древний союз императора с англичанами; под защитой которого, как нам говорят, каждый человек мирно следил за его строительством и посадкой без каких-либо примечательных происшествий или перерывов. [FN]

[FN] Стит.

Сделка, произошедшая в 1616 году, дает лучший комментарий, который мы можем дать о характере Opechancanough. Похоже, что президент Ярдли в то время взялся удовлетворить потребности колонии, собирая дань чикахомини. Но по той или иной причине этот воинственный народ отказался платить эту сумму и даже прислал ему ответ на его требование, которое он истолковал как оскорбление. Поэтому вскоре после этого он выступил к ним с отрядом из ста солдат, хорошо вооруженных. С обеих сторон последовали угрозы и бравада, и вскоре последовало настоящее сражение. Индейцы потерпели поражение, и когда Ярдли возвращался в Джеймстаун со своей добычей, Опечанкану встретился с ним и искусно заключил с ним соглашение о том, что он (Ярдли) не заключит мира с чикахомини без его согласия. Затем он отправился к этому племени и притворился, что ценой больших усилий и просьб добился для них мира. В награду за эту огромную услугу, как теперь считалось, они радостно провозгласили его королем своего народа и стекались со всех сторон с подарками из бус и меди. С этого времени он довольствовался титулом короля Чикахомини; и таким образом ему подчинился, с их собственного свободного согласия, храбрый и решительный народ, который в течение многих лет успешно сопротивлялся власти каждого дикого и цивилизованного врага.

Английские историки в целом сходятся во мнении, что Опечанкану - закоренелый враг англичан от начала до конца. Возможно, так оно и было; и у него могло быть то, что казалось ему достаточной причиной для его враждебности. Характер многих колонистов был слишком хорошо рассчитан, чтобы помешать лучшим намерениям правительства, какой бы миролюбивой и справедливой ни была их теория взаимоотношений с индейцами. Недовольство Томокомо тоже могло возыметь свое действие, и особенно среди массы его соотечественников. Залог гармонии, который существовал в лице Покахонтас, был забыт. Но прежде всего, Опечанкану был слишком проницательным человеком, чтобы не заметить в тревожной диспропорции, которая ежедневно проявлялась между мощью англичан и индейцев Виргинии — независимо от конкретных провокаций — верного указания на необходимость новой системы обороны.

Последующие события подтверждают это предположение. Со стороны вождя не могло быть лучшей подготовки к войне, чем та, которую он осуществил, подчинив чикахомини. Не исключено, что он сам спровоцировал через своих сателлитов ту самую дерзость, за которую они навлекли на себя суровое наказание со стороны колонии, что усилило его собственное влияние на них настолько же, насколько усилило их враждебность к англичанам. Мы находим, что в 1618 году они совершили несколько злодеяний самого вопиющего характера; и хотя Опечанкану, к которому обратились за сатисфакцией, пообещал прислать головы преступников, этого так и не было сделано, и можно усомниться, не был ли он посвящен в это дело или, возможно, был главным автором и затейником всего этого дела. Во всяком случае, историки утверждают, что таким образом его царственная власть над племенем была "прочно закреплена".

Тем не менее, хитроумный вождь не только не дал открытого повода для обиды или свидетельства враждебности, но, как мы видели, ему абсолютно удалось полностью успокоить подозрения колонистов. В 1620 году, действительно, мы находим запись в дневнике мистера Рольфа, что *"теперь Опечанкану не придет на вс; это заставляет вс подозревать его"*

прежние обещания". Но это небольшое беспокойство было полностью устранено с прибытием сэра Фрэнсиса Уайатта, преемника Ярдли, в 1621 году. Этот джентльмен немедленно отправил гонцов в Опечанкану и Опитчипан, которые оба выразили большое удовлетворение вступлением в должность нового президента и с радостью возобновили свои прежние отношения с колонией. Первый также заявил, что ему нравится идея о том, что англичане населяют страну. Он предложил, чтобы путем объединения двух наций некоторые белые семьи поселились среди его народа, а некоторые из его - в Джеймстауне. Было подтверждено прежнее обещание послать с англичанами проводника к определенным рудникам, которые, как утверждалось, располагались над водопадами. Более того, обман зашел так далеко, что "мистер Торп [главный посланник] думал, что он заметил больше проявлений религии в Опечанкану, чем можно было легко представить при таком большом невежестве и слепоте. Он признавал, что его собственная религия не является правильным путем, и желал получить наставления в христианской вере. Он признался, что Бог любит англичан больше, чем их самих, и он думал, что причиной Божьего гнева был их обычай заколдовывать своих детей *иделать их черными мальчиками*". [FN]

[FN] Здесь, по-видимому, делается намек на обычай, который достаточно необычен, чтобы заслуживать некоторого описания. Смит называет это ежегодным жертвоприношением детей. Церемонию, подобную той, что была проведена близ Джеймстауна, лучше всего можно описать его собственными словами. "Пятнадцать самых приличных юношей в возрасте от десяти до пятнадцати лет были белыми. Когда они появились на свет, люди провели первую половину дня, забавляясь с погремушками и распевая о них песни. Во второй половине дня они привязали этих детей к корню дерева. Рядом с ними все мужчины стояли на страже, каждый держал в руке Бастинадо, сделанное из связанных вместе тростинок. Таким образом, между ними на всем протяжении образовался переулок, по которому были назначены пять молодых людей, чтобы забирать этих детей. Итак, каждый раз, когда кто-нибудь из них проходил через караул, чтобы забрать ребенка, по очереди друг за другом, стражники свирепо избивали их своими дубинками, а они терпеливо переносили и принимали все, защищая детей своими обнаженными телами от безжалостных ударов, которые щедро им наносились, хотя дети и спасались. Все это время женщины плачут и рыдают очень страстно, гордясь циновками, кожей, мхом и сухим деревом, как вещами, подходящими для похорон их детей. После того, как дети были таким образом переданы страже, стражники срывали деревья, ветви и сучья с такой яростью, что они разрывали тело, и плели венки для их голов или украшали их сено листьями. Что элс сделал с детьми, было не видно, но всех их бросили на кучу в долине как мертвых, где они устроили большой пир для всей компании. На вопрос о значении этого жертвоприношения священник ответил, что не все дети умерли, но что *Оки* или Дивилл действительно сосал кровь из их левой груди, которая случайно досталась ему по жребию, пока они не умерли; но остальных молодые люди держали в дикой местности до истечения девяти месяцев, в течение которых они не должны были ни с кем разговаривать, *и из них сделали своих Священников и Наставников*." Мастер Пори говорит в своих Наблюдениях, что аккомаки были цивилизованным и покладистым народом: "и они не придерживаются дьявольского обычая *готовить Черных мальчиков*."

Должно быть, примерно в это же время Опечанкану взял на себя труд послать нескольких своих людей в сахем на восточном берегу за количеством яда, характерного для этого региона,

который он хотел использовать в своих операциях против англичан. Возможно, это и было истинной целью посольства; и это также могло быть лишь прикрытием для выяснения отношения восточных племен к колонии. Соответственно, в "Наблюдениях мастера Джона Пори, секретаря Виргинии, в его путешествиях" записано, что Наменакус, сахем Потуксента, в 1621 году подал в колонию прошение о предоставлении привилегии торговать с ними. Эта просьба была настолько удовлетворена, что англичане пообещали навестить его в течение шести недель. Теперь выясняется, что их торговля с индейцами в тот период в основном велась с помощью некоего Томаса Сэлвиджа, переводчика, и того самого человека, которого Смит оставил с Поухатаном четырнадцать лет назад. Визит состоялся, как и было обещано, и затем было установлено, что Опечанкану нанял одного из своих индейцев, чтобы убить Сэлвиджа. Предлог гласил: "потому что он перенес торговлю от него на восточный берег". Вероятно, правда заключалась в том, что вождь ревновал к английскому влиянию среди племен этого региона.

[FN] Стит.

Но буря, которая собиралась со дня смерти императора, была, наконец, готова разразиться над преданной колонией. Опечанкану завершил все приготовления, которые природа вещей позволяла с его стороны; и ничего не оставалось, кроме как нанести сильный удар, который, по его замыслу, должен был полностью уничтожить английские поселения навсегда. Для этого был выбран двадцать второй день марта 1622 года — эпоха, слишком памятная в истории Вирджинии, — и согласован определенный час, чтобы обеспечить одновременное наступление на всех направлениях. Различные племена, участвовавшие в заговоре, были собраны вместе и размещены в непосредственной близости от нескольких мест массовых убийств с быстротой и точностью, не имеющей аналогов в летописях континента. Хотя некоторым отрядам приходилось преодолевать большие расстояния по сплошному лесу, ориентируясь только по звездам и луне, не известно ни единого случая беспорядка или ошибки. Один за другим они следовали друг за другом в глубоком молчании, ступая как можно ближе друг к другу и поправляя высокую траву и ветки, которые они сдвигали. Они остановились на небольшом расстоянии от поселений и в мертвой тишине ждали сигнала к атаке.

[Ф. Н.] Берк.

Это должны были сказать их собратья-дикари, которые выбрали то же утро для посещения различных плантаций в значительном количестве с целью удостовериться в их силе и точном положении и в то же время предотвратить какие-либо подозрения относительно общего замысла. Следует заметить, что в последнее время это стало слишком привычной практикой у индейцев, чтобы вызывать подозрения к себе. Мир считался нерушимым. Было хорошо известно, что дикари были не в состоянии вести войну и не проявляли к ней никакого расположения. Поэтому англичане, хотя и снабжали их в целом всем, что они просили, на справедливых условиях, пренебрегли подготовкой к обороне. Они были настолько надежны, что в частном жилище редко можно было встретить меч или огнестрельное ружье. Большинство их плантаций располагались разбросанно, поскольку их привлекали привилегии на воду или избранные участки богатой земли; и действительно, обычно считалось, что чем дальше от

соседей, тем лучше. Индейцев ежедневно принимали в их домах, кормили за их столами и размещали в их спальнях; и им даже были предоставлены лодки до двадцать второго числа, поскольку они ходили взад и вперед именно с целью завершения плана уничтожения.

Настал час, и дикари, точно зная, в каком месте можно найти каждого англичанина, немедленно напали на них. Работа смерти была начата, и они не щадили ни пола, ни возраста, ни мужчин, ни женщин, ни детей. Некоторые входили в дома под видом ремесленников. Другие выманивали владельцев за границу под разными предлогами; в то время как остальные внезапно нападали на тех, кто был занят своими многочисленными работами. Казнь была настолько быстрой, что немногие заметили оружие или удар, который их прикончил. И таким образом, за один час и почти в одно и то же мгновение палитриста сорок семь мужчин, женщин и детей; большинство из них пали от собственного оружия, и все, как замечает Стит, от рук обнаженных и робких людей, которые не осмелились вынести, когда женщина держала в руках посох, похожий на огнестрельное ружье.

Те, кто был достаточно предупрежден, чтобы оказать сопротивление, спасли свои жизни. Натаниэль Коузи, старый солдат капитана Смита, хотя и был жестоко ранен, зарубил топором одного из нападавших, после чего весь окружавший его отряд обратился в бегство, а сам он спасся. В другом месте двое мужчин захватили дом против шестидесяти индейцев. В Уорраскуике некий мистер Болдуин, жена которого была так тяжело ранена, что считалась мертвой, несколько раз выстрелив из своего мушкета, отогнал врага и спас и ее, и себя. Историк Ральф Хеймер успешно защищался в своем доме лопатами, топорами и кирпичными битами. Одна маленькая семья, жившая неподалеку от Мартинс-Ста, где было убито целых семьдесят три англичанина, не только избежала резни, но и ничего не услышала о ней до двух или трех дней спустя. Джеймстаун и некоторые соседние места были спасены благодаря разоблачению индейца-христианина по имени Чанко, которому его брат конфиденциально сообщил о замысле утром 22-го.

Таково было свидетельство, которое дал Опечанкану о своей глубоко укоренившейся ненависти к англичанам. И все же его глубокое притворство было настолько глубоким, что еще в середине марта он обращался с посланцем, посланным к нему от президента, с предельной вежливостью, заверяя его, что он поддерживает мир настолько твердо, что небо рухнет скорее, чем он будет нарушен с его стороны. Мистер Торп, превосходный человек, проявлявший особый интерес к обращению индейцев в христианство, полагал, что заслужил особую благосклонность Опечанкану, построив ему очень аккуратный дом на английский манер, в котором он получал такое удовольствие, что запирал и отпирал свою дверь по сто раз на день. [FN] Он, казалось, также был доволен беседой и обществом мистера Торпа и выразил желание отблагодарить его за доброту. Тем не менее, тело этого несчастного человека было найдено среди убитых. Всего за два дня до резни индейцы провели отряд англичан через лес и отправили домой того, кто жил среди них, чтобы выучить их язык. В то самое утро рокового дня, как и накануне вечером, они пришли, как и в другие разы, безоружными в дома англичан с оленями, индюшками, рыбой, фруктами и другими товарами на продажу; и в некоторых местах сели завтракать с теми же людьми, с которыми они поднялись, чтобы сразиться томагавками.

[FN] Стит.

Конкретный случай — как его считают историки — заговора слишком характерен, чтобы его можно было опустить. Был известный индеец по имени Нематтану, который имел обыкновение из тщеславия или какого-то необъяснимого юмора наряжаться *перьями* самым варварски фантастическим образом. За эту привычку он получил у англичан прозвище *Джек-из-пера*. Он был известен среди своих соотечественников как храбростью, так и хитростью и считался величайшим военным полководцем того времени. Но, что было самым примечательным, хотя он участвовал во многих стычках и боестолкновениях с англичанами, он всегда выходил сухим из воды. Благодаря этому несчастному случаю, подкрепленному его собственными амбициями и мастерством, он в конце концов приобрел репутацию неуязвимого и бессмертного.

В начале 1622 года Нематтану пришел в дом некоего Моргана, который хранил и продавал разнообразные отборные товары для индейцев. Охваченный сильным желанием заполучить некоторые из них, Нематтану убедил Моргана сопровождать его в Памункей, уверенный в выгодном движении в этом месте. Предполагается, что по дороге он убил торговца. Через два или три дня он снова вернулся в дом своей жертвы, где дома были только двое крепких молодых людей, слуг Моргана. Они, заметив, что на голове у него шапка их хозяина, спросили о нем; и Джек откровенно сказал им, что он умер.

Это заявление подтвердило их прежние подозрения, они схватили его и попытались отвести к мистеру Торпу, который жил в соседнем поселении. Но их пленник так сильно беспокоил их своим сопротивлением и, кроме того, так невыносимо раззадорил их своей бравадой, что в конце концов они застрелили его и посадили в лодку, чтобы перевезти оставшиеся семь или восемь миль пути. Но индеец вскоре потерял сознание; и, обнаружив, что его застали врасплох предсмертные муки, он попросил своих похитителей остановиться. В свои последние минуты он самым искренним образом просил их о двух великих одолжениях: во-первых, никогда не делать достоянием гласности то, что он был убит пулей; и, во-вторых, похоронить его среди англичан, чтобы несомненное знание и памятник его смерти все еще были скрыты от глаз его соотечественников. Так сильна была господствующая страсть в смерти.

Опечанкану был настолько далек от того, чтобы быть особым другом Нематтану, что незадолго до только что описанной сделки дал понять президенту через посыльного, что тот должен считать одолжением с его стороны, если он примет меры для отправки Джека. Популярность военного капитана была единственной причиной, по которой он сам воздерживался от подобных мер. Тем не менее, с непревзойденной хитростью он воспользовался той же популярностью после смерти своего соперника — которым, по-видимому, был Джек, — чтобы лучше воспламенить индейцев и настроить их против белых. Он притворился, что чрезмерно опечален его смертью, и какое-то время был необычайно громок в своих заявлениях о негодовании и угрозах мести. От Президента прибыл гонец, чтобы выяснить, чего добивались эти демонстрации враждебности, и снова все было спокойно, как и прежде; ничто не могло заставить сахема нарушить то огромное уважение, которое он всегда питал к англичанам. Примерно в то же время он путем переговоров предоставил им свободу селиться где угодно на берегах рек, в пределах своих владений, где у туземцев не было деревень. Договор, который он уже заключил об открытии рудников, а также о взаимной дружбе и обороне, был по его просьбе выгравирован на медной табличке и прикреплен к одному из самых больших дубов, растущих на его территории, чтобы его всегда можно было хранить в памяти. [FN]

[Ф.Н.] Белкнап А.М. Биография. стр. 64, Том II.

В течение нескольких лет после резни между колонистами и дикарями велась война, настолько ожесточенная, что передала потомкам обоих взаимное отвращение и предубеждение. Первые получили в этот период название Длинных ножей, которым они отличались до очень позднего времени в иероглифическом языке туземцев. С обеих сторон были приняты все меры предосторожности и проведена подготовка ввиду отчаянного конфликта. Время от времени правительство издавало приказы, призывающие к общей бдительности и осторожности в отношении врага, который теперь занимал все мысли, и особенно запрещающие растрачивать оружие и боеприпасы впустую. Остатки поселений были сведены вместе в более узкий круг. Из восьмидесяти плантаций все были заброшены, кроме шести, которые примыкали друг к другу в нижней части реки Джеймс; и еще трех или четырех, владельцы или надсмотрщики которых, отказываясь подчиняться общественным приказам, окопались и установили пушки для своей отдельной обороны. [FN]

[Ф.Н.] Перчасс Против 1792 года.

Значительное пространство территории между виргинцами и дикими племенами было опустошено огнем с единственной целью обнажить тайные подходы врага, который под прикрытием высокой травы и подлеска и гигантского щита из дубов и кипарисов до сих пор мог продвигаться незамеченным и подниматься в атаку почти из-под самых ног англичан. Но даже граница огня не всегда могла сдерживать ярость индейцев или ускользнуть от их мастерства. Мудро довольствуясь короткими и внезапными набегами, скорее для грабежа и мести, чем для завоевания, они часто преуспевали в угоне зерна и скота колонистов, а иногда и самих колонистов в плен. С другой стороны, на них самих охотились, как на хищных зверей. Пленных не брали, пощады не было.

Со времени резни Опечанканау, похоже, больше не прилагал ни малейших усилий, чтобы скрыть свою враждебность. Он надменно ответил на первое предъявленное к нему требование о выкупе английских пленников и растоптал ногами изображение английского монарха, которое было прислано ему в качестве комплимента. В конце 1622 года, когда капитан Крошоу торговал на Потомаке с единственным племенем, которое теперь желало вести торговлю, едва он сошел со своего судна, как из Опечанкану в Джапазо (король патовомеков) прибыл гонец с двумя корзинами бус в качестве королевского подарка и умолял короля убить своих новых гостей на месте. Его заверили, что независимо от того, выполнит он свою часть работы или нет, до истечения двух лун во всей стране не останется ни одного англичанина. Джапазо сначала передал послание своему гостю; а затем, поразмыслив и проговорив об этом два дня, ответил, что англичане - его друзья, а Опитчипан (император Повхатана) - его брат; и поэтому между ними не должно больше пролиться крови из-за него. Посыльный вернул четки.

После этого у колонистов наступил сезон успехов; и, как говорят, за осень и зиму 1622-1623 годов было убито больше индейцев, чем когда-либо прежде пало от рук англичан со времен поселения Джеймстауна. [FN] Но курс, принятый цивилизованной стороной, в достаточной степени указывает на отчаянное положение их дел. Они воспользовались стратагемой, которая

по своему принципу была хуже варварской, какие бы обстоятельства ни оправдывали ее в данном случае. Врагу был предложен и принят мир; но как раз в тот момент, когда кукуруза, которую последних таким образом заставили сажать, начала созревать, англичане напали на них со всех сторон в определенный час назначенного дня, многих убили и уничтожили огромное количество провизии. Среди убитых были несколько величайших военачальников, и какое-то время сообщалось, что одним из них был сам Опечанкану. Один только этот слух, пока ему верили, был равен победе; "ибо противного, - говорит историк, - была главным образом применена эта военная хитрость".

[FN] Стит.

Такие формулировки служат достаточным доказательством опасений, которые вызывали его действия и репутация. Но он привел более веские причины для уважения, которое он все еще завоевывал у своего врага своей доблестью. В 1625 году у его родной деревни Паманки произошло сражение, в котором основные силы дикарей насчитывали восемьсот лучников, независимо от отрядов отдаленных племен; и хотя англичанам, руководимым лично губернатором Уайаттом, удалось выбить врага с поля боя, они не смогли преследовать его даже до Матапони. Этот город был их главным складом и пунктом сбора, и признанная неспособность добраться до него, хотя он находился всего в четырех милях, доказывает, что битва ни в коем случае не была решающей. Из этого дела также явствует, что все усилия англичан в течение затяжной трехлетней войны не изгнали племена даже из окрестностей их собственных поселений. Что было еще более обескураживающим, Опечанкану не суждено было быть обманутым искусством дипломатии во второй раз. В 1628 году в прокламации губернатора, в которой объявлялось о назначении уполномоченных для переговоров с врагом, недвусмысленно заявлялось о намерении повторить стратегию 1622 года; [FN] но план не увенчался успехом, и Памунки и Чикахомини — наиболее непосредственно попавшие под влияние Опечанкану — были в этот период более беспокойными, чем когда-либо прежде.

[FN] Древние записи Виргинии.

Четыре года спустя те же племена совершили вторжение, настолько яростное и тревожное, что каждый двадцатый человек был отправлен под командованием губернатора на *переговоры* с ними — термин в записях, который убедительно показывает, как отмечает Берк, уважение, которое внушал этот храбрый народ. Но Опечанкану по-прежнему был неумолим; и когда в течение 1632 года был наконец официально заключен мир, это обстоятельство так мало зависело от этого обстоятельства, что даже в то время, когда уполномоченные с обеих сторон согласовывали предварительные условия, была выпущена прокламация, запрещающая колонистам вести переговоры или торговать с индейцами.

Это перемирие, или договор, понималось обеими сторонами как временная мера; но вождь был первым, кто воспользовался им. В течение девяти лет он спокойно готовился к конфликту, который, как подсказывала ему его проницательность, рано или поздно должен был возобновиться. Наконец пробил час. Колония была охвачена раздорами. Имели место восстания. Губернатор был непопулярен, а люди оказались неподготовленными и беспечными.

Опечанкану, не теряя ни минуты, разрабатывал меры для осуществления одним ударом кровавого, но вынашиваемого им в глубине души благородного замысла, который поглотил заботы и труд столь значительной части его жизни.

Теперь он был уже в преклонных годах, но его приказы с поразительной быстротой доходили до самых отдаленных племен великой конфедерации, объединенных под его влиянием. Имея пятерку ближайших к его собственному местоположению и наиболее полностью находящихся под его контролем, он решил предпринять основное наступление лично. Наиболее отдаленные пункты были назначены ведущим вождям нескольких народов; и, таким образом, система войны, которая бушевала от устья Чесапика до истоков всех впадающих в него великих рек, была настолько проста, что делала путаницу невозможной. Все силы были брошены по всей линии английских поселений почти в одно и то же время. В результате резни погибло пятьсот человек. [FN] Многие другие были уведены в плен. Жилища, зерно, домашняя утварь, сельскохозяйственные орудия, все, что необходимо для комфорта, и почти все, что необходимо для жизни, было уничтожено огнем. Если бы не обстоятельства в ситуации с поселениями, над которыми Опечанкану не имел никакого контроля и от которых он не мог защититься, судьба Вирджинии была решена этим единственным ударом.

[FN] История Беверли, стр. 49.

Как бы то ни было, любой другой труд и мысль были приостановлены ужасами войны с индейцами. Ткацкий станок был заброшен. Плуг остался в борозде. Все, кто был способен носить оружие, были объединены в ополчение для защиты колонии; и избранный отряд, состоявший из каждого двадцатого человека, двинулся маршем во вражескую страну под личным командованием губернатора Беркли. Военные действия, которые с тех пор бушевали без каких-либо перерывов вплоть до смерти Опечанкану — и только это, как ожидалось, положило ей конец, — не описаны подробно ни одним историком. Ранние виргинские летописи, сохранившиеся в рукописи, совершенно умалчивают об этом периоде; и скудный рассказ Беверли - единственная хроника, пережившая разрушительное воздействие времени. Это обстоятельство само по себе в достаточной степени указывает на смятение и смятение той эпохи.

Опечанкану, последняя сцена которого сейчас стремительно приближается, с возрастом настолько одряхлел, что не мог ходить, хотя его дух, возвышаясь над останками его тела, руководил с носилок, на которых его несли индейцы, наступлением и отступлением своих воинов. Крушение его организма было в конце концов завершено крайней усталостью, с которой он столкнулся на этой трудной и кропотливой службе. Его плоть размягчилась, сухожилия потеряли свою эластичность, а веки так отяжелели, что он не мог видеть, пока его верные слуги не приподнимали их. В этом жалком состоянии его преследовал Беркли с конным эскадроном, и в конце концов он был застигнут врасплох и взят в плен. Впервые в своей жизни он въехал в Джеймстаун как самая заметная фигура в триумфе завоевателя.

К чести англичан, они обращались со своим выдающимся пленником с нежностью, которой требовали его немощи, и с уважением, которое внушали его внешность и таланты. Они видели, как объект их ужаса согнулся под грузом прожитых лет и был сломлен тяготами войны; и они великодушно решили похоронить память об их увечьях в его нынешнем печальном повороте

судьбы. Его собственное поведение соответствовало его былой славе и принципам индийского героя. Он презирал жалобы или проявления беспокойства. Он верил, что ему готовятся пытки; но вместо какого-либо последующего снижения его надменности его язык и поведение свидетельствовали о самом абсолютном неповиновении и презрении.

Но обычно он держался сдержанно; и, словно желая показать своим врагам, что в их присутствии нет ничего, что могло бы возбудить его любопытство, а тем более опасения, он лишь изредка позволял поднять себе веки. Он оставался в таком состоянии несколько дней, сопровождаемый своими любящими индийскими слугами, которые попросили разрешения прислуживать ему. Но его долгая жизнь, длившаяся почти сто лет, подходила к концу. Он был подло убит выстрелом в спину одним из солдат, назначенных охранять его, не по какой-либо иной причине, кроме воспоминания о своей давней вражде.

Так пишут некоторые историки, но поскольку считается, что он был моложе Поухатана, оценка, возможно, завышена на десять или двадцать ушей. Говорят, что Беркли предложил отвезти его в Англию в качестве живого аргумента в противовес распространенным в этой стране представлениям о нездоровом климате Вирджинии.

До последнего момента его мужество оставалось непоколебимым. Чем ближе подходила смерть, тем больше забот, казалось, он проявлял, скрывая свое уныние и сохраняя достоинство и безмятежность своего облика. Всего за несколько минут до того, как скончаться, он услышал необычную суматоху в комнате, где его держали взаперти. Приказав своим слугам поднять ему веки, он обнаружил множество людей, столпившихся вокруг него с целью удовлетворить несвоевременное любопытство. Умиравший вождь почувствовал унижение, но, не обращая внимания на незваных гостей, он приподнялся, насколько мог, и властным голосом потребовал, чтобы *губернатор* был немедленно доставлен. Когда последний появился, вождь презрительно сказал ему, что *"если бы ему повезло взять сэра Уильяма Беркли в плен, он не стал бы выставлять его напоказ своему народу"*. [FN]

[Ф.Н.] Беверли.

Такова была смерть Опечанкано. Его характер слишком хорошо объясняется его жизнью, чтобы требовать каких-либо дополнительных комментариев. Его собственные соотечественники находились под его влиянием в большей степени и более полно, чем они находились под влиянием самого Поухатана. Это тем более примечательно, что Опитчипан, возраст и семья которого, по крайней мере, заслуживали некоторого уважения, сохранял номинальную власть императора до тех пор, пока был жив. Беверли говорит, что индейцы не считали Опечанкану каким-либо родственником Поухатана; и что они представляли его как принца иностранного народа, проживающего на большом расстоянии где-то на Юго-западе. Возможно, он эмигрант или изгнанник из Мексиканской империи или из какого-нибудь племени между этим регионом и Вирджинией. Тот же историк описывает его как человека крупного роста, благородной осанки и экстраординарных качеств. Стит называет его политичным и надменным принцем. Берк называет его *Ганнибалом Виргинским*.

Он был, пожалуй, самым закоренелым и беспокойным врагом, с которым когда-либо сталкивалась какая-либо из американских колоний среди представителей его расы. Общие причины, которые сделали его таким, независимо от присущих ему талантов и принципов, следует искать в положении племен, находящихся под его командованием, и особенно в отношениях, существующих между ними и колонистами. Он видел, что либо белые, либо краснокожие рано или поздно должны установить исключительное превосходство; и он весьма разумно решил сделать все, что в его силах, чтобы решить этот вопрос в пользу своей страны и его самого. Но более конкретных провокаций не требовалось. Даже после заключения мира 1636 года, как ни велика была тревога за его сохранение, "хитрые индейцы, - говорит Беверли, - возмущались *посягательствами на них со стороны грантов Херви*". Поздний историк выражается в более теплых выражениях. Недостаточно, пишет он, было того, что они оставили своим захватчикам восхитительные края на морском побережье, куда их отцы были помещены щедростью небес, где их дни текли в чарующем круговороте невинности и веселья, где они обладали изобилием без труда и независимостью без правительства. То немногое, что у них оставалось, пытались отнять ненасытные и алчные враги.[FN]

[Ф. Н.] Берк, Том II.

ГЛАВА V.

Биография других вождей Вирджинии—Опиччипан—Некоторые подробности, касающиеся Томокомо—Его визита в Англию, беседы с капитаном Смитом и возвращения в Америку—Джапазо, главный сахем патовомеков—Его дружбы к англичанам—Жестокого обращения, которому он подвергался от них—Тотопотомои, преемник Опечанкану—Его заслуг—Его смерти в 1656 году—Уведомления нескольких вождей коренных народов Северной Каролины—Гранганимо, который умирает в 1585 году—Менатенон, король Чованокков—Энсенор, отец Гранганимо; и Вингина, его брат—Заговор последнего против колонии Гаттерас—Его смерть—Комментарий к биографии Каролины.

Персонажи, которых мы до сих пор замечали, являются самыми выдающимися в истории индейцев Вирджинии. Действительно, они почти единственные, которые сохранились с достаточной отчетливостью, чтобы возбудить большой интерес к ним как к личностям. Тем не менее, есть несколько, мимо которых не следует полностью проходить; и недостаток яркого света и колорита в некоторых из них, возможно, может быть компенсирован, по крайней мере, появлением более мягких качеств, чем преобладающие в портретах, которые мы до сих пор набрасывали.

Сохранившаяся информация о некоторых членах семьи Поухатан, история которых еще не завершена, вскоре может быть детализирована. Опитчипан не упоминается впоследствии великой битвы при Памункее в 1625 году, когда он, по-видимому, впервые встал во главе своих соотечественников в противостоянии англичанам. Поскольку имя Опечанкану даже не упоминается в записях того периода, можно предположить, что он случайно отсутствовал. В целом, он, по-видимому, был в немилости у своего правящего брата и боролся против его влияния, каким бы оно ни было, во всех своих замыслах, враждебных колонии. Опитчипан не одобрял великую резню 1622 года; и в начале следующего сезона мы видим, как он посылает Чанко, новообращенного христианина, который раскрыл заговор в том случае, с посланием губернатору Уайатту, что, если он пришлет десять или двенадцать человек, он выдаст всех английских пленников, находящихся в его распоряжении (что, как мы видели, Опечанкану отказался сделать). Он даже пообещал выдать своего неумолимого брата — если он был братом — связанным по рукам и ногам. "Капитан Такер, - говорит Стит, - был соответственно направлен на эту службу, но без желаемого успеха. Однако Опитчипан отослал обратно *миссис Бойс*, голую и без одежды, с манерами и фасоном, как у одного из их индейцев ". Настолько незначительной, даже для этих дикарей, была власть простого семейного положения, в противоположность авторитету репутации и таланта.

Одним из главных советников и священников Поухатана и мужем его дочери Матачанной был Томокомо, который отправился в Англию с Покахонтас и вернулся с капитаном Аргаллом. Смит, который называет его Вттаматомаккин, говорит, что соотечественники считали его "очень понимающим парнем". Тот же вывод можно было бы сделать из поручения, которое Поухатан дал ему по только что упомянутому случаю, подсчитать численность населения Англии и представить ему точный и детальный отчет об их силе и ресурсах. Томокомо взялся за это дело с одинаковой простотой и рвением. Сразу по прибытии в Плимут он раздобыл длинную палку, на которой делал зарубки своим ножом для каждого человека, которого встречал. Но вскоре ему надоело это занятие, и он отбросил свою палку. Когда по возвращении император спросил, сколько там людей, он мог сравнить их только со звездами на небе, листьями на деревьях и песком на морском берегу.

Мистер Парчасс (составитель знаменитого сборника путешествий) был проинформирован президентом Дейлом, с которым Томокомо отправился из Вирджинии, что инструкции давал Опечанкану, а не Поухатан; и что целью их было не столько установить численность населения, сколько составить оценку количества выращиваемой кукурузы и лесных деревьев, растущих в Англии. Номантак и другие дикари, которые ранее посещали эту страну, будучи невежественными и мало что видевшими в Британской империи, кроме Лондона, сообщили об очень большом количестве людей и домов, в то время как они почти ничего не сказали о деревьях и кукурузе. Поэтому среди индейцев существовало общее мнение, что англичане обосновались в Виргинии только с целью получения запасов этих двух предметов; и в

подтверждение этого они отмечали их постоянное стремление к кукурузе и большое количество кедра, вагонки и деревянных панелей, которые они ежегодно экспортировали в Англию. Томокомо с готовностью развеял заблуждение своих соотечественников на этот счет. Высадившись летом на западе Англии и отправившись оттуда в Лондон, он, конечно, увидел свидетельства огромного сельскохозяйственного изобилия и богатства в сельской местности; и вскоре был вынужден отказаться от счета, который он обязался вести, — в первый же день у него не получилось с арифметикой.

В британской столице он случайно встретился с капитаном Смитом, и они немедленно возобновили свое давнее знакомство. Томокомо сказал капитану, что Поухатан отдал приказ просить его — если он действительно не умер, как сообщалось, — о милости показать Томокомо английского Бога, а также их короля, королеву и принца, о которых они раньше так часто беседовали вместе. "Что касается Бога, - как выражается Стит, - капитан Смит извинился и объяснил суть дела, как мог". Что касается короля, он сказал Томокомо, что уже видел его, что было правдой. Но индеец отрицал это; и не безтруда Смит, упомянув некоторые обстоятельства, удалось убедить его в этом факте. Тогда индеец принял самый меланхолический вид. "Ах!" - сказал он. "Вы подарили Повхатану белую собаку, которую он кормил как самого себя. Теперь я, конечно, лучше белой собаки; но ваш король ничего не дал мне". Таким хитрым чувством, добавляет историк, обладал этот дикарь из-за "скупого" обращения, которому он подвергался при дворе. О Томокомо после его возвращения в Америку ничего не известно.

Самым постоянным другом и союзником виргинских англичан на протяжении двадцати лет, начиная с поселения Джеймстаун, был Джапазо, Сахем — или, как его называют старые авторы, король — Потомков или патовомеков. Он был человеком большого влияния и авторитета на всем протяжении реки, которая по сей день носит название его племени; фактически он был там чем-то вроде мелкого императора и всегда делал вид, что относится к Поухатану и другим императорам скорее как к братьям, чем к начальникам. Во время великой резни в его собственной деревне было двести лучников. Все население, которое было более или менее подвластно ему, появляется, хотя и несколько расплывчато, из отчета Смита о его первой встрече с Сахемом и его людьми в 1608 году.

"16 июня, - пишет он, - мы пали вместе с *river Patowomek*. Опасаясь, что нас больше не будет, а наши люди восстановят силы, мы ограничились тем, что потратили несколько минут, чтобы узнать название этого района шириной в две мили. На протяжении тридцати миль сэйл мы не видели жителей. Затем два Спасательных отряда провели нас по небольшому залиvistому ручью в сторону Онауманайента, где во всех лесах были устроены засады числом *втри или четыре тысячи* Спасенных, так странно украшенных, закопченных и замаскированных, кричащих, вопящих и плачущих, что такое количество духов ада не могло бы показаться более ужасным. Они устроили много драк, но, чтобы успокоить их ярость, наш капитан приготовился к встрече с ними с такой же готовностью, как и они сами. Но скольжение наших пуль по воде (многие из них были выпущены специально, чтобы они могли их увидеть) с шумом леса так поразило их, когда они пустили в ход свои луки и стрелы; и (обмен заложниками) Айамса Уоткинса отправили на шесть миль вице-президента вудов в *резиденцию* их короля. Нам любезно сообщили о тех Спасенных, о которых мы узнали, что им было приказано предать нас по указанию Повхатана ". После этого подданные Японии снабдили его большим количеством превосходной провизии, а сам сахем снабдил его проводниками, чтобы провести его отряд

вверх по некоторым рекам. Наконец, он "любезно отплатил этому доброму королю и всему его доброму народу".

Так благоприятно началось ценное знакомство; и в высшей степени достойно наблюдения, какой верностью дружбы были отплачены англичане за любезность, проявленную к этому умному варвару, и за справедливость, оказанную его подданным. С тех пор они всегда поддерживали дело Англии и снабжали ее всем необходимым, в то время как все остальные их соотечественники не желали ни вести переговоры, ни торговать ни на каких условиях. Например, когда Аргалл прибыл в 1614 году, "его послали в *river Patawomeake*" (как называет это мастер Хеймер) "обменять на корн, Товары, добытые в небольшом квартале, но друзей и врагов, поскольку они находили приют и благоприятные возможности". Затем Аргалл "завязал близкое знакомство с Японцем, старым другом капитана Смита, а значит, и со всей нашей нацией с тех пор, как он открыл для себя эту страну", последовали переговоры, результатом которых, как мы уже показывали ранее, стало завладение личностью Покахонтас и, таким образом, в конечном итоге установление всеобщего мира.

Теплота благодарности Сахема, возможно, заставила его придавать слишком мало значения гостеприимству принцессы и гости — если гостьей она была, — но борьба, сопровождавшая сделку, и горе, последовавшее за ней, показывают, что Джапазавс не был лишен принципов или чувств. Аргумент, который, вероятно, перевернул баланс в его сознании, касался перспективы заключения договора с помощью Покахонтас, в котором она и Поухатан были заинтересованы гораздо больше, чем он сам. Блестящий медный чайник был второстепенным соображением, хотя и не незначительным. Мы видели, что сахемы Поухатан были готовы обменять почти свое право первородства на фунт или два голубых бусин. В любом случае, японцам следует отдать должное за деликатную договоренность, благодаря которой принцесса была впервые уведомлена о своем плачевном состоянии. *Япазо наступил на ногу капитану на корме, чтобы вспомнить, что он выполнил свою часть работы, капитан, когда увидел, что пришло время, уговорил Покахонтас пойти в оружейную, пообещав провести с Япазо какое-то совещание, суть которого заключалась только в том, чтобы Ши не считала, что она каким-либо образом виновата в своем пленении.*"

В 1619 году Япазус — так называл его мастер Джон Рольф - впервые приехал в Джеймстаун, чтобы пожелать, чтобы два корабля были отправлены торговать по его реке, поскольку кукурузы было больше, чем за долгое время до этого. Соответственно, были отправлены партии; но по каким-то невыясненным причинам они не добились особого успеха в торговле и поэтому пришли к выводу захватить восемьсот бушелей зерна силой. То, что Джапазоу был не так уж виноват, следует из того обстоятельства, что он не принимал участия в великом заговоре 1622 года; сразу же после этого мы узнаем, что капитан Крошоу отправился вверх по Потомаку, "где он намеревался остаться и торговать самостоятельно по причине долгого знакомства с *этим королем*, который так искренне умолял его теперь быть его другом, его покровителем, его капитаном и руководителем против пазатиканцев, накочтанков и мойонцев, его смертельных врагов". [FN]

Крошоу с радостью воспользовался этим приглашением, во-первых, ради выгодного ведения своей торговли, а во-вторых, с целью "сохранить короля в качестве противоположности Опечанкану". Вскоре после этого вождь, названный последним, отправил своих гонцов в Японию с подарками в виде бус и предложениями союза против англичан — и то, и другое было отвергнуто. Затем нам сообщают, что "капитан Хамер, прибывший с кораблем и катером в Патавومهке, был любезно принят как им [Крошоу], так и королем". В то время эти двое уютно жили вместе, прилагая общие усилия для снабжения колонии — или, по крайней мере, капитана — с одной стороны, и для подавления врагов короля, названных выше, с другой. Их союз был в конце концов прерван происками сахема-изгнанника, который укрылся на Потомаке от недовольства своих собственных подданных. Разозлившись на японцев за то, что они не помогли ему в восстановлении его владений, он сочинил искусную историю о японцах и их племени, недавно вступивших в союз с Опечанкану.

Эту историю он рассказал некоему Исааку Мэдисону, которого губернатор Уайатт только что отправил на Потомак с подкреплением в тридцать человек и поручением, прямо обязывающим его помогать патовомекам в борьбе с их врагами и защищать их и их кукурузу изо всех сил. Чтобы придать своей лжи правдоподобный вид, этот свирепый Яго хитро прокомментировал некоторые обстоятельства, которые недавно произошли. Мэдисон, наконец, был так встревожен, что послал за японцами в свою собственную крепость (которую сам японец помогал ему укреплять), он запер Сахему, его сына и четырех их слуг, приставил к ним охрану из солдат, а затем предпринял жестокое и кровопролитное нападение на соседнюю деревню индейцев. Король протестовал, но тщетно. Он отрицал все выдвинутые против него обвинения, но безрезультатно. Затем Мэдисон отвел его и других пятерых пленников на свой корабль, пообещав отпустить их, как только его люди окажутся в безопасности на борту. Тем временем король помешал своим подданным досаждать англичанам по дороге. Но, вопреки всем добрым намерениям, пленников перевезли в Джеймстаун и содержали там до следующего октября, когда капитан Хеймер отвез их домой и выкупил большим количеством зерна. Впоследствии Мэдисон был привлечен к ответственности за свое позорное поведение, но так и не был наказан. Патовомеки, конечно, должны были быть отчуждены этим от интересов Англии, хотя нет никаких свидетельств того, что они когда-либо выступали против них с оружием в руках. Японец держался в стороне и больше не упоминается в истории.

Смерть Опечанкану стала сигналом к распаду знаменитой конфедерации, для формирования и поддержания которой потребовался весь гений этого вождя и его предшественника. Племена вернулись к своему прежнему состоянию раздельного правления, и ни один грозный вождь больше никогда не призывал их к объединению. Номинальным преемником Опечанкану был Тотопотомои, о котором мы находим даже упоминание только по прошествии десяти лет с момента его вступления на престол. Древние записи Виргинии показывают, что в 1651 году был принят Акт Собрания, назначающий и закрепляющий за Тотопотомои такие земли на реке Йорк, какие он выберет; и были назначены уполномоченные, которые должны были безопасно доставить его и его сопровождающих в Джеймстаун, а оттуда обратно домой, после корректировки договора. Окончание его правления и жизни было следующим. Через пять лет после последней упомянутой даты и после периода глубокого мира с индейцами, продолжавшегося пятнадцать лет, в Джеймстауне внезапно была получена информация о том, что группа дикарей с суши или гор, называемых речахекрианцами, численностью в шестьсот или семьсот человек обосновалась у водопадов реки Джеймс с явным намерением основать постоянное поселение. Мотивы этого необычного движения так и не были объяснены. Известно

только, что оно вызвало немалую тревогу у колонистов; и что велись активные приготовления к тому, чтобы изгнать нового врага обратно на их собственные территории. Последовала кампания, и произошла битва; и в этой битве пал король поухатанов, доблестно сражавшийся на помощь англичанам во главе сотни воинов. Речахекрийцы одержали победу, но вскоре после этого с ними был заключен мир на условиях, удовлетворяющих обе стороны.

Имя Тотопотомой, по крайней мере, увековечено автором "Худибраса", который представил его (чтобы подобрать рифму) в своем известном намеке на некий скандал с колонистами Новой Англии.

Убитый драгоценный брат.
В мирное время один индеец,
...

Могущественный Тоттипотимой
, отправил к нашим старейшинам посланника,
жестоко жалуясь на нарушение
союза, совершенное братом Пэтчем.
...

За что он просил святых предать
В его руки или повесить преступника.
Но они, зрело взвесив,
что у них больше нет никого, кроме него по профессии —
человека, который служил им в двойном
качестве, проповедовал и мастерил булыжники, —
решили пощадить его; однако, чтобы воздать
слишкомбеспристрастному *Правосудию too*
, вместо него
повесили старого ткача, который был прикован к постели.

Нас, конечно, может позабавить остроумие сатирика в данном случае, не настаивая на строгом доказательстве его утверждений.

Такова скудная биография последнего из виргинских вождей. Мы завершим эту главу некоторыми подробностями, касающимися двух или трех основных индейцев, известных ранее первым колонистам Каролины. Одним из них был Вингина, король значительного участка территории под названием Вингандакоа, граничащего с Альбемарл-Саундом. Другим был Гранганимо, брат Вингины. Об этих лицах сохранилось не так много информации, но то немногое, что известно, представляет дополнительный интерес как из стиля древних авторов того периода, так и из того обстоятельства, что иностранные поселения, которые привели к этому частичному знакомству, были одними из самых первых на континенте.

27 апреля 1584 года Филип Амидас и Артур Барлоу отплыли с запада Англии в качестве командиров двух барков, снаряженных сэром Уолтером Рэли, с целью исследования обширного участка страны, предоставленного ему по патенту королевы Елизаветы от марта прошлого года. Следуя обычным маршрутом через Канарские острова и Вест-Индию, второго июля они приблизились к побережью Южных Штатов (ныне так называемых) (день или два наслаждаясь

"тончайшим сладким запахом" с берега). Проплыв сто двадцать миль на север, они вошли в первую попавшуюся гавань, возблагодарили Бога за свое благополучное прибытие, отправились осмотреть соседние земли, а затем официально вступили во владение ими "для превосходнейшего величества королевы". "После чего, - пишет наш древний хронист, - они нашли свое первое пристанище песчаным и низким, но таким заросшим виноградом, что даже морская волна иногда захлестывала его; которого они находили в таком изобилии повсюду, на песке, зеленой почве и холмах, как на равнинах, так и на каждом маленьком кустарнике, а также взбирающемся к вершинам высоких кедров, что, по их мнению, в мире не было подобного изобилия".

{FN} Посмотреть коллекции Hackluyt.

{Примечание переписчика: ссылка на эту цитату отсутствует в тексте, но она приведена на той же странице, что и предыдущий абзац.}

Этим прекрасным местом был остров Вококон, предположительно тот самый, который сейчас называется Окракок. Вновь прибывшие искатели приключений осматривали каждую его часть со смешанным чувством изумления и восторга. Прекрасные леса покрывали зеленое лоно его тихих долин. Там, как нам сказали, росли самые высокие и красные кедры в мире ", превосходящие по высоте Азорские или Либанские. Там были сосны, кипарисы, саксофон, лентиск, из которого вырастает мастика, и многие другие, отличавшиеся превосходным запахом и качеством. Затем были олени, кролики и домашняя птица в таком невероятном изобилии, что выстрел из мушкета поднимал их стаю прямо из-под ног путешественников с шумом, "как будто кричала целая армия людей".

На третий день в каноэ появились трое туземцев, один из которых бесстрашно поднялся на борт английского барка. Команда не смогла с ним заговорить, но они дали ему рубашку, шляпу, вино и мясо. Они ему чрезвычайно понравились; и поэтому, удовлетворив свое любопытство разглядыванием, он отплыл на расстояние полумили. Там он за короткое время загрузил свою лодку рыбой, затем пристал к берегу неподалеку, разделил свою добычу на две кучи, "указав одной кучей на корабль, а другой — на катер", - и затем отбыл. За этим мирным разговором последовали счастливые последствия. На следующий день появился Гранганимо в сопровождении сорока или пятидесяти своих людей. Он подошел к месту со своим обозом и сел на циновку. Группа англичан сошла на берег, хорошо вооруженных; но вместо того, чтобы выказать какие-либо признаки подозрения или страха, он сделал им знак сесть рядом с ним, поглаживая их головы и груди, как и свою собственную, несомненно, в знак своей доброй воли. Затем он произнес длинную речь перед своими новыми посетителями — вероятно, приветственную, — и они в ответ подарили ему разные безделушки, которые он вежливо принял. Он пользовался таким большим уважением среди своих слуг, что никто из них не садился и даже не разговаривал в его присутствии, за исключением четверых. Англичане преподнесли им и другие подарки, но они были немедленно переданы в руки Гранганимо, который с достоинством дал понять, что все подобные вещи должны быть в его собственном распоряжении.

На следующем собеседовании англичане развлекли его демонстрацией множества товаров, рассчитанных на то, чтобы ослепить и удивить его. Но ни одно из них не поразило его

воображение так, как большое блестящее оловянное блюдо или миска и медный чайник, за первый из которых он отдал двадцать оленьих шкур, [FN-1] а за второй пятьдесят. Он проделал в пластине отверстие и повесил ее себе на шею вместо нагрудника. Много других "разговоров" проходило между сторонами в таком хорошем настроении и по доброй воле, что в течение дня или двух на борту одного из судов состоялась встреча, и Сахем ел, пил и веселился с англичанами, как один из своих. Вскоре после этого он привез с собой жену и детей, которые описываются как стройные, но благообразные и очень скромные. Жена носила, как и ее муж, повязку из белого коралла на лбу, а в ушах браслеты из жемчуга, [FN-2] "свисавшие до пояса, размером с крупную горошину". У ее последовательниц были медные подвески; а у аристократов — как называют тех, кто казался главными персонажами среди мужчин, — их было по пять или шесть в каждом ухе. Все были одеты одинаково, в шкуры. Женщины носили длинные волосы с обеих сторон головы, мужчины - только с одной.

[FN-1] Затем оценивался в крону каждый. Этот анекдот напоминает один из японских.

[FN-2] Так называли ранние авторы по разным поводам. Вероятно, это были раковины, или горный хрусталь, или что-то в этом роде.

Следующим шагом в знакомстве, и весьма естественным, было то, что из разных частей соседнего побережья начало прибывать большое количество людей, привозящих на продажу шкуры, кораллы и различные виды красителей; однако никто из них, кроме дворян ("тех, которые носили на головах красную медь, как он"), не брался торговать ими в присутствии самого Гранганимо. Характер Сахема проявлялся все более и более с выгодой для себя на каждом собеседовании. С очень внимательным и вежливым отношением к удобствам англичан он никогда не наносил им визитов, предварительно не сообщив количество лодок, которые он должен привести с собой, у костров, разведенных на берегу, чтобы можно было точно оценить его силы. Он неизменно с безукоризненной пунктуальностью выполнял каждое обещание, данное им в ходе перевозки, поскольку он также регулярно, ежедневно, отправлял на суда безвозмездно свежие запасы провизии — обычно пару самцов, кроликов и рыбу, а иногда дыни, грецкие орехи, огурцы, груши и другие корни и фрукты. Наконец, он пригласил англичан навестить его в своей резиденции, расположенной на северной оконечности острова под названием Роанок, примерно в двадцати милях от гавани, впервые созданной колонистами.

Группа из восьми англичан незамедлительно приняла приглашение. Они обнаружили, что деревня Гранганимо состоит из девяти домов, построенных из кедра и укрепленных острыми частоколами, "а въезд похож на шлагбаум". Самого Сахема не было, когда они прибыли, но его жена с нетерпением вышла им навстречу. Некоторым из своих людей она приказала вытащить лодку на берег, чтобы она не пострадала от волнения; другим - перенести англичан на своих спинах через прибой и спрятать весла в укрытии. Тем временем она провела своих гостей в дом, состоящий из пяти квартир. Поскольку они промокли под дождем, она разожгла большой камин во внутренних покоях, вымыла им ноги и одежду, а затем накрыла обильный ужин в другой комнате. "Она подавала на стол, стоящий вдоль дома, что-то вроде фрументи, размокшую оленину и запеченную рыбу; и точно так же сырые дыни, корешки в кожуре и фрукты разных сортов".

Она проявляла крайнюю заботу о комфорте своих гостей. Пока они ели, случайно вошли два или три индейца с луками и стрелами, после чего англичане вскочили и схватились за оружие. Она почувствовала их недоверие, но вместо того, чтобы обидеться, разорвала оружие незваных гостей на части, а их самих избила. Компания все еще чувствовала себя не совсем как дома, и ближе к вечеру они вернулись на свою лодку. Это ее немало огорчило, но она прислала им ужин. Когда она увидела, что они ревниво отталкиваются от берега какими-то прутьями в поисках безопасной якорной стоянки, она послала им циновки, чтобы укрыть от дождя, и приказала стражнику из своего народа дежурить ночью на берегу. В целом, справедливо было замечено, что едва ли за всю историю можно найти более поразительную картину искреннего и щедрого гостеприимства, чем эта.

Вингина тем временем лежал в своем главном городе, страдая от ран, недавно полученных в бою, и англичане его не видели. О Гранганимо больше ничего не было видно до апреля следующего года, когда сэр Ричард Гренвилл вывел колонию из ста восьми человек, которых он оставил на каролинском берегу в Гаттерасе. Затем Гранганимо поднялся на борт своего корабля в своей обычной дружелюбной и бесстрашной манере. Но это был его последний визит. Он умер в 1585 году.

Это событие сильно изменило положение дел в колонии. Они поселились на Роаноке, острове в устье пролива Албемарл, и такое положение дел делало для них весьма удобным посещение побережья и страны в различных направлениях, что им и было поручено делать. Поэтому в ходе своих экспедиций они исследовали территорию до юга, за рекой Памлико, и до севера, до территории Чесапика, в заливе, носящем их собственное название. Они также поднялись вверх по Альбемарл-Саунду и реке Чауэн, на сто тридцать миль, к индейскому народу под названием чованоки, живущему выше слияния рек Ноттуэй и Мехеррин.

Мы упоминаем эти подробности, чтобы представить МЕНАТЕНОНА, царя племени, названного последним. Его провинция описывается как самая большая на всем протяжении реки, а город Чованок, как говорят, мог выставить в поле семьсот лучников. Менатенон был хромым — вероятно, из-за ранения в бою, — но, как пишет старый хронист, "у него было больше понимания, чем у всех остальных". Он позабавил колонистов, и особенно их губернатора мистера Лейна, рассказом о медном руднике и ловле жемчуга где-то на побережье. Он также привел странный рассказ о верховьях реки Моратук (ныне называемой Роанок), где жил король (по его утверждению), чья страна граничила с морем, и который добывал там такое изобилие жемчуга, что не только его шкуры и шкуры его знати, но и его кровати и дома были украшены этим орнаментом. Мистер Лейн выразил желание увидеть их образец, но Менатенон с готовностью ответил, что король этой богатой страны *приберег их специально для торговли с белыми людьми*. [FN]

[FN] "Этот король был в Чованоке два года назад, чтобы поторговаться с *черным жемчугом*, его худшим сортом, из которого у меня была веревка, *но это были пустяки*; но тот король, он [Менатенон] говорит, что у него есть запасы *белого*, и он торговал с белыми людьми, для которых он их приберегал".

Источник Моратука был описан как бьющий из огромной скалы, стоящей так близко к морю, что во время штормов волны перехлестывали через нее. Что касается меди, то, по его словам, ее

обычно собирали в большие чаши, покрытые кожей, в специально описанном месте, и получалось две части металла на три части руды. Возможно, у некоторых из этих отношений была тень основания; но главной целью Менатенона, который был пленником среди колонистов в то время, когда он их завязывал, должно было стать выставление себя важным человеком в их глазах и, возможно, вовлечь их в какое-нибудь опасное предприятие. Слушая, как они много говорили о рудниках, жемчуге и Южном море — все это было хобби доверчивых авантюристов того периода, — он соответствующим образом адаптировал свою речь, и его нетерпеливые слушатели были достаточно просты, чтобы поверить всему, что он утверждал. [FN]

[FN] У мангоаков этого так много, что они украшают свои дома большими тарелками из него; об этом сообщают спасатели; и молодой Шико, *король Чавонок, сын моего пленника*, который был пленником у мангоаков, и т. Д.

Менатенон также подтвердил все это и пообещал мне путеводителей по этой удивительной стране и т.д.

Они даже предприняли предполагаемую экспедицию в поисках медного рудника и Южного моря; и фактически продвинулись почти на двести миль по стране, прежде чем голод, усталость и враждебность бесчисленных дикарей заставили их повернуть назад. Похоже, что Вингина слышал об этой экспедиции — возможно, от Менатенона — и, подобно тому хитрому, хотя и искалеченному Сахему, он сделал все, что было в его силах, чтобы сделать ее одновременно благовидной в перспективе и фатальной в результате. Сказав все, чтобы возбудить любопытство и алчность колонистов, пока он не убедился, что они твердо намерены уехать, он послал известие различным могущественным племенам, живущим на предполагаемом маршруте, что англичане идут *против них*; и что чем скорее они подавят этого нового врага, тем лучше. Из-за этого отряд несколько раз был очень близок к тому, чтобы быть отрезанным дикарями; и из-за этого, вместо того чтобы быть в изобилии снабженными отборной провизией, как ожидалось, они были рады прожить несколько дней на двух собаках, "сваренных с листьями саксофры".

К счастью для колонии, в период бедствий, последовавший за этим предприятием, совпало несколько обстоятельств, которые помешали Вингине начать с ними открытую войну. Одним из них было влияние его отца, Энсенора, лучшего друга после Гранганимо, которого англичане когда-либо находили среди туземцев. Но благополучное возвращение экспедиции произвело более сильное впечатление на Вингину. Ходили слухи, что вся группа была уморена голодом или убита; а затем он "начал богохульствовать над нашим Богом, который потерпит это, а не защищать vs, так что у старого Энсенора больше не было заслуг перед vs; ибо он начал всеми возможными способами убеждать vs". [FN] Но возвращение экспедиции после победы над всеми врагами — "немного успокоило его богов и принесло Энсенору уважение к Богу, что наш Бог добр, и мы их друзья, а наши враги должны погибнуть и т. Д."

[FN] Смотрите "Дневник губернатора Лейна", сохранившийся в старых коллекциях.

Последнее замечание наводит на мысль еще об одном обстоятельстве, которое сдерживало враждебность вождя. Это была смертельная эпидемия неизвестного характера, которая

преобладала исключительно среди индейцев и унесла множество жизней. Колонисты обладали искусством заставить этих простых существ рассматривать это как наказание за враждебность, до сих пор проявлявшуюся по отношению к англичанам. Сам Вингина, живший в непосредственной близости от колонии, был чрезвычайно охвачен своим суеверием. Дважды он был очень болен и был близок к смерти. Затем он отпустил священников, которые обычно прислуживали ему, и послал за несколькими англичанами, чтобы они помолились за него и были— как выражается мастер Гериот в своих "Наблюдениях" за этим путешествием, "молитвенниками нашему Богу, чтобы они могли оставаться с ним после смерти". Он предположил, что оскорбил Божество англичан своим богохульством. Сами они, конечно, пользовались большой репутацией. "Это ужасное происшествие во всей стране породило такое странное мнение о вс, что они не могли сказать, думать ли им о Богах или о людях". Из двух вариантов они сочли первый наиболее вероятным, поскольку среди белых не было женщин, и в их сознании сложился вывод, что вместо того, чтобы родиться от женщин, они были мужчинами старого поколения, много лет назад воскресшими из бессмертия. [FN] Все это, как нам говорят, настолько изменило сердце Пемиссапана (— название, принятое Вингиной после смерти Гранганимо), что, по предложению Энсенора, когда англичане были доведены до крайности из—за нехватки продовольствия, он послал своих подданных построить для них рыбные запруды и засеять поля, которые они до сих пор думали покинуть.

[Ф. Н.] Гериот.

Но в апреле 1586 года Энсенор умер; и поскольку Вингина к этому времени полностью восстановил свое здоровье, а большинство врагов, которые были у колонии среди племен, воспользовались этой возможностью, чтобы возобновить свои махинации, он вернулся к своей прежней враждебности. Были приняты меры для сбора семи или восьми сотен индейцев под предлогом торжественных похорон Энсенора. Половина из них должна была подстергать в засаде тех колонистов, которые ежедневно бродили вдоль побережья в поисках крабов, рыбы и другой провизии. Другой отряд должен был напасть на поселение Роанок по сигналу с помощью пожара ночью. Даже определенные дома были выделены для сожжения определенными лицами или группами. Двадцати было поручено окружить дом на Губернаторском переулке и поджечь камыш, которым он был покрыт; это вывело бы его наружу голым и безоружным, и тогда они могли бы расправиться с ним, не подвергаясь опасности. Такой же приказ был отдан в отношении дома мистера Гериота и различных других жилых помещений, которые должны были быть подожжены в тот же миг. Тем временем, поскольку было очень важно уменьшить численность колонии путем ее рассредоточения, Вингина предусмотрела разрушение плотин и строго запретила любую торговлю провизией. Он тоже держался в стороне, придерживаясь подобной точки зрения.

План был хорошо согласован и не без успеха. Вскоре губернатору пришлось отправить двадцать колонистов в часть побережья, называемую Кроатан, просто для того, чтобы они могли самостоятельно добывать средства к существованию. Еще десять человек были отправлены в Гаттерас с той же целью, а другие небольшие группы разбрелись по морскому побережью собирать устриц и коренья. Но изобретательность цивилизованной партии, доведенной до отчаяния, в конце концов взяла верх над неприкрытой проницательностью вождя. Губернатор послал ему сообщение, что направляется в Кроатан, чтобы встретить английскую эскадру,

которая прибыла туда с припасами, прикрывая цель этой фальсификации, также обратившись за помощью к нескольким индейцам для рыбной ловли и охоты для колонии. Желая выиграть время, Вингина быстро ответил, что он сам посетит мистера Лейна через восемь дней. Без сомнения, он рассчитывал завершить свой заговор за это время.

Но правителя было не так-то просто обмануть. Напротив, он решил нанести Сахему визит на следующий день после получения его ответа. Однако до этого он предложил напасть врасплох на индейцев в старом поселении Вингины на острове (Роанок) и отобрать у них каноэ. Но они тоже были начеку, поэтому Вингина полностью подготовила их к чрезвычайным ситуациям. "Ибо, когда я послал за каноэ, - пишет мистер Лейн в своем Дневнике, - они встретили одно, идущее от берега, опрокинули его и отрубили головы двум спасенным; после чего поднялся крик, уловленный их шпионами; *ибо они следили за нами так же внимательно, как и мы за ними.*" Завязалась перестрелка, и индейцы убежали в лес. На следующее утро губернатор отправился в местечко на майне под названием Дассамонпик и послал Вингине сообщение, что направляется в Кроатан и, имея к нему определенные претензии относительно его подданных, был бы счастлив навестить его по дороге. Руководствуясь этим предложением, вождь с несколькими своими главными людьми встретил отряд губернатора на их пути. Но разговора не состоялось. При приближении губернатор отдал своим людям условленный лозунг, и они открыли огонь по индейцам. Вингина был прострелен pistolетной пулей и упал. Немедленно поднявшись на ноги, он бросился бежать и был близок к тому, чтобы скрыться от преследователей, когда ирландский мальчик выстрелил в него во второй раз. Вскоре его настигли, а затем обезглавили на месте.

Мы не склонны отвергать эти биографии каролинских сахемов, какими бы короткими и незначительными они ни были, не предлагая таких комментариев, какие они наиболее очевидно предполагают. На первый взгляд кажется странным, что столь разительная разница в чувствах к англичанам проявилась у двух братьев. Возможно, вина была с обеих сторон. Мастер Хериот признает, что некоторые члены колонии "ближе к концу проявили себя слишком яростно, убив несколько человек в некоторых городах, что привело к тому, что с нашей стороны можно было бы относиться к этому более мягко". Мы видели, как без особых церемоний губернатор приступил к принятию кратких мер. Он действительно был доведен до крайности, но это само по себе не было виной индейцев — они не были обязаны снабжать его, хотя, похоже, иногда они это делали безвозмездно.

Возможно, следует сделать замечание относительно провокации, которая произошла, когда Гренвилл впервые покинул колонию. Англичане бродили по побережью, переходя от племени к племени и от города к городу — само это обстоятельство, помимо того, что оно, вероятно, сопровождалось другими нарушениями границ и, во всяком случае, совершенно не разрешалось туземцами, вряд ли могло рассматриваться как дружественное или справедливое. Затем: "В Акваскосаке индейцы украли серебряную чашу, *поэтому мы сожгли город и испортили их корм,* и поэтому вернулись к нашему флоту в Тококоне". [FN] Это, конечно, был неподходящий способ завести друзей, и те, кто знаком с историей Каролины после смерти Вингины, помнят, что травма ни в коем случае не была забыта. Наконец, оставляя в стороне попытки оправдать ту или иную сторону, те, кто потрудится заглянуть в летописи того периода, заметят, что большая часть информации, полученной губернатором о мотивах и действиях Сахема, поступила через этого проницательного калеку Менатенона и его сына Шико. Какими

бы ни были факты, таким образом, доказательства были явно недостаточными, если не полностью неприемлемыми.

[FN] Отношение пер.

ГЛАВА VI. [FN]

[FN] Чтобы не подвергать себя обвинению в плагиате, здесь, возможно, будет уместно отметить, что несколько отрывков в следующих заметках о поканокетских сахемах были взяты почти без изменений из статьи *биографии индейцев*, опубликованной ранее в North American Review и написанной автором этой работы. То же самое верно и в отношении части последующего уведомления Текумсе и его брата.

Краткий обзор индейцев Новой Англии на момент поселения в Плимуте—Конфедерация поканокетов—Племя вампаноаг—Их первый глава-сахем, известный англичанам—МАССАСОЙТ—Первая беседа между ним и белыми—Его визит в Плимут в 1621 году—Мирный договор и дружба—Посольство, отправленное англичанами к нему в Совамс—Анекдоты об этом —Его подозревают в предательстве или враждебности в 1622 году—Его болезнь в 1623 году—Его посещает вторая депутация — Церемонии и результаты визита —Его общение с другими племенами—Передача земель англичанам—Его смерть и характер—Анекдоты.

САМАЯ ЧЕТКАЯ, если не самая полная классификация индейцев Новой Англии на момент заселения Плимута включает пять основных конфедераций, каждая из которых занимает свою территорию и управляется своими вождями. Пекоты населяли восточную часть Коннектикута. К востоку от них находились Наррагансетты, в пределы которых входили Род-Айленд и различные более мелкие острова поблизости. Племена потакетов были расположены в основном в южной части Нью-Гэмпшира, племена Массачусетса - вокруг одноименного залива; и между ними на севере и наррагансеттами на юге поканокеты претендовали на участок территории нынешнего

округа Бристоль (Род-Айленд), ограниченный на некотором расстоянии с боков реками Тонтон и Потакет, вместе с большими частями Плимута и Барнстейбла.

Эта конфедерация осуществляла некоторое господство над индейцами Нантакета и Мартас-Винъярда, а также над несколькими ближайшими племенами Массачусетса и нипмака; последнее название обозначает внутреннюю территорию, ныне в основном находящуюся в границах графства Вустер. У поканокетов было девять отдельных кантонов или племен, каждое из которых управлялось своим собственным мелким сагамором или скво, но подчинялось одному великому сахему, который также был особым вождем кантона вампаноаг, проживающего около Монтаупа. [FN]

Это знаменитое возвышение (часто называемое, из-за искажения индейского названия, Маунт-Хоуп) находится в миле или двух к востоку от деревни Бристоль. Она очень крута со всех сторон и заканчивается большой скалой, которая издалика кажется зрителю огромным куполом.

Первое, что мы знаем о вампаноагах и людях, которые правили ими и другими поканокетами, содержится в коллекциях Purchas, основанных на авторитете капитана Дермера, мастера Томаса Дирмайра, о котором Джон Смит упоминал в своих *испытаниях в Новой Англии*, как о "понимающем и трудолюбивом джентльмене, который также был с ним среди французов". Дермер был отправлен из Англии в 1619 году сэром Ф. Горджесом по поручению президента и Совета Новой Англии на корабле водоизмещением в двести тонн. С ним был индеец-поканокет по имени Скванто, один из примерно двадцати человек, похищенных капитаном Хантом на побережье в 1614 году и проданных в рабство в Малаге по двадцать фунтов за человека. Скванто и еще несколько пленников были либо спасены, либо выкуплены благодаря благожелательному вмешательству некоторых монахов на этом острове. "Когда я прибыл, - говорит Дермер в своем письме к Пурчасу, - на родину моего дикаря, найдя всех мертвыми, я проделал дневной путь до места под названием Нуммастаквит, где, найдя жителей, я отправил гонца на день пути дальше на запад, в Паканокит, который граничит с морем; откуда пришли повидать меня два короля в сопровождении охраны из пятидесяти вооруженных людей, которые, будучи вполне удовлетворены тем, что мы с моим дикарем рассказали им (желая новизны), дали мне удовлетворение во всем, чего я потребовал". . Здесь я выкупил француза, а затем еще одного в Масстачуситте, который три года назад избежал кораблекрушения к северо—востоку от Кейп—Кода." Одним из этих двух королей - так часто именовали сахемов ранние авторы, - должно быть, был Массасойт, так хорошо известный впоследствии плимутским поселенцам; и, вероятно, вторым был его брат Квадепина. "Родиной" Скванто были окрестности Плимута, где, как считается, были похищены индейцы. Тысячи из них там, как и в других местах по всему побережью Новой Англии, были унесены ужасной эпидемией.

[FN] Отрадно узнать от Смита, что Хант был наказан, хотя и не в соответствии с подлостью его печально известного преступления. "Он предал четверо и двадцать человек из этих бедных Людей на борту своего корабля, и самым бесчестным и бесчеловечным образом за их доброе обращение со мной и всеми нашими людьми, увез их с собой в Малиго, и там за небольшую плату гейн продал эти глупые Вещи за восемь риалов; но этот подлый поступок с тех пор

удерживал его от дальнейших обвинений в здешних краях". — Всеобщая история Новой Англии, опубликованная в 1632 году.

Первое появление Массасойта после поселения Плимута произошло 22 марта 1621 года, за неделю до этого некоторая информация о нем была получена от индейца по имени Самосет, который с большой смелостью вошел в деревню и приветствовал жителей "добро пожаловать". Во второй раз он пришел с четырьмя другими, нанявшись приобщить некоторых вампаноагов к торговле мехами, среди которых был Скванто, в то время, вероятно, единственный оставшийся уроженец Плимута. Этот отряд привез на продажу немного рыбы и шкур и сообщил англичанам, что великий сахем со своим братом и всем своим войском совсем близко. Вскоре на соседнем холме появился Массасойт с шестьюдесятью людьми. Поскольку они, казалось, не желали подходить ближе, Скванто был отправлен выяснить их намерения; и они дали ему понять, что хотели бы послать кого-нибудь для переговоров.

[FN] Мы привели самую простую орфографию этого слова. Часто пишется Массасойт, Massasoiet, Massasowat и т.д. Мистер Белкнап говорит (американская биография), что в современном произношении это слово состоит из четырех слогов с ударением на втором, — Mas-sass-o-it. Впоследствии сахем принял другое название, претерпевшее еще более разнообразные модификации, — вот некоторые из них.

На этот пост был назначен Эдвард Уинслоу, и он немедленно отнес сахему подарки, которые были охотно приняты. Он обратился к нему также с довольно длинной речью, которую индейцы выслушали с присущей этой расе благопристойной серьезностью, плохо объясненной переводчиком. Смысл речи состоял в том, что король Яков приветствовал сахема, своего брата, словами мира и любви; что он принял его как своего друга и союзника; и что Губернатор желал видеть его, а также вести с ним торговлю и вести дружеские отношения. Массасойт, по-видимому, ничего особенного не ответил на эту речь, вероятно, по той достаточной причине, что он не совсем понял ее смысл. Пока он говорил, он уделил больше внимания мечу и доспехам Уинслоу, а когда тот замолчал, дал понять, что готов немедленно начать предполагаемую торговлю, купив их. Однако они не были предназначены для продажи; и поэтому, оставив Уинслоу на попечение его брата, он пересек ручей, отделявший его от англичан, взяв с собой двадцать вампаноагов, которым было приказано оставить свои луки и стрелы. За ручьем его встретили капитан Стэндиш и еще один джентльмен в сопровождении шести вооруженных людей, которые обменялись с ним приветствиями и проводили в один из лучших домов деревни. Здесь на полу был расстелен зеленый ковер, а на нем сложены три или четыре подушки для его удобства. Затем губернатор вошел в дом, сопровождаемый несколькими солдатами и предваряемый звуком барабана и трубы - мера, вероятно, рекомендованная Стэндишем, и которая отвечала цели порадовать и поразить вампаноагов даже сверх всяких ожиданий. Это было проявление уважения к их государю, что их как порадовало, так и удивило. Сахем и губернатор поцеловали друг друга и, обменявшись некоторыми другими любезностями, сели рядом и предались тому, что Нил называет развлечением. Он состоял, по-видимому, главным образом из "крепкой воды, которую дикари очень любят; и сахем сразу сделал такой большой глоток, что вспотел все время, пока стоял". По этому случаю был заключен международный договор, условия которого были следующими.

В наше время над этим ручьем была перекинута каменная арка, чтобы указать точное место встречи. Холм, на котором впервые появился вождь, поселенцы того времени называли "Земляничным холмом".

1. Чтобы ни он, ни кто-либо из его (Массасойтов) не причинил вреда никому из их людей.
2. Что если кто-либо из его людей причинит какой-либо вред кому-либо из них, он должен послать обидчика, чтобы они могли наказать его.
3. Если у кого-нибудь из них отнимут что-либо, он должен вернуть это, и они должны поступить так же с его.
4. Что если кто-нибудь несправедливо воюет против него, они помогут ему; и если кто-нибудь воюет против них, он должен помочь им.
5. Что он должен послать к своим соседям сообщников, чтобы сообщить им об этом, чтобы они не причинили им вреда, но также могли быть включены в эти условия мира.
6. Чтобы, когда он придет к ним по любому поводу, они оставляли свое оружие за спиной.
7. Поступая таким образом, их Суверенный господин король Джеймс будет уважать его как своего друга и союзника.

"Все это, — говорит Мортон, и некоторые другие летописцы соглашались с ним, — ему очень понравилось, и в то же время он признал себя довольным тем, что стал подданным нашего Суверенного Повелителя вышеупомянутого Короля, его наследников и преемниц; и передал ему все прилегающие земли, ему и его наследникам навсегда". Это признание суверенитета короля, если оно действительно было частью соглашения, безусловно, заслуживало места в качестве отдельной статьи; оно было гораздо важнее всех остальных. Предоставление земли — а это предоставление составляло полный титул плимутских поселенцев по сравнению с туземцами — подтверждается последующими сделками, и особенно актами Массасойта. Но его подчинение власти короля Якова как подданного суверена более сомнительно; и это никоим образом не согласуется с седьмой прямой статьей. О том, что сам договор также не был сохранен в точности в том виде, в каком он, вероятно, понимался, можно заключить из вариаций, приведенных Мормом в его Отношении. Например, согласно его шестой статье, соблюдается справедливая взаимность, предусматривающая, что англичане должны оставлять свои *фрагменты* в своих беседах с индейцами. Это различие между союзом и подчинением, — по крайней мере, в сознании одной из сторон, — по-видимому, слишком часто упускалось из виду.

Таким, однако, был первый договор, заключенный с индейцами Новой Англии, — эпизод в ее истории, представляющий большой интерес. Он был заключен на мирных и почетных условиях. Индейцы добровольно пришли приготовить его; и хотя в качестве вознаграждения за огромную территорию, предоставленную в то время, они получили только пару ножей и медную цепочку с драгоценным камнем для великого сахема; и нож, драгоценный камень, чтобы повесить ему в ухо, горшок крепкой воды, большое количество печенья и немного масла для Квадепины, [FN] — тем не менее, все стороны были удовлетворены содержанием, поскольку они были удовлетворены церемониями соглашения. Приятно узнавать из истории, что об этих простых переговорах помнили и придерживались их обе стороны в течение беспрецедентного срока в

полвека; и ни Массасойт, ни кто-либо из вампаноагов при его жизни не был осужден самими суровыми клеветниками его расы за нарушение или попытку нарушения какого-либо из его простых, справедливых и преднамеренных положений.

[FN] Так подробно описана сделка в *Журнале плантации в Плимуте*, сохраненном Purchas и переизданном среди исторических собраний Массачусетса. Есть основания полагать, что автором был Уинслоу.

Обе стороны, по-видимому, рассматривали друг друга в этот раз с одинаковым интересом и тщательностью; ибо, пока сажем осматривал доспехи Уинслоу, а его вампаноаги старались трубить в трубу, подражая своим хозяевам, английские наблюдатели, с другой стороны, делали свои собственные наблюдения. Автор *Журнала о плантации, обосновавшейся в Плимуте*, описывает Массасойта как "очень крепкого мужчину в лучшие годы, крепкого телосложения, серьезного выражения лица и скупого на слова". В своем одеянии он, как говорят, мало отличался от остальных своих последователей, за исключением того, что на шее у него была большая цепь из белых костяных бус, которая, вероятно, была одним из королевских *знаков отличия*; и что к ней сзади у него был подвешен мешочек с табаком, который он *выпил*, говорит автор, "и дал выпить нам". В остальном его внешность, кажется, не отличалась особой элегантностью; его лицо было выкрашено в печально-красный цвет, как у Мюррея, а голова и лицо были так намазаны маслом, что он "выглядел сально". Его единственным оружием был длинный нож, висевший у него на веревочке за пазухой. Его слуги, вероятно, были одеты для этого великого события с особым вниманием к этикету; некоторые из них были выкрашены в черный цвет, другие - в красный, желтый или белый; некоторые носили кресты и "другие старинные изделия"; а некоторые из них были одеты в меха или шкуры различных описаний. Будучи к тому же высокими, сильными людьми и первыми туземцами, которых большинство колонистов когда-либо видели вблизи, они, должно быть, представляли для них несколько внушительное, а также интересное зрелище.

[FN] "Он очень восхищался нашей трубой, и некоторые из его людей играли на ней так же хорошо, как и мы". — *Журнал*.

Оставив нескольких человек из своего числа среди белых в качестве заложников, вампаноаги удалились в лес примерно в полумиле от них и провели там ночь; и Уинслоу действовал как заложник. Англичане, по-видимому, еще не были готовы поверить в профессию дикарей, ибо они всю ночь несли строгую вахту, не говоря уже о только что названных мерах безопасности. Их гости, напротив, спокойно развлекались в лесу, и с ними было несколько их жен и детей, которые, должно быть, приехали с этим вежливым визитом издалека, за сорок миль. На следующее утро сажем послал нескольких своих людей выразить свое пожелание, чтобы некоторые из его новых друзей почтили его своим присутствием. Стэндиш и некто Олдертон [FN-1] "отважно отправились" к ним, и их радушно, если не по-королевски, встретили угощением из табака и земляных орехов. "Мы пока не можем себе представить, - продолжает наш все еще неудовлетворенный информатор, - что он готов заключить с нами мир; потому что они иногда видели наших людей по двое или по трое в лесу за работой и охотой на дичь, когда они не причиняли им никакого вреда, хотя легко могли бы это сделать". Они оставались в своем

лагере до позднего утра; тем временем Губернатор в благодарность за щедрость сахема послал срочного посыльного за своим большим котлом и наполнил его сухим горохом. "Это им очень понравилось, и они пошли своей дорогой", — без сомнения, одна сторона испытала такое же облегчение, как и другая. [FN-2]

[FN-1] В честь которого, как говорят, была названа внешняя точка бостонской гавани.

[FN-2] Таков был самый ранний визит, по крайней мере, церемониальный или деловой, который коренные жители Новой Англии нанесли колонистам. Отчет, приведенный об этом, хотя и *ex parte*, как и подобает всем подобным описаниям, в высшей степени почетен для первого. Они показывают, что многие, если не большинство дикарей, с которыми обошлись справедливо, поначалу были настолько разумны и склонны к доброте, насколько можно было пожелать. Они безоружно ходили среди поселенцев, не испытывая страха, будучи во что бы то ни стало честными и дружелюбными и настолько гостеприимными, насколько позволяли их средства. В дальнейшем выяснится, что так продолжалось в течение долгих лет, поскольку они также оставались верны своим прямым обязательствам.

Мы снова встречаемся с Массасойтом в июле 1621 года; затем к нему направляется посольство в его собственную резиденцию, Монтоп или Совамс. Это посольство состояло из Эдварда Уинслоу и Стивена Хопкинса; и целями его были, по словам Морта, "*то, что поскольку его подданные часто и без страха появлялись среди нас во всех случаях*", поэтому англичане отправились теперь навестить его, неся с собой пальто от губернатора его другу сахему в знак доброй воли и желания жить в мире. Далее было намекнуто, хотя и с большой деликатностью, что, хотя его люди часто и в большом количестве приезжают в Плимут с женами, детьми и всем прочим, и им всегда рады, — но, будучи всего лишь чужаками в этой стране и не уверенными, что их кукуруза может процветать, они больше не могут развлекать их так, как раньше, и все еще хотят развлекать; однако, если сам Массасойт навестит их или кого-нибудь из его близких друзей, ему будут рады. Затем была высказана просьба о том, чтобы поканокетам, у которых были меха, разрешили передать их колонистам. Губернатор пожелал, чтобы он также обменял немного кукурузы на семена у жителей Плимута.

[FN] Смотрите ОТНОШЕНИЕ МОРТА, часть которого также сохранилась в коллекциях. Кажется, к нему прикреплено только название издателя.

Оставшаяся статья в этом сообщении в большей степени иллюстрирует отношения, которые, как считается, существуют и являются желательными между сторонами. По-видимому, при первом прибытии колонистов на Кейп-Код они нашли там кукурузу, зарытую в землю. Не увидев по соседству жителей, "но несколько недавно захороненных могил мертвых", они взяли зерно с намерением получить за него полное удовлетворение, когда это станет практически возможным. Предполагалось, что его владельцы сбежали из-за страха. Теперь предлагалось, чтобы Массасойт проинформировал этих людей, — если их удастся найти, — что англичане готовы заплатить им равным количеством зерна, английской муки или "любых других товаров, которые у них есть, чтобы доставить им удовольствие"; и предлагалось полное удовлетворение

за любые хлопоты, которые сахем мог бы оказать им любезность предпринять. Это предложение было в равной степени политичным и справедливым.

Гостей встретили с щедрым, хотя и скромным гостеприимством, которое напоминает о первом приеме Колумба жителями островов Вест-Индии. Они добрались до Намашета около трех часов пополудни; и там, как нам рассказывают, жители с радостью угостили их наилучшим образом, на какой были способны, угостив сладким хлебом и рыбой в менее приемлемом сопровождении из вареных заплесневелых желудей. После этой примитивной и вкусной трапезы, такой же древней, кстати, как древние греки, был произведен обмен различными любезностями, и некоторое время было очень приятно проведено в стрельбе по вороне на значительном расстоянии, к огромному удивлению и забаве индейцев. Затем их направили в местечко примерно в восьми милях отсюда (Миддлборо), где, по словам Журналиста, они должны были найти "больше магазинов и лучшую провизию". По прибытии их встретила компания, которая ловила большое количество отличного окуня в реке Тонтон, и которая угостила их ужином и завтраком утром, помимо привилегии переночевать в лесу неподалеку.

[FN] Называется *maxium*, и, без сомнения, готовится из индийской кукурузы. Гукин говорит, что еда, которую они готовили из сушеной кукурузы, была такой сладкой, такой сытной и *аппетитной*, что индеец мог бы много дней обходиться без другой пищи.

На следующий день в сопровождении шестерых хозяев им помогли перейти реку; и здесь они столкнулись с первыми признаками недоброжелательства в лице двух старых индейцев на противоположном берегу. Эти двое, заметив их, когда они входили в реку, быстро и крадучись побежали в высокой траве им навстречу; а затем громкими голосами и с натянутыми луками спросили у незнакомцев, кто они такие; "но, видя, что мы друзья, - добавляется, - они приветствовали нас той едой, которая у них была, а мы подарили им маленькие браслеты из бус". Замечания, которые следуют за этим, о поведении шести сопровождающих, которые мы не можем не привести в целом, не имеют отношения к нашей главной цели, какими бы они ни были. "Когда мы подошли к небольшому ручью, - говорит наш точный автор, - где не было моста, двое из них пожелали перенести нас по собственному согласию; также опасаясь, что мы устали или будем уставать, предложили нести наши вещи; также, если мы снимем что-нибудь из нашей одежды (было слишком жарко), мы должны были бы ее нести; и поскольку один из них нашел больше особой доброты от одного из посланцев, а другой - от другого дикаря, они соответственно выразили свою благодарность, предложив нам помощь и содействие в путешествии".

После еще одного развлечения по дороге наши путешественники добрались до Совамса. Массасойта не было дома, но вскоре он прибыл, и посетители приветствовали его выстрелом из мушкета. Он любезно приветствовал их на индейский манер, отвел в свою хижину и усадил рядом с собой. Затем они передали свое послание и подарки, последний из которых состоял из плаща всадника из красного хлопка, расшитого тонким кружевом. Сахем без промедления надел это великолепное изделие и повесил цепь, которую они также подарили ему, себе на шею, очевидно, наслаждаясь невыразимым восхищением вампаноагов, которые смотрели на него издали. Теперь он отвечал на послание, пункт за пунктом, и особенно подчеркивал свое желание продолжать жить в мире и дружбе со своими соседями. Он собрал своих людей вокруг себя и обратился к ним с речью; они время от времени подтверждали то, что

он говорил, своими обычными восклицаниями. Разве он, Массасойт, не был командующим страной в их отношении? Разве такой город не входил в его владения — и разве его жители не были его подданными — и разве они не должны были принести ему свои шкуры, если он этого пожелает?

Таким образом, он назвал около тридцати своих небольших поселений, и его внимательные слушатели ответили на каждый вопрос. Когда дело было окончательно улажено, он раскурил табак для своих гостей и побеседовал с ними об их собственной стране и короле, больше всего удивляясь тому, что его Величество живет без скво. Когда стало поздно и он не предложил более существенного развлечения, чем это, — несомненно, по той веской причине, что ему нечего было предложить, — его гости выразили желание удалиться на ночь. Он немедленно разместил их, себя и свою жену, - их на одном конце, а его посетителей на другом, - на кровати, состоящей из дощатого помоста, приподнятого на фут или два от земли и покрытого тонкой циновкой. Двое из его главных людей, вероятно, в качестве комплимента, также были размещены в том же помещении; и этот телохранитель выполнял свою неотложную обязанность сопровождения настолько эффективно, что не требовалось никаких других обстоятельств, чтобы почетные гости "устали от своего жилья больше, чем от Путешествия".

На следующий день многие мелкие вожди со своими подданными прибыли из соседней страны, и для развлечения англичан были устроены различные спортивные состязания. В полдень они вместе с сахемом и еще примерно сорока другими отведали вареной рыбы, *подстреленной* им самим (вероятно, стрелами). Они продолжали общаться с ним до следующего утра, когда ушли, оставив Массасойта "опечаленным и пристыженным" из-за того, что он не смог лучше развлечь его. Журналист добавляет, что он очень настаивал, чтобы они побыли у него подольше; но поскольку за два дня и ночь они ели всего один раз, за исключением куропатки, которую один из них убил; а учитывая их расположение ночью, "варварское пение дикарей перед сном", комары без дверей и другие мелкие неудобства внутри, они вообще не могли уснуть; они попросили извинения — по соображениям совести, приближалось воскресенье, — не говоря уже о том, что у них начинало кружиться голова и они не могли заснуть. вряд ли можно было ожидать, что, пробыв здесь еще немного, они смогут добраться до дома.

Дружба Массасойта снова подверглась испытанию в марте 1622 года, когда индеец, который, как известно, находился под влиянием Скванто, вбежал в группу колонистов с разбитым лицом и свежей кровью на нем, крича им спастись бегством, а затем оглядываясь назад, как будто за ним гнались. Подойдя ближе, он сказал им, что индейцы под командованием Массасойта собираются в определенном месте для нападения на Колонию; что он получил ранения в результате противодействия их планам и едва спасся от них. Сообщение вызвало немалую тревогу, хотя его достоверность была категорически опровергнута Хобамоком, индейцем племени поканокет, проживающим в Плимуте, который рекомендовал тайно отправить гонца в Совамс с целью установления истины. Это было сделано, и гонец, обнаружив, что все в обычном спокойном состоянии, сообщил Массасойту о слухах, распространявшихся против него. Он был чрезвычайно разгневан на Скванто, но поблагодарил губернатора за мнение о его преданности, которое, как он понимал, тот сохранил; и поручил гонцу заверить его, что он должен немедленно уведомить его о любом заговоре, который может иметь место в любое время в будущем.

[FN], который, как здесь можно заметить, был весьма значительным. Скванто был честолюбивым и назойливым, хотя и не злонамеренным — доброжелательным и полезным англичанам, но чересчур озабоченным тем, чтобы этот факт заслужили его соотечественники. Он забавлялся, рассказывая им, что белые держат чуму в бочках в своих подвалах, что они намереваются воевать с различными племенами и т. Д. Ради того, чтобы их наняли, иногда нанимали, в качестве посредника; и, конечно, ему всегда удавалось разрешить возникшую трудность. Скванто умер в ноябре 1622 года во время экспедиции, организованной губернатором Брэдфордом для сбора кукурузы у индейцев. Его последней просьбой было, чтобы губернатор помолился за него, чтобы он мог отправиться к английскому Богу на Небесах. Он завещал свое небольшое имущество своим английским друзьям. Так погиб последний абориген плимутской земли. Иногда он играл "Джека с обеих сторон", как говорит Хаббард, но его смерть справедливо считалась общественной потерей.

То, что заявления Массасойта по этому поводу были далеки от простых слов принуждения или вежливости, убедительно доказывается его поведением в течение следующего сезона 1623 года. Ранней весной того же года в Плимут пришло известие, что он тяжело заболел в Совамсе; и было решено послать мистера Уинслоу навестить его еще раз в знак дружбы колонистов. Этот джентльмен немедленно отправился в путь, получив несколько приветственных слов и сопровождаемый "неким мастером Джоном Хэмпденом, лондонским джентльменом, который тогда зимовал с ним и очень желал увидеть страну", — без сомнения, это тот самый персонаж, который впоследствии так ярко проявился в политике Англии.

В разных местах на своем пути они слышали, что сахем уже мертв; и их проводник Хобамок всю дорогу предавался самой безграничной скорби. Однако по прибытии они обнаружили, что он все еще жив; и множество иждивенцев и друзей, которые толпились в его хижине, как можно быстрее освободили им дорогу для приема и ночлега. Казалось, он был доведен до крайности. Шесть или восемь женщин были заняты растиранием его озябших конечностей, а остальные члены многочисленной компании тем временем прилагали все усилия, производя то, что Уинслоу довольно безжалостно называет "таким адским шумом, что приводил в смятение тех, кто был здоров". У него хватило здравого смысла дождаться завершения церемонии; и когда измученные исполнители убедились, что сделали все, что от них зависело, на благо пациента, один из них сообщил ему о прибытии англичан.

[FN] Вероятно, лидером хора был индеец Повах. Об этих варварах-шарлатанах Роджер Уильямс говорит, что "бедные люди обычно красят у себя под руками" по той очень веской причине, что они "ничего не применяют, но воют, и рычат, и оплакивают их, и начинают песню остальным людям вокруг них, которые все присоединяются (как квайр) в молитве к богам за них". *Ключ к индийскому языку*, глава xxxi.

"Кто пришел?" пробормотал сахем, все еще находясь в сознании, хотя зрение его полностью исчезло. Они сказали ему, что пришел Уинсноу (поскольку они обычно заменяли *n* вместо английского *l*.) "Тогда позвольте мне поговорить с ним, - ответил он, - позвольте мне сказать ему одно слово". Уинслоу подошел к покрытому циновками помосту, на котором он лежал, и схватил слабую руку, которую сахем, узнав о его приближении, протянул ему. "Ты Уинсноу?" он снова

прошептал вопрос (на своем родном языке): "Ты Уинсноу?" Получив утвердительный ответ, он, казалось, был удовлетворен этим фактом. Но "О Уинсноу, - печально добавил он, - я никогда больше не увижу тебя!"

Теперь вызвали Хобамока, который пожелал заверить сахема в добрых воспоминаниях губернатора о нем в его нынешнем положении и сообщить ему о предметах, которые они привезли с собой для его использования. Он немедленно выразил свое желание попробовать их, и они были поданы ему соответствующим образом, к великому удовольствию окружающих его людей. Затем Уинслоу приступил к мерам по его облегчению, и они произвели в нем большую перемену в течение получаса. Постепенно к нему вернулось зрение, и он начал беседовать, попросив своего хорошего друга Уинслоу, среди прочего, зарезать ему курицу и приготовить английскую похлебку, такую, какую он видел в Плимуте. Это было сделано для него, а также были предприняты другие меры, которые чудесным образом восстановили его силы и аппетит в течение одного-двух дней пребывания Уинслоу.

Его выражения благодарности, как и выражения восхищенных слуг, были постоянными, поскольку они явно шли от чистого сердца. Наконец, когда его гости собирались покинуть его, он подозвал Хобамока к себе и рассказал ему о заговоре против колонистов, недавно организованном, как он понял, некоторыми племенами Массачусетса, и присоединиться к которому его самого пригласили. Он также рекомендовал определенные краткие меры по пресечению заговора и в заключение поручил Хобамоку передать разведданные Уинслоу по пути в Плимут. Здесь можно добавить, что эти меры были впоследствии осуществлены Стэндишем и оказались успешными. Сам заговор был вызван печально известным и возмутительным распутством бандитов "Мастера Уэстона" в Веймуте.

[FN] Дата смерти этого индейца неизвестна. Говорят, что когда-то он был военным капитаном среди племен Массачусетса. Хаббард описывает его как "настоящего, крепкого молодого человека, пользующегося хорошей репутацией среди индейцев тех краев за свою доблесть". Он был полезен, как Скванто, но не доставлял хлопот.

Основные подробности из оставшейся жизни Массасойта вскоре могут быть детализированы. В 1632 году он подвергся нападению в Совамсе со стороны отряда наррагансеттов и был вынужден укрыться в английском доме. Вскоре его положение было выяснено в Плимуте, и на помощь ему были незамедлительно отправлены вооруженные силы под командованием его старого друга Стэндиша, после чего Наррагансеты удалились. Примерно в 1639 году он, вероятно, связал своего старшего сына, Моанама или Вамсутту, с ним в правительстве; поскольку, как говорят, 28 сентября того же года они собрались на открытый суд в Плимуте и пожелали, чтобы древний договор 1621 года оставался неприкосновенным. Они также заключили несколько новых соглашений, главным образом для того, чтобы обеспечить Колонии преимущественные права на земли Поканокета. "И весь суд, - добавляют записи, - от имени всего правительства каждого города соответственно, затем аналогичным образом ратифицировал и подтвердил вышеупомянутую древнюю лигу и конфедерацию".

С этого времени имена отца и сына иногда встречаются объединенными, а иногда и нет, в документах, с помощью которых земля была передана англичанам. В 1649 году первый продал территорию Бриджуотера на свое имя. "В связи с этими подарками, — таковы слова документа,

— которые я, Усамекин Сашим из округа Поканакет, вручил, наделил полномочиями и мог бы Майлзу Стэндишу из Даксборо, Сэмюэлю Нэшу и Константу Саутворту из Даксборо, упомянутым выше, от имени всех^е жителей Даксборо, упомянутый выше участок земли, обычно называемый Согтакет, простирающийся в длину и ширину следующим образом, то есть... [здесь следуют следующие слова: границы того, что сейчас является *Бриджуотером*] — wch урочище, которое упомянутый Усамекин предоставил, наделил полномочиями и мог бы вам, упомянутым Майлзу [Стэндишу] Сэмюэлю Нэшу и Константу Саутворту, от имени всех ^е жителей Даксборо, как указано выше, со всеми правами, привилегиями и прибылями, принадлежащими указанному участку земли, сth всеми, без исключения, лесами, андервудскими угодьями, лугами, ручьями, речушками. и с. иметь и передавать упомянутым Майлзу Стэндишу Сэмюэля Нэша и Константу Саутворту от имени всех жителей тауна Даксборо им и их бейерам навеки. В подтверждение чего я, упомянутый Усамекен, должен приложить свою руку 23 марта 1649 года.

"Мк {марка} Усамекена.

"Принимая во внимание вышеупомянутую сделку купли-продажи между упомянутыми Майлзом Стэндишем Сэмюэлем Нэшем и Константином Саутвортом, мы обязуемся выплатить вам^е упомянутому Усамекену за и в счет ^е указанного участка земли следующим образом

"7 пальто от и до ^d и наполовину в пальто	}	Майлз Стэндиш
9 Топориков	}	
8 Хоуз	}	Сэмюэл Нэш
20 Ножей	}	
4 Шкуры лося	}	Констант Саутворт.
10 лет ^{ds} и половина хлопка	}"	

Оригинальный документ, буквальную и точную копию которого мы здесь приводим, сохранился до наших дней. Оно написано рукой капитана Стэндиша.

Точная дата смерти Массасойта неизвестна. В 1653 году его имя фигурирует в акте, согласно которому он передал часть территории Суонси английским грантополучателям. Хаббард предполагает, что он умер примерно через три года после этого; но уже в 1661 году он упоминается в Записях Соединенных колоний, что более подробно проявится в жизни его старшего сына. Два или три года спустя были отправлены письма из земель Поканокета, в которых он, по-видимому, не имел права голоса; и можно с уверенностью предположить, что за это время он умер. Ему, должно быть, было около восьмидесяти лет.

Таковы отрывки, которые сохранила история о самом раннем и лучшем друге Паломников. Какими бы немногочисленными и простыми они ни были, они дают представление о характере, который при других обстоятельствах мог бы поставить Массасойта в ряд выдающихся людей его эпохи. Он был простым дикарем; не умел даже читать и писать после почти пятидесяти лет общения с колонистами; и отличался от массы окружавших его дикарей, как мы видели, лишь

варварским орнаментом из костей. Относительно них также следует отметить, что власть, которой они наделили его, или, скорее, его предков, была их бесплатным даром и могла в любой момент быть отозвана, полностью или частично, либо общим голосом, либо отступничеством или насилием отдельных лиц. Следовательно, только внутреннее достоинство и энергия его характера должны были поддерживать власть сахема, без существенного различия в богатстве, свите, культуре или положении в каком-либо отношении между ним и самыми ничтожными из вампаноагов. Обнаженные качества его интеллекта и сердца, должно быть, завоевали их преданность, подчинили их экстравагантные страсти своим собственным целям и завоевали их личное доверие и привязанность.

То, что он сделал это, вытекает из факта, столь необычного в истории Индии, что среди всех племен поканокетов за всю его долгую жизнь едва ли был хоть один случай индивидуальной ссоры с англичанами. Некоторые из этих племен, живущие ближе к Колонии, чем какие-либо другие индейцы, и ежедневно посещающие ее в таком количестве, что Массасойта в конце концов попросили удержать их от "докучания" своим друзьям самим фактом их многочисленности, — эти пронизательные существа, должно быть, понимали, так же как и сам Массасойт, что колонисты были столь же ужасно напуганы, сколь слабы и малочисленны. Некоторые из них тоже — например, корбитант сахем — были печально известны своей враждебностью, и, возможно, у них были определенные предполагаемые причины для этого. И все же *этот* хитрый и амбициозный дикарь избежал единственного открытого акта восстания, который, как известно, он пытался совершить, "заручившись добрыми услугами Массасойта", как нам говорят, "чтобы примирить его с "англичанами"". И таково было влияние главного сахема не только на него, но и на сахемов Массачусетса, что девять главных из них вскоре после этого прибыли в Плимут издалека, чтобы выразить свое смиренное уважение к власти англичан.

О том, что Массасойта любили и уважали его подданные и соседи повсюду, свидетельствует огромное количество встревоженных друзей, которые толпились вокруг него во время его болезни; некоторые из них, как установил Уинслоу, проехали более ста миль, чтобы повидаться с ним; и все они наблюдали за его операциями в том случае с таким сильным беспокойством, как если бы лежащий ниц пациент был отцом или братом каждого из них. И как ни скучна справедливость, воздаваемая историей сахему, она все же дает некоторые доказательства, не следует заблуждаться, что он заслужил это уважение у них своей добротой. В рассказе Уинслоу есть эпизод с трогательной простотой, который показывает, что он не забывал об их мельчайших интересах, даже несмотря на свою собственную почти бессознательную беспомощность. "То утро, - говорится, - он заставил меня провести, переходя от одного к другому среди больных в городе [Совамов]; прося меня обращаться с ними так же, как я обращался с ним, и дать каждому из них немного того же, что я дал ему, *говоря, что они хорошие люди.*"

Но эти благородные черты характера Массасойта еще ярче проявляются во всем его общении с белыми. О его простом понимании своих позитивных обязательств перед ними, включая его верность знаменитому мирному договору 1621 года, больше ничего не нужно говорить, за исключением того, что в анналах континента едва ли можно найти хоть одну параллель даже этому случаю. Но он пошел гораздо дальше этого. Он не только посетил Колонию в первый раз по своей собственной воле и согласию, но и вступил в переговоры бодро и обдуманно, несмотря на их явный страх и подозрительность. Отныне к результатам этого относились не с простой честностью союзника, а с теплым интересом друга. Вероятно, по его тайному и

деликатному предложению — и, во всяком случае, это вряд ли могло произойти без его разрешения, — его собственные подданные поселились среди колонистов с целью направлять, пилотировать, переводить для них и обучать их собственным полезным знаниям. Уинслоу говорит о том, что он *назначил другого* на место Скванто в Плимуте, в то время как последнего следует разослать среди поканокетов по его приказу "закупать меха для англичан".

Уже говорилось об обширном предоставлении территории, которое он сделал в первой инстанции. Это было сделано с простым замечанием, что его притязания на нее были единственными существующими. Это также было безрассудно; щедрый сахем, как говорит Роджер Уильямс о Наррагансетах в аналогичном случае, "*был застенчив и ревниво относился к продаже земель кому бы то ни было и предпочел подарить их тем, кого они затронули*". Такова единственная ревность, которую Массасуа, можно сказать, когда-либо питал к англичанам. Мы также не находим никаких свидетельств того, что он раскаивался в своей щедрости или считал ее неосторожной расточительностью в момент польщенной уступчивости. Однако мы обнаруживаем, что он неизменно следил за интересами получателей грантов с большей строгостью, чем, вероятно, следил бы за своими собственными. В одном случае он предъявил права на трактат, по которому мистер Уильямс вел переговоры с наррагансетами, — возможно, этот джентльмен не знал о существующих разногласиях между двумя племенами. "Это мое, — сказал сахем, — Это мое, и следовательно, принадлежит им," - явно подразумевая, что земля, о которой идет речь, была включена в первоначальную передачу. Было ли это утверждение справедливым или на нем настаивали, не выясняется; но есть достаточно указаний как на мнение, так и на чувства Массасойта.

Еще более поразителен анекдот о нем, записанный губернатором Уинтропом под названием "приятный отрывок". Его старый друг Уинсноу, кажется, совершил торговое путешествие в Коннектикут летом 1634 года. По возвращении он по той или иной причине оставил свое судно на побережье Наррагансета и отправился в путь через леса в Плимут. Вероятно, пребывая в растерянности относительно своего маршрута, он направился в Совамс и навестил своего древнего знакомого, сахема. Последний оказал ему свойственный ему радушный прием и, когда он уходил, предложил проводить его домой — пеший путь длился два дня. Он только что отправил одного из своих Вампаноагов в Плимут с инструкциями сообщить друзьям Уинсноу, что он мертв, и убедить их в этом печальном факте, сообщив такие подробности, какие подскажет их собственная изобретательность. Все это было сделано соответствующим образом, и новость вызвала, как и следовало ожидать, очень неприятное волнение по всей Колонии. Однако в самый разгар событий, на следующий день, сахем вошел в деревню в сопровождении Уинслоу и с более чем обычным самодовольством на честном и жизнерадостном лице. Его спросили, почему такое сообщение было распространено накануне. "Чтобы Уинсноу был более желанным гостем, — ответил он, — и чтобы вы были более счастливы, — таков мой обычай". Он проделал такой долгий путь, чтобы лично насладиться этим сюрпризом; и он вернулся домой, без сомнения, более довольный этим, чем был бы рад самой удачной вылазке среди Наррагансетов.

Некоторые авторы намекают, причем гораздо чаще, чем это справедливо или великодушно, что страх сахема перед только что названным племенем лежал в основе его дружбы. Возможно, было бы ближе к очевидной истине, учитывая все, что известно о Массасойте, сказать, что его интерес случайно совпал с его склонностями. Во всяком случае, во власти любого другого сахема или короля по всей стране было поставить себя на одну доску с колонистами и

поддерживать их существование, если бы они руководствовались такими же добрыми чувствами или здравым смыслом. Напротив, массачусетцы замыслили заговор и угрожали, с одной стороны, как мы видели, не без провокации, это следует допустить, в то время как наррагансеттский сахем, с другой, прислал свои поздравления еще в 1622 году в виде пучка стрел, перевязанного кожей гремучей змеи.

Мы также не должны забывать о жалкой немощи Колонии в период их первого знакомства с Массасойтом. Действительно, немедленные меры, которые он предпринял для их облегчения и защиты, больше похожи на побуждения сострадания, чем на надежду или страх. За месяц до его появления среди них они были доведены болезнью до такого плачевного состояния, что только шесть или семь человек из всего их числа были в состоянии вести дела на открытом воздухе; и, вероятно, все их боевые силы, если бы их собрали вместе, едва ли сравнялись бы с тем небольшим отрядом, который Массасойт привел с собой в деревню, деликатно оставив за собой вдвое больше, с оружием у всех; поскольку впоследствии он обменял шестерых заложников на одного. Неудивительно, что колонисты "еще не могли понять, но он был готов к миру с ними".

Но мотивы сахема еще больше проявляются в чувстве его собственного достоинства, которое, каким бы миролюбивым он ни был в целом, он незамедлительно проявлял при всех подходящих случаях. Как неофициальный грант, так и официальные документы, о которых мы упоминали, указывают на то, что он считал себя хозяином территории своих предков как по праву, так и фактически. Во всей его истории нет ничего, что делало бы больше чести его уму или его чувствительности, чем его поведение, вызванное ложью, распространяемой среди колонистов против него Скванто. Его первым побуждением, как мы видели, было оскорбиться на виновного интригана; вторым - поблагодарить губернатора за то, что он обратился к нему в этом деле, и заверить его, что он в любое время "пошлет весточку и предупредит, когда возникнет такая ситуация". При дальнейшем расследовании он выяснил, что Скванто позволял себе даже больше вольностей со своей репутацией, чем ему было известно. Он немедленно отправился в Плимут и обратился с апелляцией лично к губернатору. Последний успокоил его, как мог, и он вернулся домой. Но прошло очень мало времени, прежде чем от него пришло послание, в котором он умолял губернатора согласиться на смерть отступника, который все еще издевался над ним. В ответ губернатор признал, что Скванто заслуживает смерти, но пожелал, чтобы его пощадили за его незаменимые услуги. Массасойт все еще не был удовлетворен. Прежний гонец был отправлен снова, "вместе с несколькими другими", - говорит Уинслоу в своем Рассказе, - "*требуя* его [Скванто] как одного из подданных Массасойта, которого по нашим первым мирным статьям мы не могли удержать; однако, поскольку он не стал бы добровольно делать это [настаивать на своих правах] без одобрения губернатора, он предложил ему много бобровых шкур за его согласие на это". Соответственно, депутация привезла эти шкуры, а также собственный нож сахема для казни преступника. Теперь Скванто сдался губернатору, как индеец всегда смиряется со своей участью в подобных случаях; но губернатор все же придумал предлог, чтобы пощадить его. Депутаты были "вне себя от ярости и не терпели промедления", как можно предположить, и отбыли в сильном возбуждении.

Поведение сахема в данном случае было явно более правильным, чем у его союзника. Он понимал так же хорошо, как и губернатор, дух статей договора, которые предусматривали, что преступник с любой стороны должен быть предан наказанию по первому требованию; и он был осторожен, чтобы выдвинуть это требование лично, недвусмысленно и уважительно.

Губернатор, с другой стороны, как и сам виновник, признали справедливость этого, но предприняли маневры, чтобы избежать подчинения. Истинная причина, без сомнения, указана Уинслоу. Это также приведено на языке Джона Смита. "С большим трудом, - говорит честный Капитан, - мы умиротворили разгневанного короля и остальных салюажей и добровольно простили Тусквантума, *потому что он говорил на нашем языке, нам было бы плохо без него.*" Тогда король был разгневан, как это вполне могло быть; и губернатор взял на себя труд, он был и обязан, и заинтересован в том, чтобы умиротворить его. Возможно, не стоит удивляться, что писатели того периода так мало останавливаются на деталях этой сделки. Уинслоу едва замечает, говоря в другой связи об индейцах, которые, очевидно, осознавали слабость Колонии, что, что еще хуже, "теперь и Массасойт, казалось, не одобрял нас и не приходил к нам, как раньше". Этот отрывок не менее важен, чем краткий; но не более важен, чем последующее сухое замечание относительно Скванто, "чей мир до этого времени (осенью того же года) *был заключен с Массасойтом*".

Таковы были жизнь и характер Массасойта. Следует сожалеть, что о первом сохранилось так мало подробностей и, следовательно, так мало справедливости может быть отдано последнему. Но что касается его истории, то это, безусловно, делает его одним из самых замечательных людей своей расы. Во всей истории нет более благородного примера национальной верности (в чем ему прежде всего следует отдать должное) или личной дружбы. Этот инстинкт великодушной натуры в первую очередь, будучи подтвержден поведением, в целом одинаково похвальным чувствам и проникательности колонистов, в конце концов утвердился в сознании Массасойта так же неистребимо, как и его привязанность к собственным подданным. "Теперь я знаю, — сказал он Уинслоу, впервые оправившись от тяжелой болезни, о которой мы упоминали, — *я знаю*, что англичане любят меня, а я люблю их, и я никогда их не забуду".

Но, придавая даже самое неестественное значение профессиям и поведению сахема, отношениям, которые он завязал и поддерживал в течение сорока пяти лет с англичанами, следует признать, что это свидетельствует, по крайней мере, о непревзойденной проникательности. За все это время он, безусловно, преуспел не только в защите своих племен от их справедливой враждебности, но и в завоевании их уважения до такой исключительной степени, что в трудах ни одного автора, насколько мы помним, нет ни единого слова, порочащего его. Даже Хаббард говорит о нем с чем-то вроде уважения, несмотря на неприятную черту в его характере, указанную в следующем отрывке. "Весьма примечательно, - говорит он, - что этот Вузамекен, как бы сильно он ни влиял на англичан, никогда ни в малейшей степени не был благосклонен к их религии". Далее добавляется, что в своем последнем договоре с белыми в Суонзи, — речь идет о продаже земли, о которой мы упоминали, — он приложил все усилия, чтобы торжественно обязать их "никогда не отвлекать никого из своего народа от их старых языческих суеверий и дьявольского идолопоклонства в христианскую религию". [FN] На этом он настаивал до тех пор, пока они не пригрозили прервать переговоры из-за его упорства, и тогда он отказался от этого пункта.

[FN] В этом редком трактате (опубликованном в Лондоне в 1651 г.), озаглавленном "Свет, появляющийся все больше и больше к совершенному Дню" и с. и написанном преподобным Томасом Мэйхью, утверждается, что некоторые индейцы-христиане из Мартас-Винъярда беседовали с "Воззамекеном, великим Сахемом или губернатором на Земле Мэн (приходящим к

ним) о путях Бога" — он спрашивал, какие земные блага пришли вместе с ними, и чего они достигли своим благочестием, и с. Это было до 1650 года.

Массасойт не проявил себя как воин; неизвестно, чтобы он когда-либо участвовал в каких-либо открытых боевых действиях, даже с враждебными и могущественными племенами, окружавшими его территорию. Это еще одна уникальная черта в его характере; и, принимая во внимание общую привязанность всех индейцев к воинственной жизни, их почти исключительное уважение к воинственным качествам, численность и разрозненное расположение племен поканокет и особенно характер их древних соседей, одного этого факта достаточно, чтобы отличить гениальность Массасойта. Все коренные народы Новой Англии, кроме его, были вовлечены в раздоры и войны друг с другом и с белыми; и все они рано или поздно разделили участь, которой он избежал. Неугомонные главари банды, замышлявшие смуту среди массачусетцев, были без промедления оглушены Майлзом Стэндишем, в то время как сотни оставшихся бежали и прискорбно погибли в своих собственных болотах. Пекоты, народ, который незадолго до этого мог выставить три тысячи лучников, были почти истреблены в 1637 году; а тем временем дикари штата Мэн, могавки Нью-Йорка, наррагансеты и могиганцы сражались и уменьшали силы друг друга, как будто их единственной целью было, окончательно истребив самих себя, подготовить путь в пустыне для пришельцев.

ГЛАВА VII.

Массасойту наследовал его сын АЛЕКСАНДР—Это имя дано англичанами—История Александра до смерти его отца—Соглашение, заключенное с Плимутом в 1639 году—Меры, принятые во исполнение его в 1661 году—Анекдот, иллюстрирующий характер Александра—Уведомление о выдвинутых против него обвинениях—Рассмотрение сделки, которая привела к его смерти—Восшествие на престол Филиппа—Возобновление им договора—Нарушение гармонии—Предполагаемые причины этого—Меры, принятые вследствие—Подчинение Филиппа—Письмо губернатору Плимута—Второй подчинение в 1671 году —Замечания о причинахвойны Филиппа.

МАССАСОЙТУ наследовал в правительстве Поканокета его старший сын Моанам, или Вамсутта, известный англичанам главным образом под именем АЛЕКСАНДР; это прозвище он получил в то

же время, когда прозвище Филипп было присвоено его младшему брату. По этому случаю двое молодых людей собрались вместе в открытом суде Плимута и, выражая большое уважение к англичанам, потребовали, чтобы им назвали имена. То, что их отец не был упомянут как присутствовавший на церемонии, вероятно, послужило поводом для предположения о его смерти. Однако достаточным объяснением его отсутствия было бы то, что теперь он был стариком и что расстояние Совамса от Плимута составляло более сорока миль. Легко представить, что забота, которую он всегда проявлял о поддержании хорошего взаимопонимания со своими плимутскими друзьями, могла побудить его рекомендовать эту мирную и примирительную меру в качестве подходящей подготовки к собственной кончине и, возможно, к окончанию своего правления.

Действительно, есть некоторые основания полагать, что Александр имел долю в суверенитете Поканокетов за много лет до даты только что упомянутой церемонии. Плимутские записи показывают, что 25 сентября 1639 года отец явился в суд, приведя с собой Моанама. Он желал, чтобы старый договор 1621 года оставался нерушимым, "и упомянутые Вузамекин или Массасойт, и Моанам или Вамсутта" также обещали, что ни он, ни они не будут без необходимости и несправедливо разжигать какие-либо ссоры или причинять какой-либо вред другим туземцам, чтобы спровоцировать их на войну против него; и что он или они не будут дарить, продавать или передавать какие-либо из своих земель, территорий или владений вообще какому-либо лицу или лицам без ведома и согласия правительства Плимута вышесказанное; "и весь суд от имени всего правительства, соответственно, от каждого города, затем аналогичным образом ратифицировал и подтвердил вышеупомянутую древнюю лигу и конфедерацию; а также дополнительно пообещал упомянутому Вузамекену и Моанаму, его сыну, и его преемникам, что они будут время от времени защищать их, когда того потребуют обстоятельства, от всех тех, кто восстанет против них, чтобы причинять им зло или несправедливо угнетать их".

В соответствии с условиями этого соглашения, в Отчетах колоний за 1661 год указано, что в том году Объединенные комиссары направили послание Ункасу, главному сахему могеганцев. [FN] Истцами по этому делу был Суд общей юрисдикции Массачусетса; и обвинение, выдвинутое против Ункаса, заключалось в насильственном "Вторжении в Везамекин и индейцев Квабакута", *которые являются подданными англичан*. Предполагаемое здесь господство, вероятно, предназначено распространяться только на индейцев квабакутт, а не на массасойт. Ункас в своем ответе заявил, что он не знал, что они были подданными Массачусетса, "и далее говорит, что они не были людьми Весамекена, но принадлежали Онопекену, его смертельному врагу". и с. и с.

[FN] Ознакомьтесь с сообщением и ответьте на него в "Жизни Ункаса".

Затем он утверждает, "что Весамекен, его сын, и двое из его людей *много раз сражались против него*." Последний абзац ответа— который был дан майором Мейсоном от имени Ункаса, выглядит следующим образом:

"Александр Эллис [псевдоним] Вамсутта Сахем из Совамсетта, который сейчас находится в Плимут-хи, заявил, что индейцы племени квабауке принадлежат ему, и далее сказал, что этим летом он вел войну против VCU из-за этого". *Этим летом он воевал против VCU*".

По крайней мере, совершенно ясно, что Александр бесстрашно и откровенно отстаивал то, что он считал своими правами; и не похоже, чтобы осуществление его суверенитета таким образом вызывало возражения со стороны стороны, которая имела лучшее, если не единственное право возражать. Он проявил такую же независимость в отношении усилий английских миссионеров; так что Хаббард приходит к выводу, что у него "не было привязанности ни к личностям англичан, ни к их религии".

Это в лучшем случае распущенное рассуждение; ибо, насколько нам известно, в этом деле нет ни малейших доказательств, опровергающих справедливый вывод, который можно сделать из того обстоятельства, что между Александром и его союзниками с момента его восшествия на престол и до его смерти не возникало никаких трудностей или разногласий — за единственным исключением. Исключительный случай, который мы сейчас рассмотрим, является одним из наиболее важных, поскольку его непосредственным следствием было немедленное прекращение правления и жизни вождя.

В связи с последним процитированным замечанием Хаббарда, этот историк едва замечает, что Губернатор и Совет были проинформированы об этом факте. Мазер утверждает, не вдаваясь более в подробности, что сахем уговаривал Наррагансетов взбунтоваться вместе с ним; на основании *вещного доказательства чего*, правительство Плимута приняло определенные срочные меры. Из других источников мы узнаем, что это доказательство было передано в письмах из Бостона, где оно, вероятно, было основано на слухах, собранных от разбредшихся индейцев. Во всяком случае, в деле не фигурирует никаких убедительных свидетельств; и поэтому можно с уверенностью предположить, что ни одно из них так и не было получено, поскольку только что процитированные авторы не были особенно склонны опускать вопросы такого рода. Слух мог возникнуть при действительно подозрительных обстоятельствах; но если бы это было правдой, и даже больше, если бы он был одновременно ложным и злонамеренным, как обвинения против Массасойта, мы вполне могли бы усомниться как в справедливости, так и в политике шагов, предпринятых правительством Плимута.

"Вскоре они послали за ним, чтобы доставить в суд, — говорит Хаббард, - очень примечательное судебное разбирательство, изложенное с соответствующей краткостью. Это дело, как также выясняется, было доверено джентльмену, который не боялся опасности и в то же время не желал медлить с решением неотложного вопроса. Затем нам сообщают, что этот джентльмен, мистер Уинслоу, немедленно взяв с собой восемь или десять крепких мужчин, хорошо вооруженных, отправился в Совамс; что он, к счастью, встретился с Александром на расстоянии нескольких миль в вигваме с восьмьюдесятью своими последователями; что они схватили оружие отряда, оставшегося без вигвама, а затем вошли внутрь и призвали сахема сопровождать их в Плимут. Он неохотно подчинился, поскольку ему пригрозили, что "если он *пошевелится* или откажется идти, он покойник". Однако, добавляет Хаббард, его настрой был таков, что само удивление бросило его в жар. После этого он попросил свободы вернуться домой, и эта милость была оказана ему на определенных условиях; но по дороге он умер.

Этот отчет согласуется с мнением Мазера. "Правительство послало этого доблестного и превосходного командира, - говорит преподобный доктор, - чтобы привести его к ним. Генерал-майор проявил в этом деле такую быстроту и решительность, что, имея при себе не более десяти человек, он схватил Александра в охотничьем домике, несмотря на его многочисленную свиту; и когда разъяренный сахем увидел приставленный к его груди пистолет с угрозой расправы, если

он спокойно не сдастся и не отправится в Плимут; он сдался, хотя и не очень спокойно ". Более того, Мазер приписывает свою смерть "внутренней ярости его собственновиноватого и надменного ума". Теперь, даже если бы сахем не был вынужден двигаться быстрее или дальше, чем было пристойно в его плачевном положении, как это осторожно утверждает один из наших авторитетов; и если допустить, что с ним обращались (на марше) не иначе, как с той человечностью и вежливостью, *которые были необходимы генерал-майору*, [FN] мы считаем совершенно очевидным, что более горячая или своевольная мера вряд ли могла быть осуществлена самим предприимчивым Джоном Смитом. Сын Массасойта и правитель нации, которая сорок лет находилась в союзе и теплой дружбе с колонистами, несмотря на всю их слабость и несмотря на всю зависть и провокации, подвергся нападению на своей собственной территории и среди своих подданных, его оскорбляли, угрожали и, наконец, вынудили подчиниться требованию своего древнего союзника предстать перед его судом. Не похоже, чтобы он был даже поставлен в известность о событии, которое требовало его присутствия. И что хуже всего остального, все судебное разбирательство, насколько мы можем установить, было основано не на чем ином, как на обвинениях, собранных от отставших в Бостоне, а затем переданных "письмами" в Плимут. Следует признать, что преподобный мистер Коттон придает этому делу иную окраску, чье отношение можно найти среди превосходных заметок, приложенных к последнему изданию "Мортон" мистера Дэвиса. Он утверждает, что сахем с готовностью согласился посетить Уинслоу; и что он едва был допрошен некоторыми судьями в Истеме и уволен. Этот отчет, однако, не слишком смягчает существенные обстоятельства дела; и он признает тот факт, что сахем умер в течение двух или трех дней после того, как его люди отнесли его домой на плечах, хотя английская сторона, по-видимому, нашла его в полном здравии.

[FN] Среди прочих любезностей ему предложили воспользоваться лошадью в путешествии, но он отказался от этой услуги на том основании, что некоторые из его женщин в компании были вынуждены идти пешком; прекрасная черта дикой вежливости.

Такова была позорная смерть Александра, и при таких обстоятельствах правление перешло к его брату Метакому, или Филиппу, как его обычно называют. Этот принц, по-видимому, принял правление Поканокета, пользуясь более чем обычной популярностью; поскольку это событие было отмечено ликованием и разгромом множества его подданных, сахемов и других лиц, собравшихся вместе с самых отдаленных пределов его территории. Одной из его первых мер было предстать вместе со своим дядей перед Плимутским судом, последовав примеру своего отца и брата. Он выразил искреннее пожелание сохранения мира и дружелюбия и обязался — как это сделал и Суд с другой стороны — использовать все подходящие меры для достижения этой желанной цели. В течение нескольких лет после этого сношения между двумя сторонами продолжались, якобы, как и в прежние времена, хотя, вероятно, не без некоторого недоверия с обеих сторон.

Первое публичное нарушение этой гармонии произошло в 1671 году, когда было слышно, как Филипп открыто жаловался на определенные посягательства англичан на его охотничьи угодья. Примерно в то же время ходили слухи, что его подданные часто собирались в разных местах в непривычном количестве и ремонтировали свои ружья и точили топоры. Правительство Плимута было встревожено. Они послали гонцов для связи с правительством Массачусетса и в

то же время других гонцов к Филиппу, но не "для того, чтобы вызвать его ко двору", как в случае с его братом, а для того, чтобы выяснить его намерения.

Он, похоже, отнесся к этой мере с достоинством. 10 апреля от него было получено послание с приглашением должностных лиц правительства Плимута на конференцию. Письмо было получено последним в Тонтоне, где также находились несколько джентльменов, присланных правительством Массачусетса с поручением выступить посредником между противоборствующими сторонами. Губернатор Плимута Принс отправил ответное сообщение Филиппу, который тем временем находился в том месте, которое сейчас называется Три-майл-ривер, примерно в четырех милях от Тонтон-Грин, — что он искренне расположен вести переговоры с ним и ожидает, что сам выступит с этой целью; и его личная безопасность гарантирована в случае, если он это сделает. Филипп до такой степени выполнил эту просьбу, что продвинулся на значительное расстояние ближе к деревне. Затем он расположился в местечке под названием Кроссманз-милл, расставил часовых на холме в тылу у себя и снова отправил гонцов к губернатору, желая побеседовать. Этого горожане, которых едва можно было удержать от немедленного нападения на отряд индейцев, не допустили. Наконец, члены комиссии Массачусетса, добровольно взяв на себя предполагаемый риск, отправились к Филиппу и убедили его согласиться на конференцию. Это было при условии, что его люди будут сопровождать его; и что дело должно быть сделано в молитвенном доме, одна сторона которого должна была быть отведена для вампаноагов, а другая - для англичан.

Совет проходил в соответствии с этими договоренностями в старом молитвенном доме Тонтонна. Англичане стояли с одной стороны, с торжественными и суровыми лицами, поскольку они были одеты официально; а напротив них - шеренга индейских воинов, вооруженных и одетых для битвы, их длинные черные волосы свисали на шеи, а в глазах тайно горел огонь подозрительности и вызова, который трудно было подавить. Только Филипп был их оратором. Он отрицал, что вынашивал какие-либо враждебные намерения; и быстро объяснил свои приготовления к войне, как предназначенные для защиты от Наррагансетов. Однако члены Комиссии привели в ответ такие аргументы и доказательства, которые удовлетворили их самих и полностью удивили его. По крайней мере, он сделал вид, что признает все, в чем его обвиняли; и хотя он отказался выплатить компенсацию за прошлую агрессию, он и некоторые из его советников подписали признание, составленное англичанами, в следующих словах:

"Тонтон, 10 апреля 1671 года.

Принимая во внимание, что мой отец, мой брат и я сам ранее подчинились королевскому величеству Англии и этой колонии Нью-Плимут, заключив торжественный договор под нашей рукой; но в последнее время я, по своей неосмотрительности и порочности моего сердца, нарушил этот мой договор с моими друзьями, взяв в руки оружие со злым умыслом против них, и это безосновательно; теперь я глубоко осознаю свою неверность и безрассудство, и в это время я желаю торжественно возобновить мой договор с моими старыми друзьями и вышеупомянутыми друзьями моего отца, и я делаю это ". желаю, чтобы это могло свидетельствовать миру против меня, если я когда-нибудь снова проявлю свою верность им (которые сейчас и всегда были добры ко мне) или любой другой из английских колоний. И в качестве залога моих истинных намерений на будущее быть верным и дружелюбным, я добровольно обязуюсь передать правительству Нью-Плимута все мое английское оружие, которое будет храниться у них для их безопасности до тех пор, пока они будут разумны. Для

истинного исполнения обещаний я приложил к этому свою руку вместе с остальными моими советами.

"В присутствии	маркуса П Филипа,
Уильяма Дэвиса,	маркуса V из ТАВОСИ,
Уильяма Хадсона,	маркуса М капитана . ОГОНЕК,
ТОМАС БРЭТТЛ,	Отметка Т у Вунчапапончанка,

Отметка 8 у Нимрода."

Судя по содержанию этого представления, обычно предполагалось, что Сахем был напуган. Поэтому Хаббард рассказывает, что "один из его капитанов, обладавший гораздо большей храбростью и решимостью, чем он сам, когда увидел его трусливый характер, опустил оружие, назвал его трусливым псом, *или с той целью*, и с тех пор переметнулся к англичанам" и т. Д. Это может быть правдой, хотя хорошо известно, что к авторитету мистера Хаббарда во всем, что касается характера Филипа, следует относиться со многими оговорками относительно его невоздержанного предубеждения. Он не стесняется, почти так же часто, как находит возможность упомянуть его имя, говорить ему мимолетные комплименты в виде "каитифф", "адская гончая", "исчадие ада", "архибунтарь" и различных подобных выражений уважения и привязанности.

Но нет никаких сомнений в том, что это признание было, по крайней мере, простой уловкой, чтобы выиграть время. Очевидно, это не имело никакого эффекта в связи с надвигающимися военными действиями, кроме как ускорило их, усугубив недоброжелательность индейцев. Не похоже, что они сложили оружие, даже в той мере, в какой это предусмотрено в представлении. Следующий ответ Филиппа на некоторое сообщение, касающееся их, можно считать изложением его точки зрения на вопрос. Точная дата пока не определена.

"САХЕМУ Филипу, его ответ на письмо, доставленное ему от Губернатора Нью-Плимута.

"Во-первых. Выражая свою благодарность губернатору за его большое уважение и доброту, проявленные в письме.

-Во-вторых. Демонстрируя свою готовность сложить оружие и отправить своих людей заниматься их обычными делами, а также свое большое желание заключить мир с соседней Англией.

-В-третьих. *Поскольку несколько человек вселили в их умы большие опасения и зависть, и теперь они лучше понимают ложность таких сообщений, которые ранее доводились до них*, Филипп смиренно просит губернатора благосклонно извинить и освободить их от какой-либо компенсации ущерба, *или сдачи оружия*, они не считают себя виноватыми в этих последних слухах.

- В-четвертых. В настоящее время они не вольны обещать явиться ко двору, надеясь, что в этом не будет необходимости, в случае, если их стремление к миру и готовность сложить оружие могут быть приняты; также могут быть рассмотрены предположения о большой опасности, которая их постигнет, в случае, если они явятся с грубыми угрозами Сахему.

- Согласно мне, - Сэмюэл Гортон *младший*."

Невозможно решить, готовился ли Филипп в это время к войне; но он, очевидно, был еще не готов. Поэтому он отправился в Бостон в августе месяце (1671). Он знал, что правительство Массачусетса относится к нему более дружелюбно, чем плимутское; и хотя в тот же день оттуда пришли письма, в которых сообщалось о намерении немедленно объявить ему войну, Сахему удалось убедить власти Массачусетса в его полной невиновности. Они послали в Плимут предложение о созыве нового совета для урегулирования всех трудностей. Поскольку это предложение было отклонено, они высказались решительно против войны. Ошеломленное этим заявлением, правительство старой колонии согласилось попробовать еще одно посредничество. Вскоре в Плимуте состоялась конференция всех сторон, на которой были согласованы следующие условия.

"1. Мы, Филипп, мой Совет и мои подданные, признаем себя подвластными его Величеству королю Англии, правительству Нью-Плимута и их законам.

2. Я готов и действительно обещаю выплатить правительству Плимута сто фунтов тем, что у меня есть; но я хотел бы попросить об одолжении, чтобы у меня было три года на выплату, поскольку в настоящее время я не могу этого сделать.

3. Я обещаю послать губернатору или тому, кого он назначит, пять волчьих голов, если смогу их достать; или столько, сколько смогу раздобыть, пока их не станет по пять волчьих ежегодно.

"4. Если между англичанами, мной и народом возникнут какие-либо разногласия, то я обещаю обратиться к губернатору Плимута, чтобы исправить разницу между нами.

5. Я обещаю вести войну не с кем-либо, кроме как с одобрения губернатора Плимута.

"6. Я обещаю не распоряжаться ни одной из земель, которые у меня есть в настоящее время, иначе как с одобрения губернатора Плимута.

"Для истинного исполнения обещаний я, упомянутый Сахем; Филипп из Паукамакетта [FN], настоящим связываю себя и тех из моего совета, кто присутствует, нас самих, наших наследников, наших преемников верой и правдой и обещаю; в подтверждение этого мы скрепили это своей подписью, день и год указаны выше.

[В присутствии Суда,	знак Р Филиппа.
различные магистраты и т.д.]	Знак [НЕПАРНОСТИ.
	Знак "Т" Вококона.
	Знак 7 САМКАМЫ."

[FN] *Псевдоним* Поканокит. Другими вариациями этого злополучного слова являются

Пачанокик и Пучанокик, от	Покупка.
Поканакет,	Мортон.
Поканокетт,	Продолжение Мортон.
Паканоки,	принц.
Поканокетт,	Хатчинсон.
Паукуннавкатт,	Гукин.
Паканоки,	Родственники Уинслоу.
Поканакст,	Хаббард.

Эти переговоры были новой военной уловкой; и их успех полностью отвечал целям Филиппа; ибо, хотя он, по-видимому, не убил ни одного волка и не заплатил ни цента, даже "за то, что у него было", в течение трех лет не произошло ничего, что могло бы вызвать подозрения колоний. Едва ли может быть сомнение в том, что в течение всего этого времени, — если не в течение более длительного времени до этого, — сахем вынашивал один из самых грандиозных планов, когда—либо задуманных каким-либо дикарем, - план полного истребления англичан в северных провинциях. Он прекрасно понимал, что этого можно добиться только средствами, соизмеримыми с опасностью и трудностью предприятия. Колонии больше не были слабыми и робкими союзниками, какими их знал его отец пятьдесят лет назад. Они выросли численно и в силе, а еще больше - в опыте и духе. Ничто иное, как всеобщий союз племен Новой Англии, живших среди них и вокруг них, не могло бы обеспечить надежной гарантии полного успеха такой войны, какая теперь замышлялась.

[Ф.Н.] Мазер комментирует этот отрывок следующим образом: "Когда герцог Арчетт, будучи назначен губернатором Антверпенского замка, принес клятву верно хранить ее для короля Испании Филиппа, офицер, давший ему клятву, употребил эти странные слова. *Если вы выполните то, что обещаете, Бог поможет вам; если вы этого не сделаете, дьявол заберет ваше тело и душу!* и все присутствующие закричали: "Аминь!" Но когда индийский король Филипп приносил свою клятву, никто не произносил в его адрес *этих слов*; тем не менее, вы скоро увидите, были ли *эти слова* недостаточно красноречивы для того, что с ним стало!"

Таким образом, на эту грандиозную подготовку должна быть направлена вся энергия Филиппа. Он хорошо знал, что это было столь же трудно, сколь и желательно. Правитель одной маленькой конфедерации, уже находящейся под подозрением и постоянно находящейся под пристальным наблюдением своих могущественных соседей, он должен объединить и заинтересовать одной общей целью множество разрозненных наций, которые до этого времени встречались и знали друг друга только из-за ревности, зависти, мести и во многих случаях наследственной и застарелой войны; и среди советов которых подобный план, преследующий какую бы то ни было цель, даже не был задуман. Насколько далеко Филипп преодолел эти препятствия, будет видно позже. Великая череда событий, к которым мы приближаемся, настолько интересна и как отрывок из всеобщей истории, и еще больше, поскольку они раскрывают и иллюстрируют

характер Филиппа, что, возможно, будет уместно обратить некоторое внимание на причины, которые их породили. Хорошо известно, что его английские современники относились к нему, в целом, с чувствами, далекими от доброжелательности. При данных обстоятельствах было естественно, что они должны были так поступить; но это не более необходимо, чем философски или, с другой стороны, справедливо безоговорочно доверять либо их мнениям, либо их утверждениям. Филиппу и его вассалам не повезло, как льву из басни, что у них нет художника.

Здесь следует отметить, что Филипп, как и его старший брат, несомненно, считал себя союзником, а не подданным англичан; по крайней мере, до своего номинального подчинения в 1671 году. Даже те же самые власти, которые фиксируют это заявление, говорят о его возобновлении своего древнего соглашения (как, собственно, и показано в самом документе). Отдельная статья признает Массасойта независимым сувереном. Таким образом, Филипп поддерживал те же отношения к англичанам, что и его отец и брат в течение пятидесяти лет, в течение которых обе стороны относились друг к другу на равных и близких условиях. Он был связан теми же обязательствами и обладал теми же правами; и остается только выяснить, было ли уделено должное внимание этим обстоятельствам с обеих сторон.

Теперь мы рассматриваем нападение Александра в 1662 году, в первую очередь, как достаточную причину не только для подозрений и негодования, но и для войны; и это при наилучшем построении, которое может быть положено в основу наиболее благоприятных *отношений между* сторонами, которые зафиксированы в документах. По самому старому договору, который Александр также взял на себя безвозмездный труд *возобновить*, — и без каких-либо ссылок на вежливость или человечность, или национальную верность, или личную дружбу, существовавшую до настоящего времени, — англичане были обязаны в целом обращаться с ним как с союзным сувереном и особенно выдвигать предварительное требование удовлетворения при любых жалобах. Мы видели, что обвинение, выдвинутое против него в 1662 году, — каким бы расплывчатым и ничем не подкрепленным оно ни было, — было даже не объяснено *сахе* до того, как его увезли с его собственной территории вооруженной силой и доставили к английскому мировому судье. Ни в одном другом случае Плимутская колония, по-видимому, не пользовалась властью такого рода даже над самыми ничтожными подданными *сахема*. "Поскольку поступают жалобы на то, что многие индейцы перебираются в различные места под этой юрисдикцией, - говорится в отчетах Колонии за 1660 год, - предписывается, что ни одному чужому или иностранному индейцу не разрешается становиться резидентом, и что *нескольким сагаморам должно быть направлено уведомление, чтобы предотвратить то же самое.*"

Можно было бы сделать замечание о политике подобных законов в отношении *поканокетов*; а также о актах 1652 и 1653 годов, которые запрещали продажу бочек, барков, лодок и лошадей индейцам, помимо того, что предусматривалось наказание для тех из них, проживающих в Колонии, которые нарушали христианскую субботу или стреляли из ружей в ночное время. Но правительство имело несомненное право издавать эти постановления, поскольку Массасуа и Филипп обладали правом, от которого, однако, они были достаточно покладисты, чтобы отказаться, продавать свои собственные земли покупателям по их собственному выбору.

Таково было положение вещей до представления в 1671 году. В связи с этим совершенно ясно, что, даже если бы Филиппа заставили понять документ, который, как хорошо известно, он не

мог прочесть, он мог бы рассматривать это только как оскорбление, нанесенное ему при обстоятельствах, равносильных принуждению. Кроме того, независимо от какой-либо силы, он, должно быть, считал себя оправданным, благодаря явному расположению войск и решительным мерам англичан, прибегать к любой военной хитрости, чтобы усыпить подозрения и выиграть время. Он мог или не мог, в этот период или раньше, обдумывать наступательные действия против них в отместку за унижение, нанесенное его брату и его нации; но с его стороны, безусловно, было и благоразумно, и патриотично перейти к обороне. Как нам представляется, он имел право как обучать свой народ военным упражнениям, так и заключать союзы со своими индийскими соседями.

Возможно, плимутскому правительству было бы разумнее обдумать эти вещи, по крайней мере, в отношении того, что они могли бы назвать ревнивыми и варварскими предрассудками индейцев, прежде чем идти на крайности с Александром или Филиппом. Напротив, в то время как они издавали законы, поощряли обвинения и брали исполнение наказаний в свои руки, они не использовали никаких средств для умиротворения Филиппа, кроме как послали за ним, чтобы он предстал перед "Плимутским судом". Не следует ожидать, что история позволит нам определить, были ли они осторожны во всех других отношениях после этого, чтобы избежать оскорблений. Мы находим, однако, что некоторые из колонистов в 1673 году взялись за ведение переговоров о земельных договорах с частными подданными Филиппа; и нет причин сомневаться, что они вступили во владение соответствующим образом. Поскольку известно, что сахемы были столь же настойчивы в своих притязаниях на территорию, сколь и щедры в ее распоряжении, вполне можно предположить, что этот первый зарегистрированный случай подобного рода должен был вызвать немалое недовольство Филиппа. Подражая английской вежливости, он мог бы послать Нимрода, Тобиаса, Вункапонкпунта или кого-нибудь другого из своих "доблестных и превосходных" генерал-майоров "привести" нарушителей грантополучателей в Совамс. Он, по-видимому, не обратил особого внимания на это дело. Но то, что он понимал свои территориальные права, очевидно из единственного сообщения, которое следует далее. Она хранится в Фондах Массачусетского исторического общества, во втором томе первой серии, как точная копия с оригинала, который до сих пор хранится в Плимуте.

"Король Филипп желает дать вам понять, что он не смог приехать ко Двору, потому что у Тома, его переводчика, болит спина, и он не может путешествовать так далеко, а сестра Филиппа очень больна.

- Филипп хотел бы попросить об этой услуге вас и любого другого члена магистрата *если какой-нибудь англичанин или англичане заговорят об их стране, он умоляет вас вообще не давать им ответа*. Прошлым летом он дал вам обещание, что не будет продавать землю в течение семи лет, *потому что до этого времени у него не будет проблем с английским*, он не забыл, что вы ему обещали.

"Он приедет как можно скорее, чтобы поговорить с тобой, и поэтому я отдыхаю, твой очень любящий друг Филип, живущий в маунт-хоуп-нек".

[FN] С момента написания текста наше мнение подтвердилось, когда мы встретились со следующим важным вопросом в петиции мистера Гукина и мистера Эллиота к правительству

Массачусетса в 1684 году об отмене определенных покупок, сделанных у индейцев, которые они считали мошенническими: *"Не было ли главной причиной последней войны посягательства на земли Филипа в Маунт—Хоуп?"* Никакие наши замечания не могут усилить силу предложения, исходящего из такого источника.

Это уникальное письмо адресовано "многоуважаемому губернатору мистеру Томасу Принсу, проживающему в Плимуте". Поскольку сам Филипп не умел ни читать, ни писать, честь орфографии и построения следует отнести на счет немощного переводчика. Но эти чувства достойны самого сахема; и они, безусловно, демонстрируют смесь вежливости и независимости, что делает ему большую честь. Дата на письме не проставлена. Если это не относится к только что упомянутой транзакции, вероятно, это было вызвано какой-то другой транзакцией с тем же описанием. Интерес, который сахем испытывал к случаям подобного рода, очевиден из одного из его собственных путешествий, совершенного в 1668 году. Речь шла о участке, входящем в нынешние пределы Рочестера, на берегу моря. Он собственноручно составил точный план этого места (до сих пор сохранившийся в архивах Старой Колонии) и направил его в Суд со следующим объяснением.

"Это может информировать достопочтенный суд, - читаем мы, - что я, Филип, готов продать землю в пределах этого проекта, но индейцы, которые находятся на ней, могут жить на ней по-прежнему; но земля, которая принадлежит мне, продана, и Ваташпу придерживается того же мнения. Я записал все основные названия земель, которые, по нашему мнению, должны быть проданы ". Ваташпу, вероятно, был одним из жильцов, особенно заинтересованных в этом деле. Письмо заканчивается так: "Знайτε все люди по этим Подаркам, что Филипп дал власть Ваташпу, Сэмпсону и их братьям владеть указанной землей и продавать ее, кому они пожелают" и проч. Это письмо, должно быть, было отправлено в соответствии с какой-то просьбой его плимутских друзей. Оно датировано в Поканаукете; подписано заглавной буквой "Р", которая была знаком сахема; засвидетельствовано и, без сомнения, написано его секретарем Джоном Сассамоном.

Сассамон известен в истории как место, где непосредственно начались первые открытые военные действия. Он родился в семье молящихся индейцев и, получив сносное образование в Кембридже и других местах, работал школьным учителем в Натике. Процитированное выше сочинение скорее подтверждает замечание Хаббарда о том, что он был "хитрым и правдоподобным индийцем, хорошо владеющим английским языком". Этот писатель говорит, что он покинул Англию из-за какого-то проступка. Мазер утверждает, что "отступив от исповедания христианства, он жил как язычник, в качестве секретаря короля Филиппа". Он добавляет, что впоследствии он покинул сахема и дал такие заметные свидетельства раскаяния, что был занят проповедью среди индейцев в Натике под присмотром своего старого наставника, достопочтенного Элиота.

Это была еще одна провокация, которая, должно быть, разозлила Филиппа. Хаббард прямо заявляет, что Сассамона настойчиво убеждали оставить его; и из других источников явствует, что ранее между ними двумя существовало такое полное доверие, что Секретарю были доверены все секреты его хозяина. Провокация зашла еще дальше. Сассамон, либо имевший, либо делавший вид, что имел какую-то возможность часто бывать среди поканокетов, воспользовался этой возможностью, чтобы внимательно следить за их передвижениями и сообщать о них англичанам, как он считал нужным. Вследствие этого, как нам говорят, Филипп и

некоторые из его подданных были "допрошены", но ничего определенного от них узнать не удалось. Вскоре после этого Сассамон исчез; и поскольку он выразил некоторые вполне обоснованные опасения столкнуться с насильственной смертью в ходе этих маневров, его друзья были встревожены. Они начали поиски и, наконец, нашли его мертвое тело в пруду Ассавомсет (в Миддлборо), где дыра во льду, через которую его протолкнули, все еще была открыта, а его шляпа и ружье остались рядом, как будто он сам утонул. "Более того, - говорит Мазер, - из-за опасений человеческих душ, что он мог стать жертвой какой-нибудь нечестной игры, было назначено жюри присяжных, которым показалось, что у него была сломана шея, *что является одним из индейских способов убийства*". "

Следующим шагом плимутского правительства было арестовать трех индейцев племени поканокет по свидетельству четвертого, *"найденного"*, - говорит Хаббард, *-странным провидением*". Этот человек поклялся, что он видел совершенное убийство с холма рядом с прудом. Следует сделать вывод, что он поклялся назвать имена заключенных, поскольку, судя по всему, они были осуждены на основании "его неопровержимых показаний и других обстоятельств" и немедленно повешены. Что бы ни говорили *о юридической, моральной* вероятности, безусловно, есть, что они были виновны. Вероятно, они были назначены для исполнения приговора Филиппа Сассамону, и одним из них был Товия, человек довольно выдающийся. В любом случае, Филипп, должно быть, считал себя оправданным, применяя эту суровую меру к бродяге, который был достаточно подл, чтобы воспользоваться, как это сделал Сассамон, тем, что его терпели на *его* территории после того, как он предал его доверие, и, очевидно, именно с целью продолжения его собственной измены.

На протяжении всех этих сделок колонисты были слишком готовы поверить во что угодно, что подтверждало обвинение против Филиппа. Одно из неоспоримых обстоятельств, вероятно, изложено Мазером. По словам Доктора, при приближении Тобиаса из мертвого тела снова пошла кровь: "да, при повторении эксперимента это продолжалось", хотя он был мертв и похоронен значительно раньше.

ГЛАВА VIII.

Подготовка к войне между Филиппом и Колониями —Великое волнение того времени—
Низложение Хью Коула—Непосредственный повод для военных действий—Их начало 24 июня
1675 г.—Краткий очерк войны—Последствия для вовлеченных сторон—Усилия, приключения и
побеги короля Филиппа—Его смерть—Анекдоты о нем—Наблюдения за его характером —Его
мужество, достоинство, доброта, независимость, проницательность и самообладание-Судьба
его семьи—Оправдание его поведения.

Какими бы ни были ранее намерения Филиппа, все согласны с тем, что после сделки, упомянутой
в конце предыдущей главы, он не прилагал особых усилий ни к тому, чтобы скрыть свою
собственную враждебность, ни к тому, чтобы обуздать враждебность своих подданных. Было бы
невероятно, чтобы он это сделал. Он хорошо помнил, что случилось с его братом в гораздо
более мирные времена; и, как утверждают несколько историков, он, должно быть,
действительно предчувствовал, "какая опасность грозила его собственной голове в следующий
раз". Отрывок из одного из его писем, процитированный выше, предназначен для той же цели
— "а также предположения о большой опасности в случае, если они [его подданные] там [в
Плимуте] появятся; с суровыми угрозами сахему, это можно рассмотреть".

Теперь были сделаны все необходимые приготовления к надвигающемуся кризису с обеих
сторон. Следующий древний документ, взятый из записей Плимута, показывает, что
возбуждение всех заинтересованных сторон уже достигло высшей точки. Это показания
некоего Хью Коула, данные в суде накануне смерти Сассамона и засвидетельствованные
Натаниэлем Мортонем в качестве секретаря. [FN]

[FN] Видео 6-е. Том. Рукописи. Его. Сборник. 1-я серия

"Хью Коул, сорока трех лет или около того, будучи низложенным, утверждает, что в феврале
прошлого года перед указанной здесь датой он отправился в Шуэметт и с ним еще двое
англичан; и что их задачей было *убедить индейцев отправиться в Плимут*, чтобы ответить на
жалобу Езекии Лютера. Индейцы (говорит он), увидев нас, вышли к нам из дома, их было много,
по меньшей мере двадцать или тридцать, с палками в руках; и когда индейцы увидели, что нас
всего трое, они снова положили свои палки. Затем мы спрашиваем индейцев, что они делали с
этими посохами в своих руках? Они ответили, что ожидали, что англичане придут из Плимута,
чтобы искать индейцев и доставить их в Плимут. Но они сказали, что не хотят ехать. И некоторое
время спустя, в то же утро, Филип, главный сахем, послал за мной, чтобы я пришел к нему; и я
отправился к нему на гору Хоуп; и когда я приехал на гору Хоуп, я увидел большинство индейцев,
которых я знал об индейцах Шуэметта, там, на горе Хоуп, и они обычно были заняты
изготовлением луков и стрел, половинок пик и починкой ружей. И я видел, как многие индейцы
из нескольких мест направлялись к горе Хоуп. И через несколько дней после того, как я
вернулся с Маунт-Хоуп, я вместе с несколькими другими увидел одного из рейнджеров капитана
Уиллетта, прибывшего на пост верхом на лошади, который сказал нам, что король Филипп
двинулся вверх по перешейку примерно с тремя десятками человек; и Закари Эдди, по его
донесению, отправился посмотреть, сможет ли он найти их; и он нашел их в верхней части
перешейка, в нескольких отрядах. Некто Калев Эдди далее говорит, что он видел там многих с

оружием в руках; и Джон Пэддак сообщил мне, что он видел два пистолета, заряженных пулями или пуляльными гильзами. И я далее свидетельствую, что те индейцы, которых я видел идущими к горе Хоуп, как уже говорилось, были вооружены лучше, чем я их обычно видел. Далее сказано не было ".

Поканокеты собрались в Маунт-Хоуп ранней весной 1675 года со всех сторон, и вся страна была в волнении. Неуправляемая ярость некоторых из этих свирепых воинов стала непосредственной причиной последовавшей войны. У них не было той силы, которой обладал сам Филипп, - терпеть провокации с целью мести; и, с другой стороны, они ни в коем случае не были так хорошо осведомлены о преимуществах, которые можно было получить таким образом. В конце концов, вскоре после казни трех их соотечественников группа из них выразила свои чувства настолько невыносимо, что англичанин в Суонзи выстрелил из мушкета в одного из них и ранил его. Это произошло 24 июня 1675 года, в день, памятный в американской истории как начало войны Филиппа. "Итак, - говорит преподобный историк тех времен, - свирепый народ индейцев начал войну против честного, безобидного поколения англичан-христиан, которые вполне могли бы сказать агрессорам, как это было сказано в древности аммонитянам: *"Я не согрешил против тебя, но ты поступаешь несправедливо, воюя против меня."* Таково, без сомнения, было убеждение подавляющего большинства современных соотечественников в учености богослова.

Теперь были незамедлительно предприняты военные действия. В июне месяце Филиппу было отправлено письмо, которое, конечно, не принесло никакой пользы; также были поданы заявления правительству Массачусетса о немедленной помощи; силы были собраны и размещены по всей колонии; и очень скоро после этого дело зашло так далеко, что компромисс или примирение стало невозможным. Мы не намерены сейчас приводить хорошо известные подробности этой знаменитой войны. Достаточно заметить, что это продолжалось более года с неистовством и среди волнений, не имеющих аналогов, возможно, в истории страны; и что это закончилось смертью Филиппа в конце сезона 1676 года.

Результат этого был решающим, поскольку сахем прекрасно понимал, что так оно и будет, для судьбы индейцев Новой Англии. Поканокеты были почти истреблены. Наррагансеты потеряли около тысячи человек из своего числа в знаменитом сражении на болотах при Сункэ-Скво. Все индейцы на реке Коннектикут и большинство выживших нипмаков бежали в Канаду (где они впоследствии оказали большую услугу французам!), а несколько сотен нашли убежище в Нью-Йорке. По оценкам, только английский отряд капитана Черча убил около семисот человек в период с июня по октябрь 1676 года. Большое количество попавших в плен были отправлены из страны и проданы в рабство.

Но триумф завоевателя был куплен дорогой ценой. Все боевые силы четырех колоний, по-видимому, почти постоянно находились в реквизиции. Только в битве на болотах участвовало от одной до двух тысяч человек — огромная сила для населения Новой Англии, насчитывающего едва ли сорок тысяч англичан. Тринадцать городов были полностью разрушены врагом; шестьсот жилых домов сожжены; и примерно столько же англичан убито, так что почти каждая семья потеряла родственника. Сами по себе расходы на войну, должно быть, были очень велики, поскольку уполномоченные Соединенных колоний впоследствии оценили расходы одной только Старой Колонии более чем в сто тысяч фунтов стерлингов.

Такова была война короля Филиппа — поддерживаемая и управляемая с его стороны только его собственной энергией и талантом. Не то чтобы шестьдесят вампаноагов из собственного владения сахема, так сказать, или даже различные племена страны Поканокет были его единственными сторонниками; но все другие племена, которые поддерживали его, делали это благодаря его влиянию и были вынуждены объединиться и действовать сообща, чего они никогда раньше не делали, под его контролем. Некоторые авторы утверждали, что он привлекал к себе на помощь различные атлантические племена вплоть до Виргинии на юге; но доказательств этому нет, и это становится невероятным из-за большого недостатка общения между этими племенами.

Также неверно, как утверждали другие авторы, что все уроженцы самой Новой Англии были связаны с Филиппом. С другой стороны, самым тяжелым обстоятельством великой борьбы сахема было то, что ему приходилось не только полагаться на объединение и удержание вместе десятков мелких кантонов, столь же ревнивых друг к другу с незапамятных времен, как и многие горные кланы; но он должен был наблюдать и сопротивляться, открыто и тайно, всем, кто не хотел присоединиться к нему, помимо множества людей, которые дезертировали, предали и выступили против него. Племена Нью-Гэмпшира в основном вышли из соревнования. Молящиеся индейцы, которых тогда насчитывались тысячи, либосохраняли нейтралитет, либо, подобно Сассамону, выступили против своей собственной расы. Одно из соплеменников Филиппа покинуло его в его несчастьях, и пекоты и могиганцы Коннектикута сражались с ним с самого первого дня войны до последнего. Можно предположить, что некоторые из этих племен были удивлены, как и сам Филипп, внезапным началом войны за год до назначенного для нее срока. Это было вызвано разбирательством, в котором была замешана Сассамон, и неуправляемой яростью нескольких молодых воинов.

Говорят, что Филипп заплакал при этих известиях о первом разгроме войны. Возможно, каким бы диким он ни был, он смягчился при мысли нарушить давнюю дружбу, которую сохранял его отец; но, несомненно, он вполне мог сожалеть о том, что однажды был вынужден пойти на эту меру и вышел на поле битвы неподготовленным к тому, что, как он хорошо знал, должно было стать последним, поскольку это было первое, великое сражение между краснокожими и белыми. Но жребий был брошен, и хотя Филип ни разу не улыбнулся после того памятного часа, о котором говорилось, вся его душа была сосредоточена на предстоящем ему деле. Ни днем, ни ночью у него почти не было отдыха для конечностей и сна для глаз. Его ресурсы, должно быть, были достаточно скудны, если бы его планы, теперь расстроенные, осуществились в соответствии с его величайшим желанием; но он и так приготовился с гордым сердцем к смертельной борьбе. Сила его собственных владений составляла около шестисот воинов, готовых, и более чем готовых, уже давно, услышать боевой клич. Все силы его старых врагов, Наррагансетов, уже были задействованы против него. Он также вел переговоры с нипмаками и племенами Коннектикута и дальше на запад, и вскоре их одного за другим убедили присоединиться к нему. Не прошло и шести недель с момента первых военных действий, как все индейцы вдоль побережья штата Мэн на расстоянии двухсот миль были с энтузиазмом вовлечены в то, что, по словам Филиппа, было общим делом расы.

Чтобы ни одно искусство не осталось неиспробованным, даже в то время, когда суд выносил приговор трем его подданным, он устроил грандиозный военный танец в Совамсе и собрал вокруг себя своих смуглых воинов со всех сторон. Несколько племен впоследствии признались англичанам, что Филипп таким образом втянул их в войну. И снова, как только его войска были

отброшены назад, к племенам реки Коннектикут, примерно первого сентября 1675 года, он заручился поддержкой новых союзников *среди них*. Индейцы Хэдли, которые присоединились к англичанам - весьма вероятно, по его наущению, — попали под подозрение и бежали к нему. Вскоре после этого их соседи из Спрингфилда присоединились к трем сотням людей Филипа в нападении на этот город; и таким образом, была вовлечена вся страна Нипмак. Говорят, что в течение последующей зимы сахем посетил могавков в Нью-Йорке. Не преуспев в завоевании их союза честными доводами, он был в таком отчаянии, что убил нескольких их отбившихся от стада молодых людей в лесу таким образом, что вина, очевидно, была бы возложена на англичан. Но эта уловка потерпела неудачу из-за побега того, кто был всего лишь оглушен сахемом. Последнему пришлось внезапно распрощаться со своими хозяевами, и с тех пор они стали одними из его злейших врагов.

Его положение в последние несколько месяцев войны было настолько плачевным, и все же его усилия были настолько стойкими, что мы можем смотреть на него только с жалостью и восхищением. Его успехи в течение некоторого времени были огромными; но волна начала спадать. Вся мощь Колоний была сосредоточена в полевых условиях, которым помогали проводники и разведывательные отряды его собственной расы. Саконеты, подданные его близкого родственника, перешли на службу в Церковь. Другие племена жаловались и угрожали. Их территория, так же как и его, была опустошена, их поселения разрушены, а все их посевные и рыболовецкие угодья оккупированы англичанами. За теми из них, кого еще не выследили, днем и ночью преследовали по болотам и лесам и вынуждали жить, — если они на самом деле не умирали с голоду или не замерзали, — питаясь самой простой и наихудшей пищей, какую только можно себе представить. Сотни умерли от болезней, вызванных таким образом. "Я ел конину, - сказал один из этих несчастных, - но теперь лошадь ест меня". Другой сообщил Черчу однажды, что около трехсот индейцев в разгар войны проделали долгий путь в Суонзи, чтобы полакомиться моллюсками, и что Филип вскоре последует за ними. В другой раз доблестный капитан сам захватил большой отряд. Сочтя удобным атаковать второй сразу после него, он приказал первому подождать его и присоединиться к нему в определенном месте встречи. На следующий день после стычки "они пришли к нему, как им было приказано", и в ту же ночь он загнал их всех вместе *в лаунд Бриджуотер*, и поставил своих солдат-саконетов охранять их. "Поскольку их хорошо угощали едой и напитками, - добавляет он с большой простотой, - они провели веселую ночь, и заключенные смеялись так же громко, как солдаты; *давно с ними так не обращались*."

Между тем, сами по себе физические страдания Филиппа почти невероятны. Действительно, именно благодаря тому, что он скрывается от посторонних глаз, его в основном можно увидеть во время войны. Время от времени англичане подбираются к нему вплотную; он вскакивает, как встревоженный лев, бросается в реку или прыгает с обрыва; и больше его месяцами никто не видит. Всего через несколько недель после начала войны он был окружен на большом Покассетском болоте и вынужден был спасаться от своих бдительных врагов, сплавляясь на плоту со своими лучшими людьми по реке Грейт-Тонтон, в то время как их женщин и детей оставили в плену. По возвращении в тот же район, в следующем сезоне, пленник проводил англичан до их лагеря. Филипп бежал так поспешно, что оставил свой котелок на огне; двадцать его товарищей были настигнуты и убиты, а сам он бежал в болото точно так же, как раньше бежал оттуда. Здесь вскоре после этого рядом с ним был застрелен его дядя. На следующий день Черч, обнаружив индейца, сидящего на поваленном дереве, предназначенном для моста через реку, поднял свой мушкет и намеренно прицелился в него. "Это один из наших", -

прошептал дикарь, подкравшийся к нему сзади. Черч опустил ружье, и незнакомец повернул голову. Это был сам Филипп, размышлявший, возможно, об ожидающей его участи. Черч выстрелил, но его царственный враг уже бежал по берегу. Через несколько часов после этого он избежал ожесточенной и кровопролитной перестрелки.

Теперь он был опустошенным и отчаявшимся человеком, последним принцем древней расы, без подданных, без территории, обвиняемый своими союзниками, преданный своими товарищами, преследуемый, как загнанный олень, ищейками, ежедневно подвергающийся опасности умереть с голоду, и без крова ни днем, ни ночью. Все его главные советники и лучшие друзья были убиты. Его брат был убит на болоте Покассет; его дядя был застрелен рядом с ним; а его жена и единственный сын попали в плен, когда он сам так чудом спасся от пожара в Церкви. И если бы он в последний раз бежал с земли своей собственной страны, он все равно не нашел бы ни покоя, ни убежища. Однажды он укрылся в местечке между Йорком и Олбани; но даже здесь, как говорит Черч, *мухаги* напали на него и убили многих его людей. Его следующее место содержания на псарне было у водопада реки Коннектикут, выше Дирфилда, где некоторое время спустя "капитан Тернер нашел его, напал на него ночью, убил очень много людей и напугал еще больше, сбросив в реку, которые были загнаны в водопад и утонули". В это время он потерял триста человек. Они были в своих лагерях, спящие и без охраны. Англичане бросились на них, и они разбежались во все стороны, наполовину проснувшись и выкрикивая: "Ирокезы! Ирокезы!"

[FN] Язык Церкви. Мы полагаем, что то же название вполне уместно применить к любопытной пещере в окрестностях пруда Виннеканнетт в Нортоне (Массачусетс). Он расположен посреди скопления больших камней и образован выступом одного из них над другим, который встречается с ним под острым углом. Его высота составляет пять футов, а площадь у основания - семнадцать на девять футов. Традиция представляет его как одно из тайных убежищ Сахема, и по сей день оно носит название "Пещера Филиппа".

Мы не можем лучше проиллюстрировать характер Филиппа, чем заметив, что в течение нескольких дней после этого дела он собирал остатки Наррагансетов и Нипмаков среди холмов Уачсет, на восточном берегу реки; что затем они спустились на Садбери; "встретились с доблестным капитаном Уодсвортом и его компанией и *поглотили их*; [FN-1] и многие другие печальные опустошения в тех краях". Мы также находим, что Филипп устраивал группы, чтобы подстеречь Церковь, в своих собственных наихудших обстоятельствах; и что он был очень близок к успеху. Считается, что он участвовал в великой битве на болотах в декабре 1675 года и повел тысячу индейцев против Ланкастера 8 февраля следующего года. В августе прошлого сезона он появился среди нипмаков, на болоте в десяти или двенадцати милях от Брукфилда. "Они рассказали ему при его первом пришествии, - сказал один из них, взятый в плен, - что они сделали с англичанами в Брукфилде [сожгли город]. *Затем он представил и раздал трем сагаморам*, а именно Джону, по прозвищу Апекинаст, Квананситу и Маутампсу, каждому из них *примерно по щепотке распущенного вампума*." [FN-2] Еще за месяц до смерти сахема негр, сражавшийся под его началом, сообщил англичанам о своем намерении атаковать определенные города, поскольку он все еще мог собрать около тысячи человек. В свои последние и худшие дни он не думал о мире и убил собственной рукой на месте единственного

индейца, который когда-либо осмеливался предложить его. Это был брат этого человека, от руки которого он сам вскоре был убит.

[FN-1] Это сильное выражение капитана может относиться к действительно жестокому обращению, с которым несчастные заключенные столкнулись в этом случае. По крайней мере, со слов Мазера, мы знаем, что эти "воплощенные дьяволы" подвергали их множеству пыток, о которых здесь нет необходимости распространяться; "и таким образом, с помощью изысканных, неторопливых, ужасных мучений они исчезли с лица земли". *История Новой Англии*, Книга VII. стр. 55, Лондонское изд. 1702.

[FN-2] Примечание к книге Хатчинсона "История Массачусетса". Мазер говорит, что эти самые индейцы месяц назад заключили официальный договор, что они не будут помогать Филиппу.

Итак, это ясные доказательства того, что Филипп обладал мужеством столь же благородным, как и его интеллект. Нет никаких сомнений и в том, что история составила бы длинный список его личных подвигов, но его положение вынуждало его маскироваться так же, как и скрывать самого себя. Если бы что-то, кроме его лица, было известно, ничто не помешало бы Черчу застрелить его, как мы уже видели. Каким бы влиятельным он ни был во всем мире — главный дух, повсюду направляющий, ободряющий, успокаивающий и вознаграждающий, — заслуживает упоминания тот факт, что со времени его первого бегства из Покасsetа и до нескольких недель до его смерти ни один англичанин не мог сказать, что видел его лицо или слышал его голос. Поэтому Черч описывает его как человека, который всегда был первым в полете. Награда, назначенная за его голову, устрашающая сила, которая преследовала его, то обстоятельство, что некоторые из его собственных знакомых были против него, и особенно жизненная важность его жизни для его дела, - все это делало необходимым для него применение каждой стратегии осторожной и коварной войны его расы.

Мы уже говорили кое-что о представлениях Филиппа о своем собственном суверенном достоинстве. Отсюда судьба Сассамона и дикаря, предложившего мир. Существует устоявшееся предание, что в 1665 году он отправился на остров Нантакет с целью убить индейца по имени Джон Гиббс. Он высадился на вост-энде, намереваясь пройти вдоль берега, никем не обнаруженный, под берегом, к той части острова, где жил Гиббс. По какой-то счастливой случайности последний получил намек на его приближение, сбежал в английское поселение и убедил некоего мистера Мэйси спрятать его. Его преступление состояло в том, что он произнес имя какого-то умершего родственника Филиппа (возможно, его брата) вопреки индийскому этикету, предусмотренному в подобных случаях. Англичане провели переговоры с сахемом, и всех денег, которые они смогли собрать, едва хватило, чтобы обеспечить ему жизнь преступника. Это было не просто личное оскорбление, но и нарушение почтения, подобающего подданному по отношению к своему королю.

[FN] Факт, что касается самого визита, подтверждается сохранившимися записями о Нантакете.

Похоже, что когда он посетил Бостон перед войной, ему удалось убедить правительство, — как, без сомнения, и было на самом деле, - что, несмотря на старую лигу его отца, возобновленную им самим или, скорее, силой, он все еще независим от Плимута. "Эти последовательные

обязательства были соглашениями о дружбе, а не о дальнейшем подчинении, как он предполагал". Затем он пожелал ознакомиться с копией договора и попросил раздобыть ее для него. Он добавил, что ему известно, что молящиеся индейцы подчинились англичанам; но поканокеты ничего подобного не делали, и они не были подчинены. Письмо Массачусетса правительству Плимута, написанное сразу после этой беседы с сахемом, вполне заслуживает внимания. "Мы не понимаем, - говорит первый, - до какой степени он подчинился вам; но обращение, которому вы его подвергли, не делает его таким субъектом, чтобы, если не будет явного ответа на вызов, немедленно должны были начаться военные действия".

Филип сам имел такое же представление о плимутском *вызове*; и все же либо политика, либо добрые чувства побудили его *посетить* плимутского губернатора в марте 1675 года с целью успокоить подозрения Колонии; против него ничего не было обнаружено, и он вернулся домой. В частном порядке он сохранял ту же откровенную, но гордую независимость. Он был таким же противником христианства, как и его отец, и не пошел бы ни на какие уступки в этом вопросе. Возможно, воспоминание о Сассамоне отозвалось болью в его груди, когда, когда достопочтенный Элиот однажды взялся обратить его, он взял одну из его пуговиц между пальцами и сказал ему, что Евангелие волнует его не больше, чем эта пуговица. Однако из заявления Гукина можно сделать вывод, что в целом он был более вежлив; "Я слышал, как он говорил очень хорошие слова, утверждая, что его совесть осуждена и т.д." Сахем, очевидно, был согласен на этот случай.

Что касается его личной внешности, которая всегда вызывает любопытство в случае с великими людьми, сохранились наброски, претендующие на то, чтобы быть его портретами, но ни один из них, как полагают, не обладает большим правдоподобием, чем гротескная карикатура, приложенная к старому повествованию о капитане Черче (образце серии); и поэтому мы должны довольствоваться тем, что остаемся в неведении в этом вопросе. Что касается его костюма, Джосселин, видевшая его в Бостоне, говорит, что на нем были пальто и козырьки, усыпанные бисером, "приятной дикой работы и широкий пояс такой же работы"; его снаряжение оценивалось в 20 фунтов стерлингов. Считается, что семья в Суонзи (штат Массачусетс) все еще владеет частью авторских отчислений, от которых отказался Эनावон на момент его захвата Церковью. Там были два рожка глазированного порошка, покрывало из красной ткани и три пояса из вампума богатой и красивой работы. Один был шириной девять дюймов и такой длины, что доходил от плеча до лодыжек. Ко второму, который носили на голове, были прикреплены два маленьких флажка с орнаментом. У третьего, самого маленького, на одном конце была звезда, украшенная бисером, которая спускалась на грудь.

Говорят, что Аनावон был главным советником и капитаном Филиппа во время войны; а также сражался под командованием Массасойта. Но последний не отличался особой воинственностью; мы также не находим упоминаний о службе Эनावона при Филиппе, предшествовавшей его падению в стычке на болоте, когда советник совершил побег. Хаббард утверждает, что он хвастался тем, что убил десять белых за один день; но почти все, что о нем известно, мы почерпнули из живописного рассказа о его поимке Черчем, который возглавлял экспедицию с определенной целью. Эनावон встретил свое несчастье и даже весьма мужественно принял своего победителя по этому случаю; и Черч ответил на его любезность взаимностью; но все было напрасно — старый воин вместе со многими другими членами своего

племени вскоре после этого был обезглавлен в Плимуте. Путешественнику из Тонтон в Провиденс, через юго-восточный угол Рехобота, и по сей день показывающую скалу Анавона — огромную гряду высотой от двадцати пяти до тридцати футов, расположенную на своего рода острове посреди болота площадью около тысячи акров.

Филипп был далек от того, чтобы быть простым варваром в своих манерах и чувствах. Мы не встретили ни одного примера, чтобы он каким-либо образом жестоко обращался с пленником, даже в то время, когда англичане продавали его собственных людей в рабство за границу или пытали и вешали их дома. Знаменитая миссис Роулэндсон рассказывает о встрече с ним во время своего печального плена. Он пригласил ее зайти в его сторожку, и когда она сделала это, пригласил ее сесть и спросил, не хочет ли она закурить. Встретившись с ней снова, он попросил ее сшить какую-нибудь одежду для его ребенка и заплатил ей за это шиллинг. Впоследствии он взял на себя труд навестить ее с целью заверить, что "через две недели она будет сама себе хозяйкой". Следует признать, что ее последнее интервью в гораздо большей степени демонстрирует его проницательность, чем честность в обращении. Однако это была индийская военная хитрость, и в то самое время полуодетый сахем питался земляными орехами, желудями и корнями лилий. "Филипп, почуяв неладное [с ее выкупом], позвал меня к себе и спросил, что я могу дать ему за то, чтобы он сообщил мне хорошие новости и замолвил за меня доброе слово, чтобы я могла завтра отправиться домой. Я сказал ему, что не могу сказать, — но все, что у меня есть, — и спросил, что бы он хотел. Он сказал, что два пальто и двадцать шиллингов деньгами, полбушеля семенного зерна и немного табака. *Я поблагодарила его за любовь, но я знала эту хорошую новость так же хорошо, как и эта хитрая лиса.*" Вероятно, он забавлялся с этой доброй женщиной так же, как с достойным мистером Гукином; но, во всяком случае, в этих простых анекдотах нет и следа злорадства.

Что еще более поразительно, мы обнаруживаем, что, когда некто Джеймс Браун из Суонзи принес ему письмо из Плимута незадолго до начала военных действий, и молодые воины были готовы убить его, Филипп вмешался и предотвратил это, сказав, что "его отец поручил ему проявить доброту к мистеру Брауну". Соответственно, у Хаббарда записано, что незадолго до своей смерти старый сахем посетил мистера Брауна, который жил недалеко от Монтопа, и искренне пожелал, чтобы любовь и дружелюбие, которые он получил, могли быть переданы детям. Вероятно, именно это обстоятельство побудило самого Брауна заняться столь опасным предприятием спустя промежуток времени, вероятно, около двадцати лет.

Также мы не должны упускать из виду доброту Филиппа к семье Леонардов, которая жила недалеко от Фаулинг-Понд, на территории нынешнего Рейнхэма. Филипп, зимовавший в Монто, — возможно, для удобства рыбной ловли, — имел обыкновение проводить лето в охотничьем домике у этого пруда. Там он сблизился с Леонардами, торговал с ними, и они часто чинили ему оружие. С началом войны он отдал строгий приказ, чтобы эти люди никогда не пострадали, поскольку их никогда и не было; и, действительно, весь город Тонтон, каким он был тогда, оставался почти совершенно нетронутым на протяжении всей войны, и среди всех разрушений и резни, которые ежедневно происходили на самых его границах. Сколько провокаций и унижений он сам претерпевал тем временем, мы уже видели. Все его родственники были убиты или взяты в плен, а цена была назначена за его собственную жизнь.

[FN] Кузница все еще работает на месте упомянутой здесь. Оригинальный Леонард-Хаус, где, согласно преданию, некоторое время хранилась голова Филиппа, представлен на виньетке, прилагаемой к этому тому. В нем до сих пор проживает один из членов семьи, в шестом поколении от строителя, и, насколько нам известно, это самый старый особняк, ныне стоящий в этой стране. На флюгере на одном из фронтонов проставлена дата 1700; но нет никаких сомнений в том, что дом был построен по крайней мере тридцать лет назад. Работа, особенно внутри, удивительно массивная и добротная. Очевидно, он сделан по английской моде восемнадцатого века с некоторыми изменениями, необходимыми для защиты от индейцев. Во время войны в нем находился гарнизон.— Птичий пруд, который до сих пор так называется, превратился в густое болото. Не так давно жил один пожилой джентльмен, который в детстве часто отправлялся в плавание на каноэ ловить рыбу в здешних водах. Индийское оружие и утварь до сих пор находят на его границах.

Печально знать, что сахем, каким бы несчастным и безнадежным он ни стал в свои последние дни, все еще был окружен группой своих верных и любящих последователей. Говорят, что в тот самый момент, когда англичане застали его врасплох, он рассказывал им о своих мрачных снах [FN-1] и советовал им покинуть его и позаботиться о своей собственной безопасности. Через несколько минут после этого он был застрелен при попытке выбраться из болота. Англичанин, некто Кок, прицелился в него, но его ружье промахнулось; индеец, стоявший на страже в том же месте, разрядил свой мушкет и выстрелил ему в сердце. Известие об этом успехе было, конечно, воспринято с большим удовлетворением; Черч говорит, что "вся армия трижды громко прокричала "ура"". Следует сожалеть, что честный капитан позволил своим предрассудкам завести его так далеко, что он отказал в обряде погребения своему великому врагу. Напротив, он четвертовал его, а голову отвезли в Плимут, куда, как осторожно сообщает нам Мазер, ее доставили в тот самый день, когда тамошняя церковь проводила торжественный день благодарения. Нрав завоевателя был испорчен нелиберальностью правительства по отношению к нему самому. За этот поход он получил всего четыре шиллинга и шесть пенсов на человека, плюс тридцать шиллингов за голову убитого. Он отмечает, что голова Филиппа досталась той же ценой, и считает это "мизерной наградой и слабым поощрением". Голову сахема с триумфом пронесли по Колонии; [FN-2] а индеец, убивший его, был награжден одной из его рук. В довершение печальных подробностей, несколько его главных гонимых вскоре после этого были уплачены одним из его главных капитанов; а замок ружья, ставшего для него смертельным, и *блюдце для сампа*, найденное в его вигваме, до сих пор можно увидеть среди древностей Исторического общества Массачусетса. Монтоп, ставший предметом спора между колониями Массачусетс и Плимут, был окончательно присужден последней специальным решением короля Карла.

[FN-1] Жестокое предубеждение, существующее против Филиппа, не ослабленное даже его страданиями и смертью, особенно ярко проявляется в заключительном предположении Хаббарда: "явился ли ему дьявол той ночью во сне, предчувствуя его трагический конец, *это не имеет значения*". По словам Мэзера, его повесили, как *Ахага*, после того, как ему прострелили "ядовитое и кровожадное сердце". Черч, в целом честный и гуманный человек, говорит о своем поверженном враге в выражениях, которые мы слишком уважаем за его репутацию, чтобы повторять.

[FN-2] По словам доктора Мазера, она много лет хранилась в Плимуте в 1700 году. "Прошло совсем немного времени с тех пор, как рука, которая сейчас пишет, при определенном случае оторвала челюсть от обнаженного черепа *этого богохульного левиафана*". "

Последнее и худшее из всего, его единственный сын, мальчик девяти лет, которого мы уже заметили среди английских пленников, был продан в рабство и отправлен в Бирмуду. Следует, однако, отметить, что эта прискорбная мера была принята не без некоторых угрызений совести. Плимутский суд был настолько озадачен этим случаем, что пришел к выводу обратиться за советом к священнослужителям Колонии. Мистер Коттон придерживался мнения, что "дети отъявленных предателей, мятежников и убийц, особенно таких, которые были главными лидерами и действующими лицами в таких ужасных злодеяниях, могут быть причастны к вине своих родителей и могут, *спасительная республика*, быть приговорены к *смертной казни*". Доктор Инкриз Мазер сравнил ребенка с Хададом, чей отец был убит Иоавом; и он намекает, что "дети печально известных предателей, мятежников и если бы сам Хадад не сбежал, Дэвид принял бы меры, чтобы предотвратить его растление следующего поколения. Отрадно сознавать, что курс, который он рекомендовал, был отложен, вплоть до того позорного и унижительного, о котором мы упоминали.

Таково было впечатление, которое повсеместно производил на колонистов ужасный дух Филиппа. И никогда еще цивилизованный или нецивилизованный враг не вызывал такого общего и более справедливого страха. Насколько большим мог бы быть его успех, если бы обстоятельства благоприятствовали, а не противодействовали ему, к счастью, мы не можем оценить. Однако следует признать, что если бы даже Наррагансеты присоединились к нему в первое лето войны, — а ничто, кроме внезапного начала войны, не помешало им это сделать, — вся страна, от Пискатакуа до Саунда, была бы охвачена наводнением и опустошена. Но как бы то ни было, Филипп сделал и вынес достаточно, чтобы увековечить его как воина, государственного деятеля и, мы можем добавить, как благородного патриота. Каким бы ни было предубеждение против него в дни ужаса, вызванного его доблестью, в эти времена есть и великодушие, и спокойствие, чтобы воздать ему должное, которого он заслуживает. Он сражался и пал — конечно, жалко, но славно, — мстителем за свою семью, почитателем своих богов, защитником своей чести, мучеником за землю, на которой родился, и за гордую свободу, которая была его неотъемлемым правом.

ГЛАВА IX.

Племя Наррагансеттов; территория и власть—Главные сахемы на момент основания английских поселений в Новой Англии—Каноникус связан с самим собой Миантономо, его племянник—Их обращение с Роджером Уильямсом в 1634 году—Враждебность к Плимутской колонии—Приглашен пекотами сражаться с англичанами—Мирный договор, заключенный Миантономо в Бостоне в 1636 году—Война с пекотами и ее результат—Последующая враждебность между Миантономо и УНКАС—СЕКАССЕНОМ—Битва при Равнина Сахема -Захват Миантономо—Приговор английских комиссаров ему — Приведение его в исполнение.

После конфедерации Поканокетов ни у кого нет более веских претензий на раннее внимание историка, чем у наррагансеттов; нация, состоящая из различных мелких племен, населявших большую часть территории, которая впоследствии образовала колонию Род-Айленд. Их владычество простиралось также на острова в заливе их собственного имени; и сагаморы части Лонг-Айленда, Блок-Айленда, Кавесита и Ниантика были либо их притоками, либо подчинялись им каким-либо другим образом. Когда-то они могли собрать более четырех тысяч воинов; и уже во времена Филиппа, как мы видели, они могли собрать две тысячи, половина из которых была снабжена английским оружием и умело им пользовалась. С незапамятных времен они вели войну как с поканокетами на Севере, так и с пекотами на Западе.

Можно было бы ожидать, что правителями такой конфедерации, находящейся в таком положении, будут люди талантливые и энергичные; и это ожидание не будет обмануто. На протяжении всей истории индейцев Новой Англии, как мы не находим народа, более решительного в провозглашении того, что они считали своими правами, или более грозного в их защите, так и мы не находим сахемов, более готовых и способных, чем у них, во всех случаях поддерживать высокий дух своих подданных.

Существует ненужная путаница в сведениях, передаваемых некоторыми из наших лучших летописцев относительно конкретной личности, правившей Наррагансетами во время первых сношений между ними и англичанами. Губернатор Хатчинсон, например, в одном случае говорит оКанонике как об их главном сахеме. В другом, ссылаясь на смерть Миантономо, когда первый был еще жив, он замечает, что, хотя они *потеряли своего главного сахема*, все же у них были другие сильные люди, такие как *Каноникус*, Пессакус и другие.

Двусмысленность возникла из-за того обстоятельства, что, хотя Каноникус осуществлял главную власть в стране, когда англичане впервые прибыли, вскоре после этого он стал связан в правительстве со своим племянником Миантономо. Каковы были конкретные условия королевского партнерства или по какому поводу оно было заключено, сейчас определить невозможно. Некоторые авторы предполагают, что единоличная власть принадлежала младшему из двух и что старший действовал в качестве регента; но, учитывая, что ассоциация продолжалась в течение всего срока совместной жизни этих двоих, представляется более вероятным, что Каноник, оказавшийся далеко преклонным в годах, а также обремененный обязанностями по управлению обширными владениями в период первых английских поселений, счел уместным внести в свой королевский статус такие изменения, которых, по-видимому, требовали требования времени. Поэтому он выбрал в качестве партнера самого популярного и активного принца своей собственной семьи.

[FN] Роджер Уильямс сообщает нам в своем "Ключе к индийским языкам", впервые напечатанном в 1643 году, что ему было около восьмидесяти лет. В другом месте утверждается, что "Каноник, будучи единственным губернатором или главным сахемом, нанял своего племянника Миантономию для управления своими военными делами в качестве генерала своей армии, а на склоне лет взял его в качестве партнера в своем правительстве для оказания помощи". Его. Narr. Страна. Масса. Его. Коллега.

Сам мистер Хатчинсон, по-видимому, в конце концов соглашается с выводом, который мы только что изложили. В части своей истории, следующей за процитированным выше отрывком, он ссылается на информацию, почерпнутую из подлинных рукописей, которые отражают мнение самих Наррагансетов по этому вопросу. Старейший из этого народа сообщил, когда англичане впервые прибыли сюда, что в прежние времена у них был сахем под названием Таштасак, несравненно превосходящий любой другой во всей стране по владычеству и государственности. У этого вождя, сказали они, было только двое детей, сын и дочь; и, не имея возможности сравняться с ними по достоинству, он соединил их узами брака. У них было четверо сыновей; и из них Каноник, "который был сахемом, когда пришли англичане", был старшим.

[FN] История мессы. Том I. стр. 72. и 458.

Мистер Хатчинсон замечает, что это единственный фрагмент индийской истории или традиции любого рода от предков наших первых индейцев, с которым он когда-либо встречался. Упомянутые здесь братья Каноника иногда упоминаются древними авторами, но не как проявившие себя чем-либо заслуживающим внимания.

Тот факт, что Каноникус и его племянник управляли государством в гармонии, а также в союзе, наиболее ясно демонстрируется письмами Роджера Уильямса. Хорошо известно, что в 1634 году, когда этот преподобный джентльмен был вынужден покинуть колонию Массачусетс (из-за своих религиозных убеждений), он бежал в Сиконк; Но это место находилось в пределах юрисдикции Плимута, и жители этой колонии не желали ссориться с Массачусетсом, губернатор Уинслоу проинформировал его о возникших трудностях и посоветовал ему занять место на другом берегу реки, вне границ обеих юрисдикций. После этого мистер Уильямс, совершенно несчастный, переправился через реку и отдался на милость Каноника.

[FN] См. Том I. Масса. Его же. Сборник. Серия 3d. Тот же автор говорит в своем "Ключе к индийским языкам": "Их согласие в правительстве поразительно. Старый Сахем не обидится на то, что делает молодой Сахем; а молодой Сахем не сделает того, что, по его мнению, вызовет неудовольствие его дяди".

Вождь дикарей — к его вечной похвале, да будет это записано — принял его с гостеприимством, достойным императора. Поначалу, действительно, он с подозрением отнесся к мотивам своего посетителя; и тем более он не был настроен в его пользу, поскольку его подданные недавно сильно пострадали от ужасной эпидемии, которую, как он предполагал, занесли англичане.

"При моем первом появлении среди них, - пишет мистер Уильямс, - Кануникус (*mogusus aequae ac barbarus senex*) был очень мрачен и обвинил англичан и меня в том, что я наслал на них чуму, и особенно угрожал убить его". Вскоре после этого, однако, он не только разрешил беженцу и бедным странникам, последовавшим за ним из Салема, иметь место упокоения в своих владениях, но и подарил им всем "перешеек, лежащий между устьями рек Потакет и Мошасак, чтобы они могли спокойно поселиться на нем и наслаждаться им вечно". Мистер Уильямс разделил эту землю поровну между своими последователями и основал город Провиденс. Заселение Род-Айленда началось вскоре после этого в Патуксе, и Каноникус в свое время передал Уильямсу почти всю территорию нынешнего округа Провиденс.

[FN] Ниже приведены лишь некоторые из других используемых модификаций этого названия.

Кононикус,	Рукопись Трамбулла, том 19.
Кауноникус,	"История Плимута" Бейлиса.
Конаукус, у	Уинслоу Хорошие новости из Новой Англии.
Каноникус,	Гукин.
Кананукус,	Документы из коллекции Хазарда.
COONOONACUS, CANOONACUS, CONOWNACUS,	То же самое.

Доброта правителей Наррагансетта делает большую честь их чувствам, поскольку прежние отношения между ними и английскими колониями были достаточно далеки от дружеских. В начале 1622 года их угрозы враждебности были настолько открытыми, что англичане постоянно получали сведения об их замыслах от индейцев из их собственного союза; и вскоре после этого Каноникус отправил в Плимут вестника, который оставил пучок стрел, завернутый в кожу гремучей змеи, — обычный призыв к войне. Губернатор отправил в ответ гонца с такой же шкурой, набитой порохом и пулями; заверив также вождя, что, если бы у него был корабль, вместо того, чтобы беспокоить его и тащить в Плимут, чтобы удовлетворить его желание сражаться, он разыскал бы его в его собственной стране; и более того, что когда бы он ни приехал, он нашел бы англичан готовыми принять его. Это решительное послание возымело желаемый эффект, и суеверие сахема подтвердило это. Опасаясь какой-нибудь таинственной травмы, он отказался прикасаться к коже и не позволил бы ей даже оставаться в его доме. Оно прошло через несколько рук и, наконец, было возвращено в колонию нераспечатанным.

В 1632 году сахем совершил нападение на Массасойта, который бежал в поисках убежища в английский дом в Совамсе; и отправил депеши о помощи своим английским союзникам. Поскольку капитан Стэндиш проявил особый интерес к этому делу, вскоре между сторонами должно было разгораться ожесточенное противостояние, если бы наррагансеты поспешно не отступили из-за слуха, что пекоты вторглись на их собственную территорию. Четыре года спустя, когда последняя названная нация решила полностью изгнать англичан из Новой Англии, они обратились к своим старым врагам Канонику и Миантоному с просьбой заключить мир и привлечь их с как можно большим количеством других племен к общему делу против колонистов.

Говорят, что в тот раз сахемы колебались между удовлетворением нынешней мести пекотам и перспективой окончательной победы над английской державой путем объединения с ними. Их

дружба с Роджером Уильямсом и влияние, которое он, следовательно, смог оказать, вероятно, переломили чашу весов. Миантономо сообщил ему о заявлении пекотов; мистер Уильямс немедленно передал новость губернатору Уинтропу в Бостон; а Каноникус с тем же посыльным сообщил о недавних грабежах, которые, как он только что понял, были совершены пекотами в Сэйбруке. Губернатор, вероятно, следуя предложению мистера Уильямса, послал за Миантономо, чтобы оказать ему честь визитом.

Соответственно, он прибыл в Бостон в сентябре 1636 года в сопровождении двух сыновей Каноника, еще одного сахема и примерно двадцати саноков (или взрослых мужчин).) Поскольку он предупредил о своем приближении накануне, губернатор выслал корпус мушкетеров встретить его в Роксбери; и они сопровождали его в город около полудня. К этому времени мистер Уинтроп созвал большинство магистратов и министров Бостона, но сейчас было время обеда, и церемония, как и дела, были отложены. Сахемы обедали одни в одной комнате с губернатором, в то время как саноки были в изобилии обеспечены в гостинице. Во второй половине дня Миантономо выдвинул свои мирные предложения и сказал, что в случае их принятия он должен через два месяца прислать подарок в подтверждение их. Губернатор, по своему обыкновению, попросил времени для рассмотрения этого предложения. На втором совещании, которое состоялось на следующее утро, были согласованы следующие условия, подписанные губернатором, с одной стороны, и знаками сахемов - с другой.

1. Прочный мир между колонией Массачусетс и другими английскими плантациями (с их согласия) *и их* союзниками (с *их* согласия.)
2. Ни одна из сторон не должна заключать мир с пекотами без консультаций с другой.
3. Не укрывать пекотов.
4. Предавать смерти или освобождать убийц и возвращать беглых слуг.
5. Англичанам сообщить им, когда они выступят против пекотов, и *им* прислать проводников.
6. Свободная торговля между двумя странами.
7. Никто из них не посещал английские поселения во время войны с пекотами без сопровождения какого-нибудь англичанина или известного индейца.

Этот договор должен был сохраниться для потомков обоих народов. По его заключении стороны, как и прежде, пообедали вместе. Затем они формально простились друг с другом, а сахемов вывели из города и отпустили мушкетным залпом. Подарок, обещанный Миантономо, по-видимому, был отправлен в начале 1637 года, когда в Бостон прибыла депутация из двадцати шести наррагансеттов с сорока саженями вмпума и рукой Пекота. Губернатор подарил каждому из четырех сахемов компании "сюртук ценой в четырнадцать шиллингов и отложил возврат подарка до следующего раза, в соответствии с их порядком". Хорошо известно, насколько полно наррагансетты выполнили свои обязательства в экспедиции, которая состоялась примерно в это время против пекотов. Они также передали через мистера Уильямса немало полезной информации. уважая общего врага, которым экспедиция руководствовалась с самого начала, и предложил использовать гавани побережья Наррагансетт для английских судов.

[FN] Журнал Уинтропа, стр. 217.

Совместное вторжение союзников состоялось в мае. Английские войска, захватив на своем пути страну Наррагансетт, ознакомили Каноника и Миантономо со своим прибытием и планом кампании. Последний встретил их на следующий день примерно с двумя сотнями своих главных советников и воинов. Мейсон обратился с официальной просьбой о разрешении пройти через его территории по пути к фортам Пеко. Миантономо, после торжественного совещания, ответил, что он весьма одобряет экспедицию и пошлет людей, тем более что английские силы кажутся ему слишком незначительными, чтобы противостоять пекотам, которые были великими воинами. Соответственно, около пятисот воинов выступили против врага под командованием Масона; и некоторые из них несли действительную службу. Главные сахемы лично не принимали участия в кампании. [FN]

[FN] По словам некоторых авторов, они даже не встречались с майором Мейсоном на конференции, как описано выше. Мистер Уолкотт (губернатор штата Коннектикут с 1751 по 1754 год) в своем *поэтическом* "Отчете об участии мистера Уинтропа в получении чартера для Коннектикута" дает следующее уведомление об этом интервью:

Весть об этом нашем походе, слава быстро разносится ко двору великого Мяантиномоха. Этот задумчивый царь также не забыл о потерях, которые он понес из-за войск Сассака. Обрадованные этой новостью, его капитаны, все как один, смиренно обращаются к трону И настаивают, чтобы король дал им поручение Присоединиться к англичанам в этой экспедиции. На их просьбу жизнерадостный король соглашается, И теперь они пополняют и формируют свои полки Для войны: когарту, которая маршем направилась к нам, расположившимся лагерем перед городом. Их вожди идут к нашему генералу и заявляют, каковы их намерения, чьи они люди и т.д.

В сентябре 1638 года, когда пекоты были полностью завоеваны, Ункас, главный сахем могеганцев (который помогал в войне), и Миантономо были приглашены на встречу с магистратами Коннектикута в Хартфорде, чтобы договориться о разделе пленников. Их было двести человек, не считая женщин и детей. Восемьдесят из них были переданы сахему Наррагансетта, двадцать - соседнему вождю Нинигрету, а остальные сто - Ункасу. Пекоты должны были ежегодно отдавать дань Вампуму в Хартфорде. Было также заключено соглашение о том, что между Миантономо и Ункасом должен быть вечный мир; что все прошлые обиды должны быть похоронены; что, если таковые будут совершены в будущем, жалобы должны быть поданы мирным путем в арбитраж Англии, при этом обе стороны обязаны подчиняться их решению под страхом навлечь на себя их враждебность. Ни один открытый враг англичан не должен был укрываться, и все отдельные преступники должны были быть переданы правосудию.

Условия этого договора недолго оставались в силе. Каковы бы ни были мотивы Миантономо и каковы бы ни были его оправдания, вскоре он стал крайне враждебен, по крайней мере, к мохиганцам. Возможно, у него было достаточно причин противостоять и им, и англичанам,

потому что и те, и другие были его врагами; потому что он знал, что они связаны союзом нападения и защиты. Но представляется вероятным, что он намеревался только сражаться с могиганцами. Его старая неприязнь к пекотам возродилась против них как ветви пекотского рода. Ункас тоже был его самым большим личным соперником, а Миантономо честолюбиво стремился встать во главе всех индейцев Новой Англии. Если, однако, как утверждали некоторые, его главным замыслом было противостоять растущему могуществу англичан из чисто патриотических побуждений, то было ясно, что существенным шагом к достижению этой цели, и особенно к враждебному объединению всех племен, должна была стать смерть Ункаса и подавление его племени. Другие причины враждебности будут рассмотрены ниже.

Но каковы бы ни были рассуждения сахема, его меры были такого характера, что ошибиться было невозможно. Были предприняты большие усилия для общего сотрудничества племен, особенно в Коннектикуте. Было замечено, что они собирают оружие и боеприпасы и проводят общую подготовку к войне. Колонисты считали себя обязанными нести охрану каждую ночь, от заката до восхода солнца, и защищать своих жителей от города к городу и даже от одного места к другому в одном и том же районе.

Тем временем Миантономо, как говорят, нанял пекота, подчиненного Ункасу, чтобы тот убил его. Убийца предпринял попытку весной 1643 года. Он прострелил Ункасу руку, а затем бежал в Наррагансетты, сообщив по индийским городам, что убил его. Однако, когда стало ясно, что рана не смертельна, Пекот распространил слух, что Ункас намеренно порезал себе руку кремнем, а затем обвинил Пекота в том, что тот застрелил его. Но Миантономо вскоре после поездки в Бостон вместе с беженцем губернатор и магистраты при допросе обнаружили явные доказательства того, что последний был виновен в преступлении, в котором его обвиняли. Они предлагали отправить его в Ункас для наказания; но Миантономо взмолился, чтобы ему позволили вернуться самому; и, как говорят, дал им понять, что отправит его в Ункас. Он воспользовался случаем, чтобы снять с себя всю вину в этом деле, и убедил их настолько убедительно, что его просьбы были удовлетворены. Два дня спустя он собственноручно убил Пекота.

Примерно в то же время произошло событие в другом направлении, при обстоятельствах, которые явно указывали на то же авторство. Секвассен, сахем на реке Коннектикут, убил главного индейца племени мохеган и подстерег самого Ункаса, когда тот спускался по реке, и выпустил в него несколько стрел. Ункас пожаловался губернатору и суду колонии, которые приложили немало усилий, чтобы уладить это дело, но безуспешно. В конце концов его убедили принять одного из индейцев Секвассена, выдать его в качестве эквивалента убитого человека; но Секвассен не соглашался на подчинение или уступки любого рода. Он настаивал на сражении. Ункас принял его вызов и вторгся на его территорию; и Секвассен потерпел поражение, многие из его вигвамов были сожжены, а его люди убиты. [FN]

[FN] Трамбалл в Коннектикуте.

Поскольку побежденный сахем был почти союзником Миантономо и находился с ним в близких отношениях, обычно считалось, что он действовал по его наущению и с обещанием его помощи в случае необходимости. Он даже открыто выразил свою надежду на помощь Миантономо.

Вождь Наррагансетов был не из тех, кто бросает своего союзника или отступает от врага. После поспешно разработанного плана кампании это был следующий объект для нанесения намеченного удара с максимально возможным эффектом, что предполагало наименьшее возможное уведомление. Он собрал армию численностью от пятисот до тысячи человек и двинулся к территории Мохегана. Шпионы Ункаса обнаружили их приближение и передали ему разведданные. Враг был уже близко, а Ункас не был готов; но он поспешно собрал четыреста или пятьсот своих людей и, сказав им, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враг застал их врасплох в их деревнях, немедленно выступил ему навстречу. На расстоянии трех или четырех миль две армии встретились друг с другом на большой равнине. Тем временем Ункас, вынужденный больше полагаться на хитрость, чем на силу, ознакомил своих воинов на марше с планом, который теперь приступил к исполнению.

Он потребовал переговоров, и две армии остановились лицом к лицу. Затем, выйдя вперед своих людей, он обратился к Миантономо: "С вами несколько крепких мужчин, и я тоже. Очень жаль, что такие храбрые воины должны быть убиты только в частной ссоре между нами. Тогда давай, как мужчина, каким ты себя называешь, и давай сразимся. Если ты убьешь меня, мои люди будут твоими. Если я убью тебя, твои люди будут моими. Миантономо слишком ясно видел преимущество, чтобы принять такое предложение. "Мои воины, - сказал он, - прошли долгий путь, чтобы сражаться, и они *будут* сражаться". Ответа ждали, и едва он был произнесен, как Ункас рухнул на землю. Его люди обрушили на Наррагансетов град стрел, а затем, воспользовавшись внезапностью, без промедления яростно бросились на них с отвратительным воплем и вскоре обратили их в бегство.

Преследование велось с яростным рвением. Врага гнали по скалам и пропастям, как лань, спасающуюся от охотника. Около тридцати были убиты, и гораздо большее число ранено. Миантономо был чрезвычайно стеснен. Несколько самых храбрых людей Ункаса, наконец, поравнялись с ним; но, не осмеливаясь вступить с ним в схватку или предпочитая оставить эту честь своему предводителю, они ухитрились помешать его бегству, оттянув его назад, а затем прошли мимо. Тут подошел Ункас и, бросившись вперед, как лев, жадный до своей добычи, схватил его за плечо. Наррагансетт понял, что его судьба решена — Ункас был человеком огромной силы, и его воины окружали его плотным кольцом. Он остановился, угрюмо сел и не произнес ни слова. Ункас издал индейский клич и подозвал группу своих людей, которые собрались вокруг царственного пленника и уставились на него. Он по-прежнему оставался угрюмым и безмолвным. Некоторые из его сахемов были убиты у него на глазах, но он не пошевелил ни единым мускулом. - Почему ты молчишь, - спросил наконец Ункас. - Если бы ты взял меня, я бы умолял тебя сохранить мне жизнь. Но Наррагансетт был слишком горд, чтобы просить о такой милости своего врага, и особенно своего соперника. Ункас, однако, пока сохранил ему жизнь и с большим триумфом вернулся в Мохеган, унося с собой великолепное живое свидетельство своей победы.

Печально известный Сэмюэл Гортон, купивший земли Миантономо, находящиеся под юрисдикцией Плимута и Массачусетса, и ожидавший, что тот подтвердит свои претензии к этим колониям и к другим индейским племенам, немедленно отправил Ункасу приказ выдать своего пленника и пригрозил ему местью колоний, если он откажется подчиниться. Но Ункас предусмотрительно придумал более безопасный путь. Он отвез своего пленника в Хартфорд и спросил совета у губернатора и магистратов. Поскольку открытой войны между наррагансетами и англичанами не было, эти власти не желали вмешиваться в это дело и рекомендовали

передать все дело комиссарам Соединенных колоний на их следующем заседании в сентябре. Тем временем к Миантономо вернулся дар речи. Вероятно, он ожидал лучшего обращения с англичанами, чем с Ункасом, и теперь искренне умолял передать его под их опеку. Ункас согласился оставить его в Хартфорде, но настоял на том, чтобы он оставался его пленником.

На собрании уполномоченных им было изложено все дело в целом. По их мнению, было полностью доказано, что Миантономо покушался на жизнь Ункаса всеми средствами и мерами, упомянутыми выше, а кроме того, с помощью яда и колдовства; что он собственноручно убил пекотского убийцу, вместо того чтобы передать его в руки правосудия; что он был организатором общего заговора индейских племен против колоний; и что более того, он зашел так далеко, что заручился помощью могавков, которые сейчас находились в одном дне пути от английских поселений, ожидая только освобождения Миантономо, чтобы вернуться в Англию. служите ему так, как ему заблагорассудится.

"Эти вещи должным образом взвешены и обдуманы", - говорят комиссары в своем отчете, [FN-1] "мы, очевидно, видим, что Vcu не могут быть в безопасности, пока Мянтеното [FN-2] жив, но либо из-за тайного предательства, либо из-за открытой силы его жизнь все еще будет в опасности. Поэтому мы думаем, что он может справедливо предать смерти такого лживого и кровожадного врага, но в его собственной Юрисдикции, а не в английских штатах плантацион; и советуя, чтобы при его смерти было проявлено всяческое милосердие и умеренность, вопреки практике индейцев, которые применяют пытки и жестокость, и Vcus, который до сих пор проявлял себя другом англичан, и в связи с этим просил их совета, если индейцы Nanohiggansetts или другие несправедливо нападут на Vcus за эту казнь, vron уведомит и попросит англичан пообещать оказать ему помощь и защитить, насколько это возможно, от такого насилия".

[FN-1] Сборники Хазарда, Том II. стр. 7.

[FN-2] Naz. Сборник. Том II. стр. 7.—Читатель заметит, какой вариант имени Сахема здесь используется. В Опасности есть еще несколько человек. Хатчинсон пишет Мьянтиномо и Миантономо в одном томе; Бейлис использует оба термина в одном и том же тексте; Трамбулл добавляет ч. Уинтроп допускает это написание с оговоркой, что вождя иначе звали Мекума (как он и был); но впоследствии он регулярно использует Миантунномо. Мейсон (*отчет о войне в Пекоте*) пишет Мьянтонимо и Миантомо; Уолкотту, Мятиномоху; Роджеру Уильямсу, Миантунному, и несколько других вариаций. Таким образом, мы разборчивы только в надежде развлечь любопытных.

Уполномоченные далее распорядились, чтобы за Ункасом немедленно послали в Хартфорд вместе с несколькими его самыми надежными людьми, и сообщили о приговоре, вынесенном его пленнику. Затем он должен был отвезти его в ближайшую часть своей территории и там предать смерти в присутствии неких благоразумных англичан, которые должны были сопровождать их, "и проследить за казнью для нашего более полного удовлетворения, и чтобы англичане вообще не вмешивались ни в голову, ни в тело". Впоследствии правительство Хартфорда должно было предоставить Ункасу силы, достаточные для защиты от всех его врагов.

Эти указания были немедленно выполнены. Ункас появился в Хартфорде, принял своего пленника и отправился с ним на то самое место, где произошел захват. В тот момент, когда они оказались на земле, могеганец, шедший позади Миантономо, размозжил ему голову топором, убив его одним ударом; так что он, вероятно, не был знаком со способом его казни. Традиция гласит, что Ункас отрезал кусок от своей лопатки и съел его с диким торжеством. "Он сказал, что это было самое сладкое мясо, которое он когда—либо ел, - оно укрепило его сердце". Царственная жертва была похоронена по приказу завоевателя на месте его смерти; и над его могилой была воздвигнута огромная груда, или колонна. Поле битвы, расположенное в восточной части города Норвич, по сей день называется *Равниной Сахема*.

ГЛАВА X.

Рассмотрение справедливости приговора комиссаров Миантономо —Их мотивы, как утверждается —Обвинение против него в честолюбивых намерениях—В использовании могавков—В нарушении лиги 1638 года—"Относительно пекотских скво"—Во враждебности к англичанам—В казнокрадстве—Доказательства его верности и дружбы—Причины жалобы его и Каноника на англичан—Характер обоих сахемов—Их обращение с Роджером Уильямсом—Письма этого джентльмена—Анекдоты—Смерть Каноника.

В данный период нелегко определить справедливость приговора, по которому Миантономо был приговорен к бойне. Что касается его отношений с врагом, то, принимая во внимание индейские обычаи и характер, это можно было бы считать справедливым; и страдалец, несомненно, был бы последним, кто жаловался бы на это. Но хотя Ункаса нельзя винить за то, что он воспользовался привилегией победителя, о вмешательстве англичан высказывалось иное мнение. Их оправдание, изложенное перед народом Наррагансеттов после смерти Миантономо, было следующим:

"Они вполне могут понять, что это без нарушения какого-либо соглашения между ними и vs; поскольку Vncus находится в союзе с vs и тот, кто, насколько нам известно, усердно соблюдал своих партнеров, упомянутых ранее, и нуждается в совете от vs, для серьезного рассмотрения предпосылок, а именно.его вероломный и кровожадный настрой против vncus & c. и насколько

большим нарушителем общего спокойствия во всей стране он был, мы не могли из уважения к справедливости дела, безопасности страны и честности нашего друга поступить иначе, чем одобрить законность его смерти. Это так хорошо согласуется с собственными нравами индейцев и с практикой других народов, с которыми мы знакомы, что мы убеждаем себя, насколько печальной может быть его смерть в настоящее время, однако мирные плоды этого принесут не только безопасность индейцам, но и пользу всем, кто населяет этот континент".

Если предположить, что все, о чем здесь и в других местах говорится, верно, то все же можно усомниться в том, можно ли оправдать участие колоний в действиях их уполномоченных; но это не так.

То, что он убил Пеко, было одним очком против него; но что могло быть более естественным, чем то, что они неправильно поняли его обещание в этом случае, или то, что он предположил, что отправление правосудия его собственной рукой было бы наиболее удовлетворительным курсом, который он мог избрать. Особое внимание уделяется "амбициозным намерениям Миантономо стать вселенским сагамором или губернатором всех этих частей"; но это, похвальное или предосудительное само по себе, явно не было узурпацией по отношению к ним. Что касается его враждебности по отношению к англичанам, то здесь достаточно сказать, что доказательства этого, по-видимому, были предоставлены главным образом его врагами, чьим прямым интересом было притеснять его, используя интересы англичан в свою пользу. Что касается работы могавков, в частности, то максимум, что было сделано, даже через это средство, так это то, что они ожидали освобождения Миантономо — "и тогда они продолжат свои намерения, будь то против англичан или ВНКУ, или против обоих, сомнительно." [FN]

[FN] Полковник Хазард. Том II. стр. 9. Отчет уполномоченных.

Давайте обратимся к свидетельству мистера Уильямса относительно этого дела, позаимствовав его из письма, написанного сразу после того, как оно произошло. "Две недели назад я услышал о том, что мававоги пришли в Паукомтаккут, место их встречи; что они были спровоцированы тем, что Онкас обидел и ограбил нескольких индейцев Паукомтака в прошлом году, и что он [Ункас] бросил вызов мававогам, пригрозив, что, если они придут на его территорию, съест их мясо и т. Д."

Он признает, что несколько наррагансетов присоединились к могавкам; но эти люди, независимо от того, были ли они хорошо или плохо расположены к англичанам, в любом случае считались предателями Миантономо. В другом месте он заявляет: "Тем не менее, наригансетты и маукавоги - это две большие группы индейцев в вашей стране, и они являются союзниками и долгое время выигрывали, поскольку оба они дружелюбны и миролюбивы по отношению к вам, англичанам." [FN]

[FN] Г-жа Письма в Mass. Col. Rec. (Файл 10. № 45.)

Говорят, что Миантономо нарушил лигу 1638 года, вторгшись в страну Ункас, предварительно не подав свои жалобы на решение англичан. Но разве он не считал себя освобожденным от обязательств, установленных этой лигой вследствие нарушений ее со стороны англичан.

Вероятно, в то самое время он относился к ним точно так же, как они относились к нему. Роджер Уильямс пишет однажды, когда ему были отправлены письма с жалобами из Массачусетса, что "они [Миантономо и Каноникус] думали, что должны проявить себя честными и преданными, когда мистер губернатор поймет их ответы; и что (хотя они не стали бы спорить со своими друзьями), все же они могли бы рассказать много подробностей, в которых англичане нарушили (после этих войн) свои обещания".

Что касается предполагаемого нарушения, в частности, Хартфордской лиги, мы, возможно, могли бы должным образом отказаться от всех попыток оправдания, поскольку обвинение вряд ли претендует на правдивость. Губернатор Уинтроп приводит отчет об этом деле, полученный официально из Коннектикута, из которого следует, что Миантономо, прежде чем согласовать план с Секвассеном, обратился к властям этой провинции за возмещением ущерба, причиненного ему Ункасом. Ему ответили, что *англичане не имеют к этому делу никакого отношения*. Затем он обратился также к самому губернатору Уинтропу и очень хотел узнать, не обидится ли тот, что тот объявил войну Ункасу. Наш Губернатор ответил: *если Онкус причинил зло ему или его друзьям и не даст удовлетворения, мы должны предоставить ему идти своим путем*. [FN]

[FN] Журнал, том II. и Отчеты о колониях.

Приводимый далее отчет о объяснениях, данных по одному пункту обвиняемыми сторонами, достаточно характерен для их интеллекта, по крайней мере, для того, чтобы его можно было подробно процитировать. - Тогда сначала о пекотских скво. Канавникус ответил, что никогда их не видел, но слышал о некоторых, которые попадали в эти края, и он велел отнести их обратно мистеру губернатору; но поскольку он никогда о них не слышал до моего приезда, а теперь он хочет, чтобы их искали по всей стране. Миантунному ответил, что он никогда не слышал только о шести; и он видел четыре, которые ему принесли, на что он рассердился и спросил, почему они не отнесли их мне, чтобы я мог вернуть их домой. Затем он приказал туземцам, которые привели их, отнести их ко мне, и, уходя, он сообщил ему, что скво хромают и не могут передвигаться, после чего он передал мне, чтобы я послал за ними. Я должен признать, что это послание я получил от него и послал ему сообщение, что нас здесь совсем немного, и мы не можем ни забрать их, ни передать, и поэтому я хотел, чтобы он послал с ними людей и разыскал остальных. Затем, говорит он, мы пировали вместе десять или двенадцать дней, и действительно, это были дни странной торжественности, когда сахемы ели только ночью, а все туземцы по всей стране были накормлены. В то время, говорит он, я хотел, чтобы кто-нибудь присмотрел за ними, но, несмотря на это, за это время они сбежали, и теперь он немедленно наймет людей, которые обыщут все места в поисках их и в течение двух-трех дней доставят их домой. Кроме того, он заявил, что они ему не нужны, и ему жаль, что губернатор так думает. Я возразил, что он послал их просить. Он ответил, что Сассамун, посланный губернатором с письмами к Пекоту, захромал и, лежа у него дома, рассказал ему об одной скво, дочери сахема, которая при его жизни была его, Миантунномуэ, большим другом. Он [Миантономо] *поэтому по доброте душевной пожелал по отношению к своей умершей подруге умолять ее или выкупить ее*" [о мистере Уильямсе.]

В ответ на обвинение, касающееся его верности английскому союзу, Каноникус заявил, что Наррагансеты "были верны англичанам ни на жизнь, ни на смерть, и без этого они были

убеждены, что Окасе [Ункас] и могигануки оказались лживыми, как он опасается, они еще будут". Затем он перешел к изложению своих причин для такого убеждения и такого страха. Он также заявил, что, хотя могиганцы еще не привели пленников, его собственный брат Юташ однажды "захватил Путтакуппуунка, Куаме и двадцать пекотов и три десятка скво;они убили троих и связали остальных, наблюдали за ними всю ночь, а утром, послав за англичанами, передали их в их руки". По—видимому, вскоре после этого Миантономо проходил мимо дома, где англичане держали взаперти пекотов, и, испытывая любопытство увидеть одного из плененных сахемов — человека весьма известного, — подал заявление с этой целью, но английские часовые несколько раз ткнули его пикой и в конце концов прогнали. мистер Уильямс предположил, что, вероятно, его не узнали; но он думал, что узнали, и несколько наррагансетов придерживались того же мнения, и спросили, следовало ли им поступить так с "мистеромгубернатором".Мистер Уильямс по-прежнему отрицал это. , что его могли знать; на что Миантономо ответил, что, по крайней мере, вся его компания была обескуражена, "и все они, включая Кутшамкуэне, хотели уйти; и все же, говорит он, двое из моих людей (Вакуквут и Маунамох) были их проводниками в Сескуанкет от устья реки".

Он был во главе двухсот своих воинов, только что вернувшихся из похода против пекотов, в ходе которого они взяли десять пленных и добросовестно доставили их в это время. О жизни КАТШАМЕКЕНА читайте в следующей главе.

На третье обвинение в том, что он получил пленных и Вампум врага, которые принадлежали обычным людям и, тем не менее, были монополизированы им самим; Каноникус ответил, что, хотя он и Миантономо заплатили своим собственным воинам много сотен сажений вампума, он никогда не получал ни одного пекота или ярда бус. Миантономо добавил, что он не получил ничего, кроме одного маленького подарка, от четырех женщин с Лонг-Айленда, которые не были пекотками, но с этого острова, и которые ради безопасности таким образом отдали себя под его защиту.

Другие факты, если не мнения, появляются в некоторых ранних летописях, которые привели бы к аналогичным выводам относительно верности вождей Наррагансеттов. Губернатор Уинтроп пишет в своем дневнике за февраль 1637 года: "Миантунномох и другие прислали двадцать шесть человек с сорока саженьями вампума и рукой пекота". В марте он записывает разведданные, полученные из того же источника, относительно движений Пеко, с предложениями новой помощи. 22 числа того же месяца "Миантунномох прислал нам известие, что Мейсон застал врасплох и убил восемь пекодов" и т. Д. Снова, тем же летом, "Миантунномохприслал сюда несколько скво племени пекод, которые убежали от нас", а пять дней спустя "наррагансетты прислали нам руки трех пекодов" и т. Д. Два последних утверждения согласуются с заявлением сахемов мистеру Уильямсу, по-видимому, по тем же пунктам.

Мы видели, что Каноникус обвинил англичан в нарушении своих обещаний. Опуская доказательства этого заявления, невозможно, по крайней мере, усомниться в том, что оно было сделано с самой искренней искренностью. Только что процитированный автор, между прочим, сообщает нам в "Ключе к индийским языкам", что Каноникус в торжественном обращении к самому себе перед большим собранием однажды употребил следующее выражение— "Я никогда не терпел никакого зла, причиненного англичанам с тех пор, как они высадились, и

никогда не потерплю. Если англичане говорят правду, - добавил он, - тогда я сойду в могилу с миром и надеюсь, что англичане и мои потомки будут жить в мире и любви вместе". Мистер Уильямс заметил, что он надеется, что у него не было повода сомневаться в дружелюбии англичан. После этого саhem взял палку, разломил ее на десять частей и рассказал десять примеров, приложив палку к каждому случаю, который давал ему повод для опасений. Что касается некоторых из них, то впоследствии он убедился в своей ошибке и с готовностью признал себя таковым; но не во всех.

Правда, вероятно, заключается в том, что с обеих сторон были допущены провокации того или иного рода; но то, что у англичан были какие-то особые причины жаловаться, и особенно предполагать жестокое применение наказания или предотвращения, безусловно, не может быть допущено. Не сохранилось никаких свидетельств, подтверждающих такую позицию. Г-н Уильямс действительно признает, со своей обычной откровенностью, что отдельные наррагансетты, возможно, время от времени совершали правонарушения в "денежных вопросах или мелочной мести за себя некоторым индейцам *по чрезмерной провокации*"; но он также заявляет в том же абзаце, что он "еще не мог понять, ¹когда-либо было угодно ² Господу, чтобы он разрешил ³ наррагансеттам пачкать свои руки английской кровью, ни в открытых военных действиях, ни в тайных убийствах, поскольку и пекты, и Лонг Островитяне так и делали, и монхигганы тоже в ⁴ пекутских войнах. [FN]

[FN] Ср. письма.

Мы полагаем, что это утверждение не подлежит опровержению, и авторитет, безусловно, заслуживает доверия. Теперь, на мгновение, давайте рассмотрим другую сторону вопроса, имея в виду, насколько маловероятно, что при данных обстоятельствах история сообщит нам правду, и меньше всего правду целиком.

Некоторые примеры, о которых идет речь, уже приводились. Чрезмерная ревность и частые жалобы англичан сами по себе были рассчитаны на то, чтобы произвести, если не оправдать, то, что они ссылались на "губернатора Массачусетса", — говорит м—р Уинтроп в своем дневнике за 1638 год, - "написал также м-ру Уильямсу, чтобы он договорился с Мантунномохоб *удовлетворении или иным образом посоветовал им искать войны*". В лучшем случае это было суровое послание суверенному союзнику, который верно служил делу Англии. Единственная причина для этого, которая появляется в контексте, заключается в том, что Джанемо, вождь племени ниантик, как считалось, совершил определенные грабежи в поселении индейцев Лонг-Айленда, которые были данниками англичан. Теперь некоторые из этого племени, как мы видели, перешли под защиту Миантономо; и нет никаких средств определить, не чувствовал ли этот вождь в данном случае, подобно англичанам, себя ущемленным Джанемохом. Однако мы находим запись о том, что летом 1637 года Миантономо приехал в Бостон. Губернатор, заместитель и казначей поговорили с ним, и они расстались на справедливых условиях. По этому поводу он признал, что *вся страна Пекот и Блок-Айленд принадлежат англичанам*, и пообещал, что не будет вмешиваться в их дела, кроме как с их разрешения. "В конце концов, мы позволили ему исправиться *за зло, которое Джанемо и Кук Веквош причинили ему*; а за зло, которое они причинили нам, мы исправимся в свое время". [FN]

Незадолго до того, как вышеупомянутая жалоба, по-видимому, была подана через мистера Уильямса, последний направил губернатору Уинтропу следующее письмо. "Сэр, во всех этих краях поднялся большой шум из-за общего убеждения, что пришло время для всеобщей резни туземцев из—за убийства, совершенного четырьмя отчаявшимися англичанами в двенадцати милях от нас четыре дня назад над туземцем [Наррагансетт] в двенадцати милях от нас Старый туземец приходит ко мне и говорит, что туземцы вокруг нас обратились в бегство, рассказывая, что эти четверо убили индейца, который нес три бобровые шкуры и бусы для сына Канауника и вернулся домой с пятью саженьями льда. и три пальто; что трое туземцев, пришедших за ним, нашли его стонущим на тропинке; что он рассказал им и т.д." Подробности этого вопиющего надругательства даже над христианином и фамилии четырех убийц приведены с точностью, исключающей возможность ошибки. И все же мы не находим упоминаний об этой сделке в английских исторических источниках. Возможно, Миантономо подал свою жалобу в соответствующие инстанции, но безуспешно. Но более вероятно, что он молча перенес эту травму, как новое доказательство того, что его союзники превратились во врагов.

Тем не менее, не следует упускать из виду, что Миантономо никогда не отказывался дать все объяснения, для которых ему была предоставлена прекрасная возможность. [FN-1] Еще в 1642 году правительство Массачусетса направило к нему двух гонцов со статьями жалобы, требуя, чтобы он приехал сам или отправил двух своих главных советников к губернатору, чтобы удовлетворить некоторые предполагаемые претензии. Он явился на этот вызов незамедлительно и лично. По прибытии в Бостон он выступил в суде и потребовал, чтобы его обвинители предстали перед ним лицом к лицу; и что, если они не представят своих доказательств, они должны понести то же наказание, которое, по его расчетам, их обвинения должны были навлечь на него самого. Все в этом случае было серьезно и достойно. Его ответы давались с большой обдуманностью и только в присутствии сопровождавших его советников, чтобы они могли быть свидетелями всего происходящего. Два дня были потрачены на переговоры. Он отрицал все, в чем его обвиняли, и подтвердил — то, что мы уже предполагали, — что неблагоприятные для него сообщения были составлены и распространены либо Ункасом, либо кем-то из его людей. Следует отметить, что эти сообщения уже произвели такой эффект, что в это самое время жители Коннектикута настаивали на открытой войне с наррагансетами; и потребовалось все влияние властей Массачусетса (которые сомневались, "располагали ли они достаточными доказательствами намерений индейцев, оправдывающими войну"), чтобы предотвратить немедленные военные действия. Тревога была настолько велика, что в большинстве городов и плантаций были созданы убежища для женщин и детей. Были установлены маяки, готовые к запуску, а кузнецам было приказано отложить другие дела до тех пор, пока все оружие в колонии не будет полностью отремонтировано. Большое волнение вызвало в городах вокруг Бостона то, что бедняк на болоте в Уотертауне взывал о помощи к волчьему питомнику, который, как он слышал, выл вокруг него ночью. И хотя Массачусетс был против войны, "Тем не менее губернатор с магистратами до заседания суда сочли необходимым разоружить индейцев в колонии, чему они с готовностью подчинились". [FN-2]

[FN-1] "Когда к нему пришли гонцы, он отвел их в лес, взяв с собой только одного из своих главных людей, и дал им очень разумные ответы на все их предложения и т.д." *Победа. Дневник, Том II.*

[FN-2] Хатчинсон, Том I.

Миантономо, что было вполне естественно, не только заметил эти симптомы ревности во время своего визита в Бостон, но и остро почувствовал недоброжелательность, которую они подразумевали, и поинтересовался их причиной. Губернатор Уинтроп дал ему уклончивый ответ, которым, однако, вежливо заявил, что удовлетворен. Затем он пустился в серьезный спор, чтобы доказать, что подозрения, которые питались к нему, были несправедливы и объяснялись происками его врагов. Он предложил встретиться с Ункасом либо в Хартфорде, либо в Бостоне и доказать англичанам его предательство в их присутствии. Он должен быть готов приехать в любое время, добавил он; и это несмотря на то, что ему посоветовали больше не посещать англичан, чтобы они не схватили его лично. Он полагался на свою невиновность и *будет* навещать их всякий раз, когда сочтет это необходимым.

В целом следует признать, что в то время он получал совершенное удовлетворение. Учитывая развлечения, которые ему устраивали, и его огромную гордость за свой характер, это было все, чего можно было ожидать. "Когда мы должны были пойти обедать, — записано в Дневнике губернатора, — для индейцев был накрыт стол, чтобы они могли пообедать вдвоем, *и Миантунномо остался сидеть с ними.* Этим он был недоволен и ничего не ел, пока губернатор не прислал ему мяса со своего стола. Поэтому по ночам, и все время, пока он оставался, *он сидел на нижнем конце стола магистрата.* Но он не обратил внимания на унижение и расстался в хороших отношениях. "Мы дали ему и его советникам пальто и табак; и когда он пришел попрощаться с губернатором и теми магистратами, которые присутствовали, *он вернулся и снова протянул губернатору руку,* сказав, что это за остальных отсутствующих магистратов". Можно заметить, что экспертиза по этому делу, которая завершилась таким образом удовлетворительно для Массачусетса, была преднамеренной и тщательной. Суд был уже в сборе, когда он прибыл в Бостон; и еще до его прибытия были согласованы все пункты и порядок расследования; "Ибо мы знали его, - говорит губернатор, - как очень проникательного человека". [FN] Тот же авторитет признает, что в своих ответах он продемонстрировал "хорошее понимание принципов равноправия и справедливости, а также изобретательность в обращении с ними".

Фразеология, которая, как подразумевающая предубеждение, скорее более похвальна субъекту, чем автору. Хаббард описывает его как очень приятную личность высокого роста, "*утонченную и хитроумную в своих изобретениях, а также надменную в своих замыслах.*"

Нападение Миантономо на Ункас, независимо от заинтересованности в нем англичан, рассматривалось как моральное, если не юридическое оскорбление — неспровоцированная, беспринципная агрессия, порожденная ненавистью, завистью или, в лучшем случае, простым честолюбием. Но даже здесь мы не лишены доказательств, а также вероятности в пользу обвиняемого. Более чем в одном случае, если не в целом, вина была на стороне Ункаса; и, поскольку это правда, каждому читателю, естественно, должно прийти в голову спросить, выражаясь языком, примененным к аналогичному делу г—ном Уильямсом: "Скажите этим

субъектам, во что их превратило недавнее убийство^е Наррагансеттов (с которыми они заключили мир) без вашего^е английского согласия, хотя они все еще находятся под вашим английским именем?"[FN] Надо признать, это очень убедительный вопрос; и чтобы показать его актуальность для данной темы, давайте еще раз обратимся к нескольким фактам.

[FN] Мисс Письма, датированные 1654 годом.

Вскоре после Пекотской войны, когда вожди, помогавшие англичанам в ее продолжении, собрались в Хартфорде для раздела добычи, мистер Уильямс сопровождал Миантономо в его путешествии. "Между прочим", - говорит он ("останавливаясь в его доме на три ночи в лесу), мы встретили нескольких мужчин из Нанхиггонтика [Наррагансетта], жалующихся на грабежи и насилие, которым они подверглись от пекутов и Монахиггинсов по пути из Каннихтикута [Коннектикут]; также некоторые из вуннашоватукугов [подвластных Канаунику] пришли к нам и объявили, что за два дня до этого около шестисот шестидесяти пекутов, Монахиггинсы и их сообщники напали на нас. ограбил их и испортил около двадцати трех кукурузных полей; и ранил среди них четырех нанхиггонтиков; а также то, что они были в пути и ждали, чтобы помешать переходу Миантунномуэ в Куннихтикут, и некоторые из них угрожали сварить его в котле".

Поскольку эти известия были подтверждены различными источниками, мистер Уильямс и другие англичане из компании решительно высказались за то, чтобы повернуть назад и добраться до Хартфорда по воде. Но Миантономо объявил, что ни один человек не должен отступать; он будет строго следить ночью, а на опасных перевалах все сахемы должны идти с личной охраной, но они должны скорее умереть, как это сделал бы он сам, чем повернуть назад. Поэтому они двинулись дальше, англичане с Миантономо и его женой впереди, а по флангам - охрана из сорока или пятидесяти человек с каждой стороны, чтобы предотвратить внезапность. Они благополучно прибыли в Хартфорд, и конференция состоялась. Ункаса обвинили в попустительстве преступлениям его людей против Наррагансетов, и он выдвинул обвинения того же рода против Миантономо. Результатом этой гневной дискуссии было следующее. "Наконец мы заставили их пожать друг другу руки, Миантунному и Окасе; и Миантунному пригласил (дважды, серьезно) Окасе поужинать с ним, он и вся его компания (его люди убили немного оленины); но он не уступил, хотя магистраты убедили и его в этом".

Великодушие, проявленное вождем в этом случае, неизменно было заметной чертой его характера. Когда он посетил Бостон в 1640 году — как он делал всегда, по просьбе правительства Массачусетса — правительство сначала приняло его в Роксбери; но когда должны были начаться переговоры, он отказался обращаться к переводчику-пекоту. Поскольку губернатор не желал уступать ему в этом вопросе, поскольку, по-видимому, этого требовала хорошая политика, если не хорошие манеры, он внезапно отбыл в Бостон, даже не попрощавшись со своим хозяином. Последний проинформировал суд об этом поведении, "и не выказывал ему никакого одобрения и не допускал его обедать за нашим столом, как раньше, пока он не признает свой недостаток, что он с готовностью и сделал, как только ему дали это понять". Однако он заметил с некоторым достоинством, что, когда англичане посетят его, он должен с радостью позволить им использовать их собственный стиль, как они всегда делали.

Перед экспедицией против пекотов и Миантономо, и Каноникус выразили пожелание, чтобы, что бы ни было сделано с воинами врага, их женщины и дети были пощажены. В этой просьбе было что—то рыцарское - и, похоже, ее не скоро забыли, — что согласуется со всем, что известно об обоих этих вождях. Каноникус мог бы одним ударом подавить плимутскую колонию в 1622 году; но он счел более благородным официально уведомить их о враждебных намерениях через гонца; и когда он убедился, что *их* представили ему неверно, он, по крайней мере, перестал быть их врагом, если не стал их другом. В том же духе Миантономо, находясь под стражей у губернатора Коннектикута, предостерег его усилить охрану. Он открыто заявил — что было фактом, — что его подданные из Наррагансета предпринимали и будут предпринимать попытки его спасения.

В отчете уполномоченных за 1644 год содержится самое впечатляющее свидетельство того же благородного нрава. Наррагансеты, которые теперь постоянно жаловались на поведение Ункаса и его племени, выдвинули обвинение, среди прочего, в том, что последние присвоили некоторое количество вампума, которое было передано им в руки для выкупа Миантономо, когда вождь был еще жив. Невозможно точно установить, сколько правды может быть в этом утверждении. Однако комиссары сообщают, что они справедливо выслушали депутатов "Наррагансета", с одной стороны, и Ункаса - с другой. Таким образом, результат сформулирован следующим образом:

"Что, хотя от Вку и его людей поступило несколько сообщений о том, что за такое количество вампома и такие посылки других товаров большой ценности могли бы быть некоторые шансы сохранить ему жизнь, однако таких посылок привезено не было. Но Внку отрицает; а депутаты Наррохиггансета не были готовы ко всему, не говоря уже о том, чтобы утверждать, что какой-либо выкуп был согласован, и даже не начинался какой-либо договор об освобождении их заключенного сахема. И для этого вампомы и товары были отправлены, поскольку они были всего лишь небольшими парцеллами и вряд ли значительными для такой цели, часть из них была передана самим Мьянтиномо Внку, его советникам и капитанам, за какую-то услугу, оказанную в прошлом или на которую надеялись, *а часть была выкуплена и отправлена Внку и его Окружению за столь долгое сохранение его жизни и вежливое обращение с ним во время его заключения.*" Что может быть благороднее этого?

Теплая и постоянная дружба двух сахемов для самого Уильямса является достаточным свидетельством благородных натур. Каноникус сначала отнесся к нему с подозрением; "но с Миантунному, - пишет мистер Уильямс вскоре после его смещения, - у меня дела гораздо лучше. В последнее время он держал свой варварский двор в моем доме. Он с некоторым удовольствием навещает меня и прислал мне весточку о своем приезде примерно через восемь дней. Когда в Бостоне велись переговоры по мирному договору 1636 года, Миантономо, не будучи в состоянии в совершенстве понять все статьи или, возможно, не полностью доверяя правительству Массачусетса, пожелал, чтобы копия была отправлена его другу Уильямсу — было намекнуто, что, если *он* будет удовлетворен, с его стороны не возникнет никаких возражений или трудностей. Передача земель, о которых до сих пор говорилось, производилась для него с таким же чувством. "Род-Айленд можно было купить не ценой или деньгами, - говорит получатель гранта, - но это было приобретено любовью, той любовью и благосклонностью, которые этот уважаемый джентльмен, сэр Генри Вэйн, и я питали к великому

сахему Миантунному по поводу лиги, которую я приобрел в Пекодской войне. Индейцы очень стеснялись *продавать* земли кому бы то ни было и предпочли предоставить их [в дар] тем, кого они затронули".

Можно было бы предположить, что мистер Уильямс обладал особыми возможностями для обучения сахемов доктринам христианства; но он не предпринимал особых попыток таким образом, и его доводы в пользу этого приведены в его "Ключе к языкам". [FN] Он замечает, что однажды слышал, как Миантономо беседовал с несколькими своими главными воинами о соблюдении английской субботы. В другой раз индеец из Коннектикута попытался в присутствии Миантономо оспорить доктрину мистера Уильямса о том, что души добрых людей должны попасть на небеса, а души нечестивых - в ад. - Наши Отцы говорили нам, - сказал он, - что все идут на Юго-Запад, и я верю этому. "И почему же, - спросил сахем, - ты когда-нибудь видел, как душа уходит на Юго-Запад?" На это другой возразил, что доказательства в этом отношении для индийской доктрины те же, что и для доктрины мистера Уильямса. "Ах! - ответил Миантономо, - но у него есть книги и письма, и одно из них создал сам Бог; он вполне может знать больше, чем мы или наши отцы". Этот анекдот, безусловно, свидетельствует о большом доверии сахема к своему английскому знакомому.

[FN] В 1654 году (Массачусетс) он пишет: "при моем последнем отъезде в Англию вы, Наригансеттские сачимы, и особенно Нанекуннат, настойчиво просили меня подать их прошение верховным сачимам Англии, чтобы они не были вынуждены отказаться от своей религии и за то, что не изменили свою религию, не подверглись вторжению войны; ибо они сказали, что их ежедневно посещают угрозы со стороны индейцев, которые пришли примерно из вашего Массачусетса, если они не будут молиться, чтобы война уничтожила их".

Мы завершим наши замечания по этой части нашего предмета обширным цитированием одного из писем, которому мы уже были так обязаны фактами. Это достаточно характерно как для автора, так и для вождей его друзей, чтобы вознаградить нас за труд прочтения. Предполагается, что оно было написано в октябре 1637 года.

"В последний день недели. Я думаю, 28-го числа 8-го.

-Сэр.

"Этому предъявителю, Миантунному, решившему отправиться с визитом [в Бостон], я осмеливаюсь попросить у вас совета относительно предложения, сделанного Канавником и им самим мне около полугода назад. Канауникус подарил мистеру Олдаму остров в заливе по имени Чибачувезе, *с условием, как кажется, что он будет жить там рядом с ними.* Господь (в чьих руках все сердца) обратил их привязанность ко мне, *они пожелали, чтобы я переехал сюда и жил поближе к ним,* я ответил еще и еще раз, что в настоящее время я не возражаю переезжать. Но если я получу это от них, я бы удовлетворил их за это, построил небольшой домик и завел немного свиней, понимая, что это подходящее место для хранения рыбы и хорошего корма для свиней. В последнее время я слышал, что мистер Гиббонс при случае выразил ваше и свое собственное желание завести несколько свиней на некоторые из этих островов, что с тех пор вызвало у меня еще большее желание заполучить их. Я поговорил об этом с этим сахемом, и он сказал мне, что *из-за запасов рыбы Канауникус желает, чтобы я*

взял половину (это с точки зрения зрелища и, как я полагаю, около мили или двух в окружности), а другую он оставил бы себе; *но я думаю, что если я пойду туда, то получу всю*. Ваш любящий совет, насколько он может быть безобидным, потому что когда-то он принадлежал (при невыполненном условии) мистеру Олдаму. Итак, с соответствующими приветствиями вам и миссис Олдам. Уинтроп, я отдыхаю

"ваше преклонение непритворно, насколько это возможно.

"Ро. Уильямс.

"Для его многоуважаемого Mr. Governour, these. }"

Особый абзац в предыдущем сообщении, адресованном тому же джентльмену, указывает на то, что автор приложил некоторые усилия, чтобы отблагодарить за различные оказанные ему услуги. "Сэр, если принцам что-нибудь пришлют [намекая на предлагаемые подарки], я нахожу, что Канауникус с радостью примет восемь или десять фунтов сахара, и действительно, он сказал мне, что поблагодарит господина губернатора за полную коробку".

В общем, мы не можем отмахнуться от биографии Миантономо, не признавшись в чувстве печали и даже стыда, возникающем при созерцании возвышенных черт, которые, безусловно, украшали его характер, по сравнению с позорной смертью, которую он встретил от рук своих союзников. Ученый редактор недавнего выпуска журнала Уинтропа называет это случаем "вероломства или жестокости, или того и другого". Он также выражает мнение, что аргументом, который действительно, хотя и тайно, настроил комиссаров против сахема, было его поощрение продажи Шаомета и Патуксета Гортону и его партнерам. Не заходя так далеко, нам может быть позволено сказать, что этот случай требует всех извинений, которые могут быть получены из-за большого волнения того времени, вызванного особенно мощью и передвижениями индейцев.

Таково, по-видимому, было мнение губернатора Хопкинса, который, как следует заметить, также предлагает новое объяснение поведения колоний по отношению к вождю Наррагансеттов. Мы не считаем себя вправе опускать или сокращать его красноречивую и щедрую дань памяти последнего.

[FN] Смотрите его *Отчет о колонии Провиденс*, впервые опубликованный в "Провиденс Газетт" за 1765 год и сохранившийся в "Массе". Его. Колл. Он был губернатором Род-Айленда в течение девяти лет, но более известен как один из подписавших *Декларацию независимости*.

"Таков, - говорит этот выдающийся ученый и патриот, - был конец Мьянтиномо, самого могущественного индийского принца, с которым когда-либо имел дело народ Новой Англии; и это была награда, которую он получил за помощь им семь лет назад в их войне с пекотами. Несомненно, жителю Род-Айленда может быть позволено оплакать свою несчастливую судьбу и пролить слезу на прах Мьянтиномо, который вместе со своим дядей Конаникусом были лучшими друзьями и величайшими благодетелями, которые когда-либо были в колонии [R. I.]. Они любезно приняли, накормили и защитили первых поселенцев этой страны, когда те оказались в бедственном положении, были чужаками и изгнанниками, а все остальное человечество было их врагами; и этой добротой к ним навлекли на себя негодование соседних колоний и ускорили безвременную кончину молодого короля".

Ничего особо интересного нельзя добавить к истории Каноника после смерти его коллеги. В том же году к нему были отправлены гонцы, чтобы объяснить обстоятельства этого события и принять меры для сохранения мира. Говорят, что в 1644 году он подчинил себя и свою территорию правительству английского короля Карла I. Актом, датированным 19 апреля. В то время ему, должно быть, было около девяноста лет, и если он действительно осуществлял государственное управление, то, без сомнения, был более чем когда-либо расположен жить в мире со своими английскими соседями.

Отчет уполномоченных, назначенных в 1683 году Карлом II. расследовать претензии и титулы на СТРАНУ НАРРАГАНСЕТТ. 5-й том. из Мессы. Его. Колл. 1-й. Серии.

Мистер Уинтроп утверждает, что он умер 4 июня 1647 г. Мистер Хаббард говорит, что в 1648 году, и он был скопирован поздними авторами (включая Холмса;), но считается, что первая дата является более достоверной из двух. Один или два историка, похоже, действительно путают старого сахема с более молодым человеком, который был убит во время войны Филиппа могавками в июне 1676 года. Этот человек носил то же имя и, возможно, был одним из его потомков. За двадцать-тридцать лет до этого мистер Уильямс (лучший авторитет во всем, что касается Наррагансетов) пишет, что "их покойный знаменитый долгожитель Канноникус так жил и умер, и с той же самой почетной манерой и торжественностью (по-своему), когда вы укладывали Спать вашего Благоразумного Миротворца, мистера Уинтропа, они оказали честь этому, своему Благоразумному и Миролюбивому Принцу". [FN]

[FN] Ср. письма.

ГЛАВА XI.

Канонику наследовал ПЕССАКУС—МЕКСАМ—НИНИГРЕТ, Сахем ниантиков — Предложения, сделанные ими англичанам, и англичанами в ответ —Они начинают военные действия против Ункаса-Англичане решают начать с ними войну—Они идут на уступки—Их визиты в Бостон—

Последующие выступления против Ункаса. Вооруженный отряд направлен против Нинигрета и Пессака — их обвиняют в союзе с голландцами против англичан.

Строго говоря, в правительстве Наррагансетов не было *преемника* Каноника, поскольку происхождение, таланты и возраст этого сахема давали ему особое влияние на своих соотечественников, которым никто другой из них не мог обладать. Таким образом, после его смерти власть, которую он монополизировал в свое время, а впоследствии разделил с Миантономо и другими, вернулась к той форме господства (на полпути между олигархией и демократией, иногда доходящей до крайности), которая распространена среди индейских племен.

Одним из вождей Наррагансеттов после этого периода был его сын, Меххам, которого иначе называли Мексамо, Миксамо, Мейхаммо, а у Роджера Уильямса также Мрикса и Меджса. Учитывая множество его имен, он гораздо менее выдающийся человек, чем можно было бы предположить. мистер Уильямс, однако, ставит ему в заслугу то, что он унаследовал "дух дружелюбия своего отца" по отношению к англичанам. В другом отрывке, говоря о нипмаках, он говорит: "они, несомненно, подчинялись вам, нарригансеттские сахимы, *и особым образом Меджсе*, сыну Кавноника и покойному мужу этого старого Сква-Сахима, единственного выжившего". [FN] Это письмо датировано 7 мая 1668 года, Мексхэм, должно быть, умер до этого времени. Имя его вдовы и преемницы (иногда называемой Куайапен, а чаще Магнус), которая была очень энергичной женщиной, занимает немалое место в истории войны короля Филиппа. Возможно, позже у нас будет возможность упомянуть и о муже, и о жене.

[FN] CP. письма.

Более выдающимся персонажем был ПЕССАК, обычно считается, что он был братом Миантономо и, следовательно, *племянником* Каноника — более достоверная теория, чем теория Джонсона, который (в Чудотворном Провидении,) называет его *сыном*. Он родился примерно в то время, когда англичане обосновались в Плимуте, и, следовательно, ему было недалеко от двадцати лет, когда был убит его брат. Поскольку его имя связано с именем Каноника в акте 1644 года, упомянутом в предыдущей главе, можно предположить, что мантия Миантономо после его смерти легла на плечи Пессака. Скоро станет ясно, насколько сильно он был заинтересован и как сахем, и как брат в отмщении за это оскорбление.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Невозможно продолжить карьеру любого из этих вождей, какими бы выдающимися в истории ни были некоторые из них, не связав их не только друг с другом, но и с иностранной партией, имя которой еще предстоит назвать. Мы имеем в виду Нинигрета, главного сахема ниантиков, обычно считающихся племенем наррагансеттов, и, безусловно, самого значительного из всех, кто извлек выгоду из союза с этим народом. Миантономо говорил о них губернатору Уинтропу в 1642 году, "как о своей плоти, связанной постоянными смешанными браками"; и,

следовательно, губернатору было "нелегко заставить его *покинуть их*". Фактически, они были скорее союзниками, чем данниками Каноника при его жизни, и кровного родства, без каких-либо других уз симпатии, было бы вполне достаточно, чтобы поддерживать близкие отношения после его смерти. Принц утверждает, что Нинигрет был дядей Миантономо; но другие авторы представляют его как брата или шурина; и, особенно учитывая возраст сторон, последнее предположение гораздо более правдоподобно. И то, и другое объяснит уважение, которое он, как обнаружится, питал к памяти умершего вождя и к личности Пессака, живого брата.

[FN] По-разному озаглавлен разными авторами.
например.

Нинигрейт, на	Хатчинсон.
Наинигретт,	Пекотская война Мейсона
Ниникрит,	Хаббард.
Ниникрафт,	Же и другие.
Найнеград,	князь.
Неинтегрированный и Неинтегрированный, и т.п.,	Опасный.
Нанекунат, Ниниглуд, и др.,	Р. Уильямс и другие.

Впервые мы слышим о Нинигрете в 1632 году, с этого времени по 1635 год велась ожесточенная война между Наррагансетами и пекотами. Говорят, что он не принимал в этом никакого участия; и справедливый вывод состоит в том, что из своего отношения к первым он не испытывал никакой необходимости и, вероятно, не был обязан помогать им.

Аналогичный вывод можно сделать из раздела пленных, произведенного в конце войны 1637 года, когда за заслуги Нинигрета было пожаловано двадцать пекотов — точно так же, хотя и не в той же мере, как за заслуги Ункаса и Миантономо. Однако, как и последний, Нинигрет не принимал личного или активного участия в той войне; и, как и он, он позволил своим подданным идти добровольцами под командованием Мейсона. Мистер Уолкотт, таким образом, упоминает его по случаю прибытия Андерхилла на его территорию, [FN] на *его* пути к Пекотам:

Основная резиденция Нинигрета и центр его владений находились в Векапауге, ныне Вестерли, Р.И. Ранее это была часть Стонингтона, Коннектикут.

"И вскоре, проходя через это графство, они встретили *принца Наррагансетта*, гордого Нинигретта, которому англичане говорят: " Мы ведем эти вооруженные таким образом отряды в ваши земли Без намерения причинить вам вред, а только для того, чтобы вторгнуться во владения врага; Вы, кто ценой стольких кровопролитий долгое время порождает их злых соседей, поприветствуйте нас и хорошо извините, что мы таким образом договорились о встрече и т. Д."

[FN] "Краткий отчет об агентстве почтенного. Эскавайр Джон Уинтроп. при дворе короля Карла ВТОРОГО, год 1682; когда он получил хартию для колонии Коннектикут". *Том IV. Масса. Его. Колл.*

Если то, на что здесь намекается, было правдой, а именно, что пекоты были плохими соседями для ниантиков, как они, несомненно, были и для наррагансетов, то неудивительно, что многие из этих племен участвовали в английской экспедиции; и это указывает на гордость, если не великодушие, с другой стороны, что ни те, ни другие не согласились сражаться против общего врага обоих.

Из рассказа майора Мейсона об этом деле следует, что англичане восприняли эту независимость Нинигрета скорее с неодобрением. "В среду утром, - рассказывает этот писатель, - мы двинулись оттуда в Местечко под названием Наянтик, расположенное примерно в восемнадцати-двадцати милях отсюда, где в Форте жил еще один из этих наррагансетов; это была граница с пекотами. Они очень гордо направились к нам, не позволив никому из нас войти в их Крепость". После чего Мейсон выставил вокруг них охрану, запретив индейцам входить или выходить, и расположился по соседству на ночь. Был ли этот "Сахем" Нинигретом или одним из его подданных, поведение Мэйсона вряд ли могло произвести очень приятное впечатление на ум этого вождя. Возможно, если читатель примет это во внимание, это может пролить некоторый свет на последующие события.

Со времени смерти Миантономо все сахемы, о которых мы упоминали как о преемниках его власти, вступили в заметные сношения с англичанами. Нинигрет и Пессак, в частности, отличались постоянной серией споров попеременно с этим народом и могиганцами, а очень часто и с обоими. Они унаследовали сильное предубеждение убитого Наррагансетта против Ункаса и его племени; и самым горьким было то, что это предубеждение было вызвано самой резней.

Предвидя такой ажиотаж, уполномоченные сразу после приведения приговора в исполнение отправили гонцов к Пессаку, которым было поручено сообщить ему, что они слышали о ссоре между ним и Ункасом; и предложить ему послать делегатов в Хартфорд; те должны встретиться с делегатами от Ункаса, и таким образом все разногласия будут улажены. Соответственно, была согласована конференция, и она состоялась, как было предложено. Результат был изложен в отчете комиссии: "Они действительно требовали, чтобы ни они сами [Наррагансеты], ни Найантики не совершали никаких военных действий или нанесения вреда против Внкаса или кого-либо из его компании, пока они не подтвердят предъявленный выкуп и т. Д.". — намекая на утверждение о том, что Ункас присвоил деньги, переданные ему для выкупа Миантономо.

Следующее соглашение было подписано четырьмя "депутатами Наррохигансета", как они названы в Отчете. Следует отметить, что, хотя здесь якобы представлены "наянтикские сахимы", единственное доказательство, оправдывающее такую фразеологию, насколько нам известно, содержится в предыдущем заявлении (в Отчете) о том, что, когда были отправлены английские посланники с предложением об этой конференции, сагаморы Наррагансетта, "посоветовавшись между собой с Кинемо, одним из наянтикских сахимов", отправили сагамору и т. Д." Мы копируем *грамотно и пунктуационно*:

"Уитовисс, один из сачимов Наррохигансета, Пуммумш (псевдоним) Пумумше и Поупианет, двое капитанов Наррохигансета, были отправлены с двумя индейцами Наррохигансета в

качестве *депутатов от Наррохиггансетта и Наянтик* сачимов, чтобы подтвердить выкуп, который, как они утверждали, был дан за жизнь их покойного сачима, а также сообщить о некоторых других обвинениях, которые они имели против Внкуса Сачима из в заключение мохиггинсы пообещали и обязались (*в соответствии с предоставленными им полномочиями*), что ни один из наррохиггансетов или *наянтийских* индейцев не будет начинать войну с Мохеганом сачимом или его людьми до окончания следующей посевной кампании, и что после этого, прежде чем они начнут войну или вообще проявят какую-либо враждебность по отношению к ним, они за тридцать дней предупредят об этом правительство Массачусетса или штата Коннектикут.

"Хартфорд, XVII сентября 1644 года

"(Подписано пометками) СОУС-ПЮРЕ
 РАУРИАНЕТ
 ЧИМОУ
 ПУММУШ."

Это, учитывая соглашение, санкционированное Пессакусом, было, безусловно, максимумом, которого можно было разумно ожидать от него; ибо его стремление отомстить за смерть своего брата было так велико, что он сам отправил гонцов для переговоров по этому вопросу с правительством Массачусетса. Всего через месяц или два после этого события они получили от него подарок - шубу из выдры с вампумом стоимостью в пятнадцать фунтов. Были выдвинуты предложения о мире и дружбе; но была добавлена просьба, чтобы губернатор не помогал Ункасу, против которого он (Пессак) намеревался вскоре начать войну. Губернатор ответил, что он желает мира, но желает, чтобы все индейские племена, включая мохиганцев, были его участниками; и что, если Пессак не согласится на эти условия, его подарок не может быть принят. Посланцы сказали, что у них нет инструкций на этот счет; однако они вернутся и проконсультируются с Пессаком; а пока правителя попросили сохранить подарок, что он и сделал.

После этого (в апреле 1644 г.) и перед Хартфордской конференцией губернатор от своей стороны отправил гонцов к Наррагансетам, вероятно, чтобы разузнать о настроениях Пессака. Сначала они отправились в вигвам старого сахема Каноникуса, которого застали в таком дурном расположении духа, что он не впускал их (как они заявили) в течение двух часов, в течение которых они чувствовали себя не совсем в своей тарелке, поскольку были вынуждены терпеть проливной дождь. Войдя, они обнаружили его лежащим на своем ложе. Он принял их, хотя и не очень радушно, с целью направить к Пессаку; и его они прождали еще четыре часа. Когда он пришел, то отвел их в убогий вигвам и заставил проговорить с ним большую часть ночи. В целом, он, казалось, был полон решимости немедленно начать войну с Ункасом; не в манере миантомо, а путем высылки небольших боевых отрядов, чтобы отрезать разрозненных мохиганцев и помешать их охоте и рыбной ловле.

Есть основания полагать, что он либо предпринял, либо собирался предпринять какие-то меры в соответствии с этим планом; и что сообщение уполномоченных, следовательно, было скорее следствием, чем предвосхищением его действий. 23 апреля в Бостон прибыли гонцы от Помхэма, (вождя, о котором позже будет подробно рассказано, который перешел под защиту Массачусетса) с известием, что наррагансеты захватили в плен и убили шестерых мужчин -

могиганцев и пятерых женщин; и послали его с двумя руками и ногой, чтобы вовлечь его в войну. Если бы это утверждение было правдой — а мы не знаем особых причин сомневаться в этом, — комиссары, безусловно, могли бы считать, что им повезло в сдерживании военных действий, поскольку они это сделали в сентябре.

Они снова собрались в Бостоне в начале 1645 года; и снова были отправлены гонцы к Наррагансетам с указаниями впоследствии посетить мохеганцев, приглашая всех сахемов встретиться с ними для нового урегулирования трудностей. Инструкции, данные этим людям, подразумевают, что уполномоченные предполагали, что Пессакус в то время находился в состоянии войны с Ункасом — независимо от того, миновал ли "период посева" или нет, - но те же записи показывают, что гонцы привезли "письмо от мистера Роджера Уильямса, в котором он заверяет, что война *вскоре разразится* и что наррохиггансеттские сачимы недавно заключили соглашение о нейтралитете с Провиденсом и Таунами на Аквиднетт [Род] Айленде".

[FN] Смотрите отчеты Соединенных колоний. Опасность.

Таким образом, казалось бы, что договор еще не был нарушен, когда были отправлены гонцы. Пессак сначала сказал им, что он явится на вызов уполномоченных и что пока никаких операций против Ункаса проводиться не должно; но вскоре после этого он сказал, что его решение изменилось. Затем они отправились в Нинигрет. Он выразил большое недовольство по поводу определенной военной помощи, которую англичане послали для защиты Ункаса; и надменно пригрозил (сказали гонцы), что, если эти силы не будут выведены, он будет считать это нарушением договора. "Он раздобыл бы столько маухауков, сколько англичане смогли бы оскорбить [встретить] их, это превратило бы английский скот в кучи высотой с их дома, и ни один англичанин не должен был бы высунуться из своей двери, но он должен быть убит".

Встретив здесь такой прием, посланцы побоялись отправляться в страну Могеган, а потому вернулись к Пессаку и попросили его предоставить им проводника. Он предложил им старую пекотскую скво — в насмешку (как они предположили), — и даже пока они разговаривали, несколько его индейцев, стоявших прямо за ним, показались им довольно мрачными, к тому же они самым зловещим образом размахивали своими топориками.

"После чего", - говорится в Отчете [о возвращении гонцов], - "уполномоченные рассмотрели предлагаемые крупные провокации и необходимость, с которой мы должны столкнуться, чтобы начать войну против *Наррохиггансетов и т.д.*" было решено", во-первых, что наше обязательство обязывает нас действовать и защищать Сахема Мохегана. 2. Очевидно, что эта помощь могла быть предназначена не только для защиты его и его близких в его крепости или жилище, но (согласно общепринятому мнению о таких договорах или обязательствах, рассматриваемых с учетом обмана или его обстоятельств) для того, чтобы помочь ему сохранить свою свободу и имущество. Здли, Что этот человек должен быть быстрым, по крайней мере, он может быть проглочен в в темное время суток и поэтому прийти слишком поздно".

Упоминаемое здесь обязательство было заключено в Хартфорде в следующих словах: "Что если они нападут на Ванкувера, англичане будут наняты ему на помощь". Независимо от того, напали они на него или нет — и если напали, то при обстоятельствах, которые привели к такому *casus faederis*, чтобы оправдать вмешательство англичан, — и могло ли при каких—либо

обстоятельствах последнее оправдать отправку экспедиции, целью которой было "не только уничтожить мохеганцев, но и оскорбить наррохиггансетов, нянтиков и других их союзников". [FN] - нет необходимости сейчас это обсуждать. Мы также не будем выяснять, была ли, с другой стороны, возложена какая—либо вина на Ункаса, поскольку он сам тайно спровоцировал военные действия, что, как можно заметить, по своей природе нелегко определить.

[FN] "Инструкции для сержанта-майора Эдварда Гиббонса, главнокомандующего нашими вооруженными силами, и для тех, кто присоединен к нему в качестве военного советника". Опасность.

Велись приготовления к войне; но, по предложению некоторых представителей правительства Массачусетса, было решено сделать Наррагансетам еще одно компромиссное предложение, вернув в то же время, в виде манифеста, подарок вампума, "давно отправленный и оставленный посланцами от Пискуса [Пессака]". Между некоторыми посланниками и некоторыми сахемами состоялась конференция, на которой *г-н Уильямс выступал в качестве переводчика*, и результат почти неизбежно был мирным, некоторые из утверждений англичан (которые Бенедикт под присягой ранее подтвердил [FN]) были опровергнуты, говорится в отчете уполномоченных, а другие оправданы; и поскольку англичане желали дальнейшей конференции, было решено, "что главный сахем наррагансетов Писсикус и его старший сын Миксано Канаунакус и другие должны немедленно прибыть в Бостон для переговоров с уполномоченными по восстановлению и установлению мира".

[FN] *Отчет уполномоченных*, 1645 год. Здесь упоминается Бенедикт Арнольд, человек, проработавший посыльным в течение длительного ряда лет. По-видимому, он был в этом деле единственным свидетелем против сахемов; и к чему сводились его показания, мы уже видели.

Это обещание было добросовестно выполнено. Только что названные сахемы вместе с заместителем Ниантика появились в Бостоне через несколько дней, сопровождаемые длинной вереницей сопровождающих. Между ними и комиссарами произошла некоторая перепалка, в ходе которой последние обвинили их (как показано в Отчете) в том, что, несмотря на Хартфордский мирный договор, "они *этим летом* (1645 г.) в несколько раз вторглись во Внкус и к". Наконец, с большой неохотой, и "после долгих дебатов и некоторого частного совещания, которое они имели с сержантом Калликаттом, они признали, что не давали никаких обещаний или соглашений в вышеупомянутых войнах". Затем они предложили заключить еще одно перемирие, но это не удовлетворило комиссаров, и они хотели знать, что *будет*. После чего комиссары, "чтобы показать свою правоту, потребовали от них всего лишь две тысячи морских сажений белого вампона для их полного удовлетворения", помимо восстановления лодок и пленных, взятых у Ункаса, и возмещения всех убытков. Был составлен и, наконец, подписан всеми депутатами договор, содержащий эти и другие положения и предусматривающий, что выплата одним платежом должна быть произведена в течение двадцати дней. Для обеспечения безопасности были переданы четыре заложника, в том числе сын Пессака; английская армия была распущена; сахемы вернулись домой; и 4 сентября, которое было назначено для поста, теперь было приказано отмечать как день благодарения.

Мы сочли менее необходимым уточнять все положения этого "договора", поскольку обстоятельства, при которых он был заключен, равносильны, как нам представляется, такому принуждению, которое не только должно было привести в ярость сахемов, но и явно лишило силы сам договор. Этот вопрос, однако, мы оставляем на усмотрение каждого читателя, который потрудится ознакомиться с теми подробностями, которые здесь не могут быть изложены. Достаточно добавить, что сам Отчет, процитированный выше, показывает, что соображения (так сказать), на которых была основана вся сделка, потерпели неудачу или, скорее, никогда не существовали. "Признания", действительно, как и соглашения, при данных обстоятельствах мы ничего не значим; но даже они, как заявляют уполномоченные, лишь намекают на то, что наррагансеты вторглись в Ункас "этим летом" - то есть (насколько нам известно) после "посева", когда истек срок действия предыдущего договора, - и не тогда, когда англичанам, как мы видели, были сделаны предварительные и неоднократные заявления об их предполагаемых передвижениях. Нет необходимости делать замечания по поводу вторжения англичан или поборов депутатов в Бостоне.

Одним из положений договора было то, что Наррагансеты должны были встретиться с Ункасом в Нью-Хейвене в 1646 году, чего они не смогли сделать, хотя сам Ункас присутствовал на встрече уполномоченных в этом месте. Они также не выплатили вампум в соответствии с обещанием. Три взноса на сумму в тысячу триста сажень, которые теперь подлежали выплате, они отправили в Бостон на сумму в сто сажень - в основном, как говорят, в "старых чайниках", — оправдываясь бедностью и неспособностью Ниантиков внести свою долю. Столь незначительную сумму комиссары не приняли; и поэтому посыльные, которые привезли ее, продали свои котлы бостонскому жаровне и передали деньги ему на руки, чтобы они были выплачены, когда они принесут остаток долга. За Пессаком были посланы гонцы, но он так и не появился.

Вызов был повторен в 1647 году, 31 июля ", - Томас Стэнтон вернулся со следующим ответом Пессака. Когда Пессака обвинили в том, что он не встретился с комиссарами в Нью-Хейвене в прошлом году, его ответом было, что у него не было предупреждения. "Это правда, - сказал он, - я нарушал свой завет эти два года, и это было постоянной печалью моего духа. 2. в конце концов, причина, по которой он не приходит в это время, заключается в том, что он был болен и сейчас болен; если бы я чувствовал себя хорошо, сказал он, я бы пришел к ним ". Он также заявил, что *онкогда был заключен последний договор, он действовал в страхе перед английской армией*; [FN] и он предложил немедленно отправить Нинигрета в Бостон с полными полномочиями вести переговоры от своего имени.

[FN] Отчет правительства. за 1647 год. "Он говорит, что, когда он заключал свой договор, он сделал это из страха перед армией, которую он действительно видел, и хотя англичане сдержали свой договор с ним там и отпустили его от себя, все же армия должна была немедленно отправиться в Наррагенсетт и убить его там, поэтому комиссары сказали, что приложите руки к таким-то вещам, или армия отправится к Наррагенсеттам ". Превосходно изложено!

"Нинигрет", соответственно, появился 3 августа. Когда члены комиссии потребовали объяснений его прошлых невыполнений обязательств, он сначала сделал вид, что не знает, какие соглашения были заключены Наррагансеттами. Затем он обсудил этот вопрос и

поинтересовался, под каким предлогом первоначально был основан предполагаемый долг. Ему напомнили обо всех старых поводах для жалоб, включая его собственные заявления о враждебности по отношению к англичанам. В отношении последнего он сказал, что посланцы устроили ему провокацию. Что касается денег, то он считал невозможным когда-либо выплатить их, но, тем не менее, хотел знать, как обстоят дела с расплатой сейчас. При осмотре выяснилось, что Пессак в первый год заплатил семьдесят сажень вампума. Что касается чайников, проданных в "жаровни", то с тех пор это имущество перешло к некоему Уодди, бостонцу, за товары, украденные у него индейцем из Наррагансета. Нинигрет сделал исключение из этой процедуры. По его словам, это не было собственностью ни Пессака, ни вора; оно было передано на хранение в качестве частичной оплаты долга и таким образом должно быть получено. Добившись этого, он затем предложил отдать ему должное за сто пять морских сажень, присланных рукой индейца по имени Кутчамаквин. [FN-1] Было заявлено, что упомянутая сумма предназначалась в качестве подарка губернатору. Нинигрет, *—будучи вынужденным прояснить вопрос самому, ответил он, - его язык не должен противоречить его сердцу, пусть долг будет выплачен так, как это возможно, - он предназначил это для губернатора.* Он отправил десять морских сажень Кутчамакину на собственные нужды; но этот жадный индеец, недовольный столь щедрым поручением, присвоил себе все, кроме сорока пяти морских сажень, и "солгал" об остатке. Факты стали известны после перекрестного допроса, устроенного Нинигретом в присутствии членов комиссии. [FN-2]

[FN-1] Которого мы предполагаем, что он является Сахемом Брейнтри (недалеко от Бостона), так хорошо известного своим яростным противодействием проповеди мистера Эллиота, и называемого также Китчамакином и примерно полудюжиной других имен. Он подчинился правительству Массачусетса в 1643 году. Нил говорит, что вскоре после его появления на лекции мистера Эллиота и протеста против строительства города для индейцев-христиан в тех местах, которые он считал своими владениями, "он сам стал христианином". Но сам преподобный миссионер утверждает не так много. В том старом трактате "ЯВЛЕНИЕ СВЕТА" и проч. он говорит, что после некоей едкой речи, которую он воспользовался случаем произнести перед Сахемом, и вскоре после своего только что упомянутого замечания: "Старейшина Хит, по его наблюдениям, в нем произошла большая перемена, его дух был очень просветлен, и это заметно как на его лице, так и в осанке, *и с тех пор он все делает честно*". Мы рады оставить его таким — он умер вскоре после своего перевоспитания.

[FN-2] Опасность, Том II. стр. 80 (кварто 3d. 1794) "После этого за Катчамакином послали, и перед Найнгротом его допросили и т. Д. Сначала он настаивал и добавил к своей лжи, но в конце концов был убежден Ninegrate & c." Хорошая иллюстрация неуместности неявного признания заслуг в таких случаях.

Затем он попросил время для окончательного ответа, и уполномоченные дали ему день. Посоветовавшись тем временем со своими товарищами, он снова появился на следующее утро. По его словам, ему было жаль обнаружить, что бремя ведения бизнеса было переложено с плеч Пессака на его собственные, но он решил сделать все, что в его силах; и поэтому он отправит часть своих людей домой, чтобы взыскать задолженность перед англичанами. В течение трех дней он должен был знать результат, а через десять, по его мнению, вампум может быть отправлен. Сам он останется в Бостоне до этого времени и сообщит Наррагансетам об этом

соглашении. "Но если сумма сбора, - добавил он, - не достигнет причитающейся суммы, он пожелал немного потерпеть, будучи уверенным, что остаток будет вскоре выплачен и что англичане, во всяком случае, поймут его огромное желание полностью удовлетворить их". Уполномоченные приняли эти предложения, и Нинигрет отправил своего гонца.

Они вернулись 16 числа того же месяца, но привезли только двести саженей вампума. Уполномоченные пожаловались на этот новый дефолт, и Нинигрет был немного смущен. Он сказал, что это, должно быть, из-за его собственного отсутствия; но как бы то ни было, он хотел, чтобы Вампум, предназначенный, но еще не полученный в подарок губернатору, пошел в счет частичной оплаты долга. В остальном он просил отсрочки до следующей весны, когда, если она не будет полностью выплачена, англичане получают его страну и его голову. Соответственно, уполномоченные разрешили ему вернуться домой и дали ему двадцать дней на отправку в одну тысячу морских саженей; если он потерпит неудачу, он должен будет понести ответственность за последствия. Если он сделает все, что в его силах, и Пессак потерпит неудачу, как это было до сих пор, они должны наказать его и рассчитывать на помощь Нинигрета.

[FN] Рассказ, который можно считать курьезом, теперь выглядел так.

Мистер Пелхэм получил все почти два года назад, }	
сверх того, что было дано Внку }	70 морских саженей.
Оставлено Наррагансетами в }	
руках мистера Шримптона, в котлах и вампуме }	70 морских саженей.
В руках Катчамакуа от Найнегретта }	105 ду.
Получено от Найнегретта 16 августа 1647 г. }	243 1/2 ду.
Сумма составляет }	443.

На своей встрече в 1648 году уполномоченные получили информацию о новых передвижениях Пессака и Нинигрета, нарушающих общий покой. Говорили, что оба сахема уводят своих стариков, женщин и детей в болота, прячут кукурузу и готовятся к приему могавка, которого они наняли себе в помощь. Армия вторжения должна была состоять из восьмисот человек. У могавков было четыреста ружей и три фунта пороха на ружье. Нинигрет поинтересовался, будут ли англичане, вероятно, защищать Ункас, и, похоже, рассчитывал в этом случае на необходимость сражаться с ними. Племя Покомток также было привлечено к оказанию ему помощи. Но и они, и могавки в конце концов отказались от экспедиции из-за перспективы столкнуться с англичанами.

Но вскоре после этого некоторые наррагансеты совершили разбойные нападения на англичан; а что касается Ункаса, то враждебность по отношению к нему зашла так далеко, что он был очень близок к тому, чтобы лишиться жизни от руки индейца, нанятого для его убийства, поскольку был пронзен мечом в грудь, когда поднимался на борт судна на реке Темзе. На собрании уполномоченных в 1649 году он появился, изложил им свои жалобы и потребовал защиты своего союзника. Нинигрет также представился. Что касается найма индейца для убийства Ункаса, то, как он заметил, признание самого преступника было единственной уликой

в деле, и это было вытянуто из него могиганцами. Что касается задолженности вампума, о которой много говорилось, он полагал, что в измерении была допущена ошибка и что причиталось всего двести морских сажений, в то время как англичане в настоящее время признали получение в целом только тысячи пятисот двадцати девяти с половиной. Но комиссары были недовольны его ответом и поэтому снова приступили к энергичным приготовлениям к войне.

О мерах, принятых в 1650 году, можно узнать из следующего отрывка отчета уполномоченных за тот год. "Принимая во внимание жестокую наступательную практику наррагхаузетов, в результате которой они нарушили свои обязательства и стремились нарушить мир между англичанами и ими самими; и то, что они все еще откладывают выплату вампума, который так долго причитался [отправив всего сто сажений с момента последней встречи в Бостоне;] поэтому было сочтено целесообразным уберечь колонии от презрения со стороны индейцев и предотвратить их вторжение в упомянутый вампум, чтобы нанять других индейцев для объединения с ними против vs или Vcu ". , что двадцать хорошо вооруженных мужчин были отправлены из юрисдикции Массачусетса в Пессикус, чтобы потребовать упомянутый Вампум, длина которого составляет триста восьми морских сажений, и в случае отказа или задержки доставить его или долину в лучшем виде, который они смогут найти; Вместе с таким количеством, какое удовлетворит их расходы и т. Д."

Далее посыльным было приказано отправиться в Нинигрет и подать следующие жалобы. 1. Комиссарам сообщили, что он выдал свою дочь замуж за брата старого вождя пекотов Сассака и предъявлял некоторые претензии на территорию Пекотов. 2. Что *Уикуош* Кук пожаловался им на определенные претензии, полученные от него. 3. "Что примерно двенадцать лет назад кобыла, принадлежащая Элти Помари из Уинсора в Коннектикуте, была умышленно убита Пекиамом, индейцем-ньянтиком, братом Нинегретта, кобыла стоила двадцать девять фунтов, за что часто требовалось удовлетворение". и с. Затем они должны были потребовать уплаты всех причитающихся англичанам сборов, а также категоричных ответов на определенный список вопросов.

Отрядом, отправленным Массачусетсом во исполнение этих приказов, командовал майор Атертон. При встрече с Пессаком и изложении целей его визита завязалась некоторая перепалка. Пока воины Наррагансетта тем временем, казалось, собирались вокруг него, Этертон направился прямо к двери своего вигвама, выставил там стражу, вошел сам с пистолетом в руке, схватил Пессака за волосы и, вытащив его из числа своих слуг, заявил, что немедленно расправится с ним, как только заметит малейшую попытку его спасти. Этот смелый ход произвел такое впечатление, что все задолженности были оплачены на месте. Затем Атертон посетил Нинигрет и, изложив обвинения, подозрения и угрозы членов комиссии — хотя и не получив дальнейшего удовлетворения — вернулся домой. [FN]

Выражение Трамбулла таково: "Так энергично *завершив свое дело*, он вернулся целым и невредимым". *История Конн. Том I.*

В 1653 году уполномоченные отправили гонцов потребовать от Нинигрета, Пессака и Мексхэма ответов на следующие вопросы. Они приведены полностью в качестве любопытной

иллюстрации как политики первых, так и характера вторых. Цель и повод достаточно очевидны на первый взгляд.

"1. Нанял ли *губернатор* герцогства его [Нинигрета] и других, чтобы он заставил их сражаться против англичан, и сколько их?", - сказал он.....

"2. Не пытался ли губернатор герцогства организовать такой Заговор?

"3. Не получал ли он [Нинигрет] от герцогского губернатора ружей, пороховых пуль и мечей или каких-либо боеприпасов с этой целью; и сколько из указанного припасов для войны?

"4. Какие еще сахемы или индейцы, насколько он знает, так увлечены?

"5. Решен ли он сам или Остальные в соответствии со своим обязательством сражаться против англичан?

"6. Если бы настоял на своем, что, по его мнению, сделают англичане?

"7. Не безопаснее ли для него и его людей оставаться верными англичанам?

8. Обязалось ли герцогство защитить его и остальных индейцев от англичан?

"9. Если бы хауэ выступил против нас, спросите у вице-президента, на каких основаниях и в чем его вина?

"10. Считает ли он целесообразным прийти или послать своих посланников, чтобы дать удовлетворение по этим вопросам?

"11. Не нанял ли он могаков, чтобы они натравили его на нас?"

Ответ Меххама, как сообщили посланцы, на первый вопрос был таким. "Я говорю искренне от всего сердца, не скрывая, что мне неизвестно ни о каком подобном заговоре, который замышляется губернатором герцогства против моих друзей-англичан. Хотя я и беден, но ни товары, ни порох, ни шотт не привлекут меня к такому заговору ". Пессакус сказал: "Я очень благодарен этим двум мужчинам, которые прибыли с Массачусетса, и вам, Томас, и вам, Полл, и вам, мистер Смит, которые прибыли так далеко, как из Залива, чтобы донести до нас это послание, *и продемонстрировать нам все те вещи, о которых мы раньше не знали.*"

На второй вопрос Мэххэм ответил "Нет". Пессак сказал: "Что касается губернатора герцогства, *томы не хотим, чтобы о нем говорили какую-либо ложь*, хотя мы и находимся далеко от него, *чтобы угодить англичанам* или любому другому, кто приносит эти Сообщения. Губернатор герцогства никогда не предлагал ничего подобного ". Он также рассказал о очевидной глупости своего союза с отдаленным народом против своих ближайших соседей. На пятый вопрос он ответил отрицательно. На шестой, как он предполагал, уже был дан ответ. На седьмой он сказал: "Мы желаем сохранить это [мир] как можно ближе ко дню нашей смерти". Восьмой и девятый, Мексхэм и Пессак, думали, что они уже ответили. Что касается десятого, они ответили, что Пессакус *слишком стар*, чтобы "провести два дня вместе, но они пошлют несколько человек в Массачусетс поговорить с сахемами, которых они послали к мистеру Смигу, и Фолла своего человека, чтобы передать мистеру Брауну, что они любят английских сахемов и всех англичан в Заливе". Обвинение, подразумеваемое в последнем запросе, они категорически отрицали.

[FN], вероятно, предназначался для *слишком больных*.

Ответы Нинигрета, которые были приведены отдельно, тем более заслуживают внимания, что было известно, что он посетил Нью-Йорк прошлой зимой и был обвинен различными индейцами, включая некоторых жителей Мохегана, в заключении союза с голландцами против англичан. Он категорически отрицал такое поведение. "Но, - добавил он, - пока я был там, в индейских вигвамах, я встретил нескольких индейцев, которые сказали мне, что из Голландии прибыл корабль, который сообщил, что англичане и герцогство сражались вместе в их собственной стране, и что несколько других кораблей прибыли с оружием для борьбы против английского войска, и что им будет нанесен сильный удар, но *это* (сказал он) *я получил от индейцев*, и я не могу сказать, насколько это правда". Далее, на четыре запроса были даны отрицательные ответы. Что касается шестого: "Что я должен отвечать на эти вещи снова и снова? Что думают англичане, что я думаю, что они спят и позволяют мне делать их неправильно? Разве мы не знаем, что они не сонный народ? Англичане запрашивают порох, дробь и мечи. Неужели они думают, что мы сумасшедшие, если продаем нашу веру и веру всех наших родителей, детей и всех наших родственников и подвергаем нашу страну разрушению за несколько ружей, пороховниц и мечей? Что они будут делать хорошего, когда мы умрем?" Восьмому, девятому и одиннадцатому было отказано. Седьмому он ответил, что не знает причин для разрыва союза со своими старыми друзьями англичанами; и зачем ему вступать в союз с несколькими голландцами, находящимися так далеко, когда он живет по соседству *с ними*? Ответ на десятый вопрос озадачил бы самого загадочного политика современности. "Безразлично, может ли хи уйти или послать, но сам он ничего не знает о том, чем он обидел англичан, кроме того, что хи может уйти, и все же, будучи Безразлично сказанным, он послал бы поговорить с англичанами". [FN]

[FN] Мы копируем *знаки препинания* из архивов Соединенных колоний, хранящихся в коллекциях хазарда. Возможно, в этом проблемном предложении был виноват Переводчик.

Поскольку письма от уполномоченных были также отправлены сахемам, Пессак и Мексхэм в ответ сообщили, что они желают хорошего взаимопонимания и надеются, что оно может быть сохранено. Кроме того, они потребовали, чтобы англичане обнародовали *имена их обвинителей*, а также другие источники их информации об их предполагаемом союзе с голландцами. Нинигрет ответил следующим образом:

"Добро пожаловать в vs, и я любезно благодарю сахемов [магистратов] Массачусетса за то, что они выдвинули мое имя среди других, чтобы потребовать моего согласия на предложения; если бы кто-либо из других сахемов был в герцогстве, я бы опасался, что их безрассудство могло так или иначе причинить кому-то вред, но их там не было. *Я тот Человек, который сам приносит пользу*, поэтому я должен отвечать за то, что я делаю. Я подтверждаю слова аттерли Денни и протестую против любых подобных действий, совершаемых мной, или с моего ведома, или с герцогства. Что это за история об *этих великих слухах, о которых я слышал в Покатаке, о том, что меня следует убрать и что англичане поссорились со мной*. Я вообще не знаю ни одной такой причины для моей партии. *Это потому, что я поехал туда, чтобы принять физиотерапию для своего здоровья?* Или в чем причина, по которой я не нашел такого

развлечения у губернатора герцогства, когда я был там, чтобы найти хоть какой-то Повод поддержать меня в таком союзе против англичан, друзья мои. Была зима, и я простоял большую часть дня, стучась в дверь губернатора, но он не открывал ее и не позволял другим открывать, чтобы впустить меня. Я не привык встречать такую повозку у своих друзей-англичан". Посыльный, которого Пессак обещал прислать, был отправлен соответствующим образом. Англичане очень внимательно изучили его, но не выяснили ничего нового.

ГЛАВА XII.

Продолжение жизни Нинигрета и Пессака с 1653 года —Различные обвинения, депутации и враждебные движения между ними и англичанами—Спор между Нинигретом и Хармоном Гарреттом—Ходатайство о правосудии в 1675 году—Поведение Нинигрета во время войны Филиппа—Последствия этого—Его смерть—Смерть Пессака—Рассмотрены некоторые обвинения против первого—Его враждебность к Ункасу и жителям Лонг—Айленда, а также "Союз с голландцами"-Замечания о его характере.

В СЕНТЯБРЕ 1653 года были поданы новые жалобы на сахемов Наррагансетта и Ниантика. Комиссарам доложили, что они напали на индейцев Лонг-Айленда и убили двух сахемов и тридцать других человек. Это было сочтено делом, требующим их вмешательства; и, как обычно, были немедленно отправлены гонцы с требованием объяснений и сатисфакции под страхом того, что в противном случае уполномоченные "будут действовать так, как они найдут причину". Эти люди выполнили свое поручение и вернулись 19 числа того же месяца. По их собственным словам, они были приняты не очень любезно, да и вряд ли этого следовало ожидать.

Они заявили под присягой, что, въехав в страну Ниантик, они увидели около сорока или пятидесяти индейцев, все при оружии, которые подошли к ним, когда они проезжали мимо; и предводитель с ружьем в руке "отвел руку назад в присутствии сержанта Томаса Стонтон Уэйта и Валлентайна Уитмена, как будто он собирался взвести курок; Ричард Уэйт сказал, что этот человек выстрелит"; после чего англичане развернулись, подъехали к указанным индейцам, спросили, что они намерены делать, и уложили их в постель ". идти раньше, что некоторые из

них сделали, но другие не захотели; и в частности, упомянутый Капитан отказался. Англичане продолжали скакать по направлению к Нинигретту, но, въехав в Лес, бывшая группа индейцев сначала разразилась торжествующими криками. После того, как английские гонцы прибыли к большому отряду индейцев, все вооруженные, которые приказали им выйти и привязать лошадей к указанному им дереву, посланцы отказались это сделать. Затем индейцы попытались примириться с англичанами, чего они не потерпели, но, узнав, что Ниннигрет придет туда, они остались ненадолго, но Ниннигрет не пришел. Англичане сказали индейцам, что если они не смогут ни пройти, ни прийти Ниннигрет, то они вернутся домой. Индейцы ответили, что он скоро придет, но он не пришел, англичане выехали вперед и встретили Ниннигретта; индейцы бежали с обеих сторон, огибая местность, английские гонцы остановились, когда они встретили Ниннигретта, с которым было много вооруженных людей, и у него самого в руке был пистолет. Нинигретт усадил дуна и попросил их выйти, что они и сделали. Затем индейцы окружили их, и кто-то из них зарядил свои ружья порохом и пулями, а кто-то зарядил ружья. Англичане в то время, когда передавали свое послание Ниннигретту, его люди говорили так сумбурно, особенно тот, кто, по их словам, был мохауком, что они были очень расстроены ". [FN]

[FN] Эта Валентина, по-видимому, та самая, которую Нинигрет фамильярно называл "Фолл", а другой вождь - "Полл".

Впоследствии один из главных людей Нинигрета сообщил гонцам, "что вышеупомянутые мохауки пришли узнать, какие новости, поскольку *они слышали, что англичане идут войной на наррагансетов*, и, если это правда, мохауки принимают то, что направлено против наррагансетов, за нападение на самих себя". Покинув Нинигрет, два индейца с луками и стрелами в руках выбежали из леса и грубо спросили Стонтонна, куда он направляется, когда возвращается и какой дорогой ему следует идти. После этого сообщения члены комиссии решили немедленно начать войну, за исключением одного только мистера Брэдстрита (члена парламента от Массачусетса), который протестовал против такого разбирательства и тем самым предотвратил его.

В 1654 году комиссарам сообщили, что Нинигрет не только ведет военные действия против индейцев Лонг-Айленда, как раньше, но и нанял могавков, покомтоков и вампаноагов для оказания ему помощи. Они немедленно разослали гонцов, требуя его прибытия в Хартфорд и выплаты дани, которая, как они утверждали, так давно причитается пекотам, находящимся под его властью. Один пункт инструкций гонца был сформулирован следующим образом. "Что, если он либо сам немедленно приедет в Хартфорд, либо предоставит комиссарам какие-либо удовлетворяющие их гарантии для истинного и постоянного выплаты упомянутой Дани, комиссары немедленно подумают о том, как избавиться от упомянутых Пекотов каким-либо другим способом". 18 сентября о результатах собеседования был составлен следующий отчет.

"1. Когда Нинигрету сказали, что члены комиссии ознакомились с *письмом, которое он отправил губернатору Массачусетса* [FN] *относительно подозрений, которые у него были в отношении Ункаса*, он ответил, что ничего не знает об этом письме, и выразил большое удивление по поводу того, что в нем его обвинили".

[FN] Мы не видим предыдущих упоминаний об этом письме. Должно быть, это был один из многих случаев, когда члены комиссии были обмануты ложными показаниями.

Опять же, что касается предполагаемого против него нарушения завета, он пожелал узнать, кто может сказать, что у него в подчинении были какие-либо пекоты. 2. Мистер Итон и мистер Хопкинс, будучи оба в Нью-Хейвене, сказали ему, что он должен заплатить за Pequots только через десять лет. И 3. Эти десять лет прошли три года назад". [FN]

Такое соглашение было заключено в 1651 году между комиссарами, Ункасом и некоторыми людьми Нинигрета. Десять лет должны были начаться с 1650 года; но, вероятно, Нинигрет был либо неосведомлен, либо дезинформирован относительно этого условия. Часто договоры не понимались даже теми, кто их подписывал.

"3. Что касается жителей Лонг-Айленда, то он ответил следующим примечательным образом: зачем ему сообщать об этом комиссарам, когда жители лонг-айленда убили сына сахема и шестьдесят других его людей; и поэтому он не хочет заключать мир с жителями лонг-айленда, но желает, чтобы англичане оставили его в покое, и желает, чтобы комиссары не просили его ехать в Хартфорд; ибо он не знал, что ему там делать; он много раз бывал в Заливе, и когда был ранен, англичане не просили его ехать в Хартфорд. Там был Ункас; Джонатан [гонимый] спросил его, пошлет ли он двух или трех своих людей, которые могли быдействовать в его Риме, и направил коня, если бы он не поехал сам. хи ответил, что ему или его людям следует поступить в Хартфорде; Добавив, что если бы сыном вашего губернатора был слейн, и все остальные люди [вы] попросили бы совета у другой нации, как и когда исправиться; и агейн сказал, что он не поехал бы и не послал в Хартфорд.

4. Что касается индейцев с острова Вланд, то его ответ был таким: "они мои друзья и пришли, чтобы помочь мне в борьбе с жителями лонг-айленда, которые убили всех моих людей; почему я должен ознакомить с этим комиссаров; я всего лишь исправляю свой собственный конфликт, который жители лонг-айленда начали с меня".

Этот энергичный ответ, одного которого было достаточно, чтобы обессмертить Нинигрет, привел к открытой войне. В трех соединенных колониях был собран отряд войск и отправлен в страну Ниантик под командованием майора Уилларда из Массачусетса с приказом потребовать от Нинигрета подвластных ему пекотов, уже причитающейся с них дани, а также прекращения военных действий против индейцев Лонг-Айленда. В случае отказа выполнить эти условия они должны были силой принудить его к подчинению и уплате дани, а также взять заложников для обеспечения безопасности. Местом общего свидания был назначен дом Стэнтон в округе Наррагансетт. Прибыв туда, майор Уиллард обнаружил, что Нинигрет бежал в болото в десяти или пятнадцати милях от армии, оставив свою страну, кукурузу и вигвамы на милость захватчиков. К нему были отправлены гонцы, приглашавшие его на совещание и заверявшие в безопасности его персоны. Он ответил, что на его территорию и собственностьуже были совершены акты агрессии, и он не считает для себя безопасным посещать майора. Он также хотел знать, что послужило причиной нынешнего вторжения. Что он сделал с *англичанами*, что они так осаждают его?— В чем бы ни заключалась трудность, он был готов решить ее с помощью посыльных, но не лично.

День или два спустя, когда он все еще находился в непосредственной близости, к нему были отправлены шесть новых гонцов, только двое из которых после долгих споров с его охраной и разведчиками были допущены к нему лично. Они начали с того, что потребовали пекотов; на что он ответил, что большая часть этих людей уже покинула его — почти сотня дезертировала в английскую армию — а те немногие, что остались, охотились и бродили по стране. Однако он поставил свою точку в следующем соглашении, датированном 18 октября 1654 года.

"Когда уполномоченные соединенных Штатов Америки сообщили через своих Посланников, что я передаю англичанам всех захваченных пекотов в моей стране, я обязуюсь передать указанных пекотов в течение нескольких дней мистеру Уинтропу или капитану Мейсону, которые засвидетельствуют мою руку.

"Свидетель Томас Стэнтон и Валлентайн Уитмен Интерпретируют, а также свидетель Томас Блай".

Затем посланцы потребовали причитающуюся пекотам дань. Он ответил, что никогда не брался ее платить. "Почему же тогда, - спросили они, - вы заплатили эту сумму или ее часть в Нью-Хейвене?" "Потому что, - с готовностью ответил он, - я боялся, что у меня их отберут, если я этого не сделаю, и поэтому сделал подарок из своего собственного вампума, чтобы порадовать вас." Поскольку теперь комиссарам было запрещено вести военные действия против индейцев Лонг-Айленда, он некоторое время стоял молча, а затем спросил, правильно ли, что его люди — *такие люди*— должны потерять свои жизни и пролить свою кровь и не быть отомщенными. Англичанин заметил, что ему следовало бы обратиться со своими жалобами к уполномоченным; но на это он ничего не ответил, равно как и на бесцеремонное, если не сказать невежливое заявление посланцев о том, что в случае, если он еще раз причинит беспокойство кому-либо из друзей англичан, они должны немедленно взять на себя смелость насадить его голову на шест. Конференция закончилась тем, что они попросили его оплатить расходы на экспедицию, на что он отказался; "Хи не был причиной этого, но индейцы с лондж-Айленда убили его в Коннектикуте". Так закончилось дело. Комиссары осудили командира за то, что он пренебрег хорошей возможностью смирить беспокойного врага, но дальнейших строгостей не последовало. [FN] Они удовлетворились размещением вооруженного судна на рейде между Неантикутом и Лонг-Айлендом, получив приказ предотвращать враждебные действия со стороны Нинигрета и поощряя его индийских противников обещаниями английской помощи. В следующем году, когда Нинигрет продолжил свои атаки, они сочли себя обязанными предоставить его.

[FN] Сохранилась рукопись частного письма майора Уилларда (находится во владении мистера Шаттака, автора очень ценной истории Конкорда, которая, мы надеемся, вскоре будет опубликована), в котором, ссылаясь на эту экспедицию, он довольно загадочно говорит о том, что у него "связаны руки", Намекает ли это на его общие инструкции или на что-то более секретное, каждый читатель рассудит сам.

С этого времени жизнь Пессака и Нинигрета мало кого интересует. Время от времени мы слышим о них, но не более чем достаточно, чтобы указать на их существование. То ли они давали меньше поводов для жалоб, чем раньше, то ли англичанам в конце концов надоело

посылать им послания, установить невозможно; но, вероятно, доля истины в обоих предположениях есть.

Одна из последних депутатий в Нинигрет в 1656 году была вызвана жалобами, которые он подал англичанам на обиды, полученные от жителей Лонг-Айленда. Ему не удалось доказать их в том виде, в каком они утверждались, и члены комиссии воспользовались случаем, чтобы напомнить ему о его собственных обязанностях и неисполнении обязательств в своей обычной манере. Урок был повторен в 1657 году, тем временем произошло несколько стычек и нападений, которые грозили вызвать более серьезные разногласия между индейскими племенами. Самым примечательным обстоятельством, связанным с депутатией этого сезона, является несогласие комиссаров Массачусетса, которые часто имели случай расходиться во мнениях со своими коллегами относительно сношений с индейцами. Условия этого мнения, выраженные в записях, заслуживают внимания, поскольку проливают случайный свет на обвинения, выдвинутые против Ninigret.

"С этой целью, — говорят они, — ранее было отправлено много вестников от уполномоченных к индийским сахемам, но они редко обращались к ним, и теперь возобновлять агрессию, *когда сьюэролл сахемс и другие индейцы подали на Внкуса много жалоб на его гордые, дерзкие и насмешливые речи и вероломные действия, и с большой долей вероятности правдивых,* помимо его враждебных попыток Потунчить и т. Д., — Кажется несвоевременным; и по Здравому смыслу не может иметь иного завершения, кроме как *заявить: Сделать нас достойными уважения в глазах индейцев или привлечь нас к защите нашей чести в опасном месте и развязать войну против индейцев, причины которой мы едва ли можем удовлетворительно понять, и т.д.*" Очевидно, что в этом заявлении есть большая правда, а также некоторая суровость. Далее мы можем снова сослаться на то, что сказано относительно Ункаса.

Теперь мы обратимся к инструкциям гонцов, отправленных через два года после последнего упоминания посольства, просто чтобы проиллюстрировать стиль дипломатии, который все еще продолжал использоваться. Им было приказано "оказать помощь Нинигретту, Пессигу, Вокнокануту и остальным сахемам Наррагансетта и четко передать им следующее послание". Одна статья жалобы звучит так:

"Комиссары требуют девятисто пять сажений Вампама, заказанного ими для выплаты в прошлом году за дерзость, совершенную у ног миссис Брюстер, к ее великому ужасу, за кражу корн и т. Д. и другие оскорбления".

Снова: "Комиссары доу обвиняют Нинигретта в нарушении правила *высоком пренебрежении их приказом, посланным им майором Уиллардом шесть лет назад, не убеждать индейцев лондж-Айленда;* и доу считают, что это удивление индейцев лондж-Айленда нападением на Гулленд, а убийство их - дерзким поведением по отношению к англичанам и варварским и бесчеловечным актом; поэтому комиссары *предложили ему развлечься в лондж-Айленде,* если он осмелится и дальше пытаться напасть на них, прежде чем он убедит уполномоченных в справедливости своей ссоры, приказав тамошним англичанам оказать помощь индейцам и изгнать его оттуда ". Следует помнить, что Нинигрет всегда отрицал право англичан вмешиваться в это соперничество со своими соседями, хотя и объяснял им это, оправдывая себя тем, что он первым подвергся нападению со стороны своего врага. Совсем недавно он решил — вероятно, ради сохранения мира с англичанами — подать им жалобы; но поскольку он не смог их доказать (— и, без сомнения, они по большей части не поддавались доказательству

по самой своей природе), комиссары не обратили на его иск никакого внимания, кроме как послать Томаса Стэнтона и других немедленно объявить ему выговор за его нынешнюю наглость и старые грехи.

Тем не менее, он не был полностью обескуражен, поскольку ему не всегда удавалось добиться справедливости. В 1662 году комиссары были проинформированы о его намерении продать определенный участок земли, находящийся в его фактическом владении, на который, тем не менее, претендовал некто Хармон Гаррет, они послали ему — не сообщение с угрозами от Томаса Стэнтона, а "письмо из их рук, удостоверяющее претензию упомянутого Хармона Гаррета ", о котором стало известно Ниннигретту, упомянутый Ниннигретт через своих посланцев к комиссарам на их последней встрече в Плимуте предъявил претензии на указанную землю и перенес решение об этом на следующую встречу суда в Бостоне, *желая, чтобы упомянутому Хармону Гарретту было направлено уведомление о проведении упомянутого собрания уполномоченных.*"

Это благородное предложение было принято. Гарретт появился, и Нинигрет послал своего адвоката встретить его в Бостоне. Гаррет заявил, что его отец был великим сахемом и владел спорными землями, и что Нинигрет был младшим братом упомянутого Сахема. С другой стороны, *Корнман* от имени Нинигрета показал, что его хозяин владел указанными землями в соответствии с индийским обычаем, ему было позволено быть главным сахемом и он женился на сестре Хармона Гаррета; и что указанный Хармон был не всей [ниантиской] крови, потому что его мать была чужестранкой. Эти свидетельства были представлены устно дайверами-индейцами Наррагансетт и Пекот, а также Ункасом и другими в письменной форме. Члены комиссии решили, что это "не должно наносить ущерба титулу Ниннигретт, находящемуся во владении в результате какого-либо их действия, и что надпись, сделанная их рукой в Нью-Хауэне в отношении Хармона Гаррета, не была понята и не нанесла ущерба титулу и владению Ниннигретт, но призывает всех англичан воздержаться от беспокойства по поводу Ниннигретт". [FN]

[FN] Архивы колоний. Опасность, Том II.

Положительный эффект этого решения можно увидеть в почти полном молчании истории в отношении Нинигрета в течение следующих двенадцати или тринадцати лет, когда мы видим, как он уверенно и дружелюбно выступает вперед в аналогичном деле. Подробности лучше всего можно почерпнуть из письма, написанного мистером Джоном Истоном (вероятно, мировым судьей, живущим недалеко от сахема) губернатору колонии Плимут. Он работает следующим образом:

"Нинигрет, один из двух главных сахемов Наррагансеттов в нашей колонии, таким образом убедил меня написать вам, что, как он говорит, это индийский обычай или закон, согласно которому, когда люди какого-либо сахема изгоняются и выбрасываются на берег, или их товары попадают под Юрисдикцию любого другого сахема, или их забирают люди любого другого сахема, товары должны быть возвращены сахему, людьми которого они были; и этой весной двенадцать индейцев одновременно утонули в море, прибыв с острова, и часть их товаров попала под вашу юрисдикцию в Дартмуте; и он просит вас сообщить этим индейцам [в Дартмуте], чтобы они вернули ему все имущество утонувших, которое у них есть ". [FN]

Шестой том Мессы. Его же. Кол. 1-я серия.

Это письмо было написано в марте 1675 года, как раз накануне великой войны короля Филиппа. Дружелюбный настрой Нинигрета подвергся испытанию. Нипмаки, нашавеи, поконтоки, индейцы Хэдли и Спрингфилд, поканокеты Филиппа, племена Мэна и еще более близкие к дому наррагансеты были вовлечены в обычные противоречия того времени. Но Нинигрет остался верен англичанам; и хотя он лично не принимал участия в войне, некоторые из его воинов не раз отличались ревностным сотрудничеством со своими союзниками. Нинигрет был одним из подписавших июльский мирный договор, по которому Наррагансеты обязались сохранять нейтралитет; а в октябре его советник Корнман подписал подтверждение того же документа от своего имени в Бостоне с дополнительным соглашением о выдаче всех беженцев-поканокетов, которых можно было найти на его территориях. Несколько сахемов Наррагансетта сделали то же самое, но, похоже, только Нинигрет сохранил свою верность. В любом случае, только ему принадлежит заслуга в этом и вытекающая из этого выгода. Наррагансеты были полностью покорены, а их страна захвачена и покорена. Племя и территория Нинигрета были пощажены; и несколько их потомков жили на территории вплоть до 1738 года, когда в пределах Род-Айленда можно было найти лишь немногих представителей крови Наррагансетов, если таковые вообще были. [FN]

Дискурс века Каллендера.

Точное время смерти Нинигрета не зафиксировано. Маловероятно, что он прожил долго после войны Филиппа, по двум веским причинам. Впоследствии о нем редко упоминали, если вообще упоминали; и он, должно быть, был уже довольно преклонного возраста. Прошло уже более сорока лет с той пекотской войны, в дату которой он упоминается принцем. Пессак, должно быть, умер до войны Филиппа. Мы не находим его имени в колониальных архивах после 1658 года, хотя оно, несомненно, было бы среди подписей под последним упомянутым договором, если бы он был жив на момент его заключения. Англичане считали его лидером своего племени.

Тремя основными жалобами, выдвинутыми против Нинигрета, и причиной жестокого обращения, которому он подвергся со стороны англичан, были его враждебность к Ункасу, его сношения с голландцами и войны, которые он вел с жителями Лонг-Айленда. Что касается последнего, то уже было сказано достаточно. В одном только протесте членов комиссии Массачусетса содержится достаточно, чтобы показать, что у англичан были весьма незначительные причины для вмешательства, которое они предприняли. Они едва ли утверждали, что эти индейцы были их друзьями; но нет ничего более очевидного, чем то, что *такие* рассуждения, какими бы удовлетворительными они сами себя ни считали, могли только сделать их, по словам протестующих, "низкими и презренными в глазах индейцев".

"Поскольку не было выработано или доказано соглашение, — сказал мистер Брэдстрит из Массачусетса в 1653 году, — согласно которому колли обязаны защищать индейцев Лонг-Айленда от Ниннегретта или других, и, следовательно, нет причин втягивать их в их ссоры, мотивы которых они не могут хорошо понять: поэтому я не вижу достаточного обоснования для этого голосования".

Очевидно, что даже "обязательство" по соглашению защищать этих индейцев может не подразумевать *права* делать это с точки зрения других сторон, но, учитывая такое право как следствие достаточной провокации, все равно остается доказать, на какую сторону возложить вину за первое нападение. Нинигрет всегда утверждал, что действовал в целях самообороны, и, без сомнения, таково было его истинное мнение. Англичане только сделали ему выговор за старые счеты, когда он изложил им свои претензии, а затем послали вооруженное судно и отряд войск сражаться на стороне его врагов. Жители Лонг-Айленда рассказали другую историю; но это было в лучшем случае всего лишь свидетельство одного индейца против другого; и насколько на *их* показания, в частности, можно было положиться, видно из того факта, что в течение года или двух после того же случая они сами совершили самые вопиющие грабежи англичан. Трамбалл говорит, что в 1657 году, "после всех хлопот и расходов, на которые англичане пошли ради своей защиты, они стали буйными и нанесли большой ущерб жителям Саутгемптона".

В заключение этого обсуждения мы приводим несколько отрывков из рукописного письма Роджера Уильямса правительству одной из колоний, которое уже цитировалось. На нем стоит дата 5 октября 1654 года, и он был написан, чтобы предотвратить войну. [FN]

[FN] Полковник-ректор R.I.

"Причиной и Корнем всего^e нынешнего зла является^e Pride of 2 Barbarians, Ascassassôtick, y^eе,, Лонг-Айленда Сачима и Ненекунат из Наригансетт. Первый горд и глуп. Второй горд и свиреп. Я не видел его много лет, но от их трезвых людей я слышу, что он умоляет:

Во-первых, у^t Как ассасинист, очень Неполюценный Сахим (говорящий на^e английском) убил 3 или 4 своих соплеменников, и с тех пор у^t посылал ему вызовы и дерзания, чтобы сражаться и исправиться.

"2дли. Он, Ненекунат, консультировался с помощью торжественных посланников с главой английских губернаторов, майором Эндикоттом, тогдашним губернатором^p.^eе, который прислал ему Косвенное согласие исправиться.....

"3. После того, как он отомстил^e жителям Лонг-Айленда и увел около 14 пленников, он все же вернул их всех обратно при^eпосредничестве и желании^e англичан.

4. После заключения этого мира жители Лонг-Айленда, притворившись, что навестили Ненекуната на Блок-Айленде, в полночь убили из его наригансеттов около 30 человек, двое из них были очень известными, особенно сын Вепитиммока, которому Ненекунат приходился дядей".

Мистер Уильямс впоследствии говорит:

1. Я знаю, что говорят, что^e жители Лонг-Айленда являются подданными; Но я слышал, что в этом сильно сомневаются, и я действительно сомневаюсь, что какие-либо индейцы в этой Стране, оставаясь варварами и язычниками, могут с честью называться^e английскими подданными.

"2. Но скажите этим подданным, во что превратила их недавняя резня^е Наригансеттов (с которыми они заключили мир) без вашего^е английского согласия, хотя они все еще носят ваше^е английское имя?"

Что касается союза между Нинигретом и "губернатором герцогства", то был дан его собственный ответ на это обвинение. По крайней мере, будет забавно ознакомиться с некоторыми доказательствами, на которых это было основано. Нинигрет и Пессакус послали индейца по имени Авашоу к комиссарам в соответствии с их соглашением предоставить все возможное удовлетворение по этому вопросу; *"когда у того спросили, почему Нинигрет прошлой зимой отправился в Манхэттен*, он ответил, что Нинигрет сказал ему, что он отправился туда, чтобы излечиться от своей болезни, услышав, что там есть француз, который может его вылечить; что мистер Джон Уинторп знал о его отъезде; что он взял с собой тридцать сажень вампама, десять из которых он взял с собой ". он отдал Доктора и пятнадцать фунтов губернатору; и губернатор дал ему взамен убитого коутса, но не одно ружье, но тамошние индейцы дали Нинигрету два ружья ". Это было в 1653 году.

Незадолго до этого, по—видимому, Ункас— последний человек, на показания которого вообще следовало обратить внимание, - посетил губернатора Хейнса в Хартфорде и сообщил ему о визите Нинигрета к голландцам; а также о том, что он заключил с ними союз, закупил большое количество боеприпасов и вел переговоры с индейцами Нью-Йорка о войне против Ункаса и англичан. Более того, говорили, что Нинигрет послал в соседний Сахем за человеком, искусным в отравлении, и пообещал ему взамен сто сажень Вампума. Вампум был отправлен на каноэ, которое перехватил Ункас с семьей индейцами на борту, одного из которых его люди убили (согласно его собственному рассказу), а двое других признались во всем заговоре Нинигрета. Мы склонны считать, что это свидетельство следует принимать только в той мере, в какой оно направлено против самого Ункаса, показывая, что он взял на себя смелость, основываясь только на своих подозрениях, напасть на каноэ, принадлежащее Нинигрету, и убить одного из его подданных. Когда уполномоченные изложили эти обвинения Авашоу, только что упомянутому посланнику, и его особенно спросили, кто и что было в каноэ, он ответил: "что в отправленном обратно каноэ, которое захватили его люди, он отправил шестьдесят сажень вампама в уплату за два ружья, которые у него были от индейцев, когда он был в Монхатото, и остаток фисике, который у него там был". Когда его спросили, какую кукурузу отправил Нинигрет голландцамна судне, захваченном англичанами [казалось бы, еще одна агрессия], он сказал, "что он не собирался посылать зерно губернатору герцогства, но то, что было на борту герцогского судна, предназначалось для владельца судна, которое доставило его домой", Похоже, он вернулся по воде, в то время как некоторые из его людей шли пешком; и он заплатил за свой проезд зерном.

На этот раз Авашоу сопровождал индеец по имени Ньюком Мэтаксес. Средства, к которым прибегли для получения доказательств обвинения, далее иллюстрируются информацией, серьезно изложенной нам в Записях, о том, что этот парень "разговаривал с неким Джоном Лайтфутом из Бостона, англичанином, который, как говорит Лайтфут, сказал ему в Герцогстве, что герцогиня отрежет англичан от Лонг-Айленда. Ньюком также признается, что Ниннигретт сказал, что он слышал, что несколько кораблей должны были прибыть из Голландии в Монхатото, чтобы отрезать англичан; и что, когда упомянутый Ньюком жил в Саутхолде, индеец сказал ему, что герцогство выступит против англичан и перережет их; но они оставят мужчин, детей и ружья себе;Но капитан Симкинс и упомянутый Лайтфут доу оба утверждают, что

упомянутый Ньюком сказал им, что люди герцогства будут обращаться с ним, как раньше, хотя теперь он говорит об этом, что индеец мог бы ему помочь. Далее, упомянутый Новичок сказал капитану Симкинсу (как он уверенно утверждает), что, если он пойдет служить герцогству, герцогство будет выплачивать ему сто фунтов в год ". Мы полагаем, что не имеет большого значения, правильно ли вспоминал капитан Симкинс или нет, в любом случае его воспоминания ничего не значат. Нинигрет сам изложил суть сделки гораздо полнее, чем все эти свидетели вместе взятые.

Но допрос все еще продолжался ", - сказал Томас Стэнтон [переводчик], который также был там, чтобы предъявить ему обвинение. Поскольку упомянутый Новичок не смог снять с себя *вину* по предъявленному обвинению, комиссары тогда сказали Авашоу, что, если бы упомянутый Новичок не был Посыльным, посланным Ниннигрет хи, он не избежал бы какого-либо наказания, и поэтому они пожелали Авашоу сказать, что Ниннигрет Хи поступил бы правильно, отправив упомянутого Новичка обратно в vs, чтобы лучше *снять с себя все подозрения*." Этот маневр слишком смахивает на предлог для получения дополнительной возможности подвергнуть беднягу Новичка перекрестному допросу и сбить с толку; до сих пор ему удавалось делать достаточно четкие заявления.

Прежде чем покинуть город, Авашоу направил комиссарам запрос на еще одно собеседование; получив его, он поинтересовался, кто проинформировал их об этих делах против Нинигрета. В ответе они упомянули "нескольких индейцев, и, в частности, *индейца Монхеджа и Наррагансетта, захваченных Внкусом и его людьми*". Затем Авашоу потребовал возвращения вампума, захваченного этими людьми. Уполномоченные только сказали, что они еще не выяснили всю правду об этом деле; но когда они подумают об этом подробнее, он должен знать их решение.

Следующий забавный документ является прекрасным образцом показаний, представленных против Нинигрета другими индейцами. Это показания, взятые в мае 1653 года неким Адамом, о котором больше ничего не известно. После упоминания о том, что голландский губернатор натворил среди индейцев, что не соответствует нашей цели,

Далее хи говорит, что финансовый директор Ниннегретт [казначей] и губернатор герцогства ели два дня в закрытой комнате с другими Сагаморами; и ни с кем из них не разговаривал, за исключением тех случаев, когда они приходили за коулом, мясом или чем-то подобным, и в то время в руке Ниннегрет было замечено много севама [Вампума], и он ничего не унес с собой; Далее хи говорит, что Ронессок сказал Сагамору на острове лондж упомянутому Аддаму, что губернатор герцогства приказал ему лететь. за его жизнь; за то, что заговор теперь раскрыт; и, кроме того, Хи дейли сообщает, что они могли бы появиться и сейчас, потому что, когда хи будет отрезан, англичане вырезают их всех.

"Это было засвидетельствовано на борту " Тусона" возле " белого камня "

- до ДЖОНА ЛЕВЕРЕТТА
Уильяма ДЭВИСА."

Другим доказательством, на которое в значительной степени полагались, было отношение индейской скво к человеку в Уэзерсфилде (штат Коннектикут), которое в общих чертах

подтверждало, что голландцы и индейцы объединились против англичан. В конце концов, комиссары говорят: "*мы слышали*, что некоторые герцоги или кто—то из знакомых с монгольским картофелем говорят англичанам, что у них скоро будет ост—индский завтрак, на котором, как предполагается, они упоминают об ужасном заговоре и казни предателей в Амбоине И не стоит умножать индийские свидетельства, которые со всех концов страны публикует пресса колоний - [мы цитируем единственное определенное утверждение, которое мы можем найти] - девять индийских сагаморов, рассказывающих о монгольском картофеле, обошлись, по сути, без них. любое ходатайство или Награда от англичан направляют своих гонцов в Стэнфорд, заявляя и подтверждая, что герцогство успокоило их, пообещав им ружья, мечи, боевые доспехи и коутсы для уничтожения англичан" и т. Д. В отношении Нинигрет не имеет значения, сговорились ли эти сагаморы лгать или говорить правду. Мы также не намерены подробно останавливаться на этом древнем споре между колониями и голландцами. Достаточно заметить, что обвинения первых были официально и недвусмысленно опровергнуты последними. Губернатор Стайвесант в письме комиссарам от 26 мая 1658 года, написанном по приказу советника Новых Нидерландов, говорит:

"Что касается того, что произошло в бизнесе Амбойны в Ост-Индии, то vs неизвестно, и там не было никого из vs, поэтому мы предпочитаем отвечать на то же самое или беспокоить себя или vs этим.

"В частности, как заключают ваши Почитатели, примерно в январе с Севера прибыл странный индеец по имени Ниннигретт, представитель племени Наррагансеттов. Но он пришел сюда *письмом от мистера Джона Уинтропа*, в котором, насколько мы помним, причина его приезда была выражена так: "лечиться и излечиваться" и т.д. В целом, читатель "Нашего времени", ознакомившись с этими записями, вряд ли сможет согласиться с комиссарами дальше, чем оправдать их суровость по отношению к Нинигрету, как и их обращение с Миантоном, из-за их преувеличенных страхов.

Не будем тратить слов понапрасну на ссору с Ункасом. Нинигрет и Пессак, без сомнения, сочли обстоятельства дела Миантоном достаточным поводом для войны с англичанами. Но от этого они отказались; и даже обязались, по *их* просьбе, воздержаться от военных действий против Ункаса на несколько месяцев, выразив в то же время сильное желание поддерживать дружеские отношения с англичанами, если бы им можно было предоставить заниматься своими делами по-своему. Нет необходимости и возможности определять, с какой стороны началась провокация между этими сахемами и Ункасом. Было замечено, что последний допускал многие вольности, за которые англичане никогда не призывали его к ответу, а также некоторые, за которые они это делали; но о еще большем они неизбежно должны были оставаться в неведении. Истина, по-видимому, наиболее ясно изложена Хатчинсоном, который говорит, что, по-видимому, было бы хорошей политикой не вмешиваться в *эту ссору с индейцами*; но англичане боялись успеха наррагансетов, и поскольку они в целом поддерживали дело мохиганцев, опасались, что, как только они будут покорены, если не в ходе войны, наррагансеты и их союзники нападут на плантации англичан, против которых они тогда были особым образом разгневаны из-за войны. смерть Миантоном. Тот же историк признает, что наррагансеты с большой неохотой подчинились жестким условиям мирного договора 1645 года, и только из-за вооруженных сил, которые уже вторглись в их страну. Они, должно быть, сочли эту дань самым оскорбительным, насильственным наложением.

Отказываясь от изложения обвинений, которые Нинигрет выдвинул или мог бы выдвинуть, с другой стороны, против англичан, мы лишь заметим в заключение, что, что бы ни думали о его политическом курсе, в его личном характере есть черты, достойные уважения и даже восхищения. С его стороны было благородно, в соответствии с принципами воина и короля, отомстить, насколько он был в состоянии, за хладнокровную расправу над своим родственником и предшественником. Этой цели он добивался с неустрашимым мужеством и неутомимой энергией. Он с радостью избежал бы столкновения с англичанами, но он не пожертвовал бы своей честью ни ради своей дружбы, ни ради своих интересов. Дух, с которым он отражал их попытки вмешаться в его соперничество с жителями Лонг-Айленда, свидетельствовал о душе того же склада. Его рассуждения по этому поводу — при условии истинности его посылок, которые у нас нет средств ни доказать, ни фальсифицировать, — кажутся нам совершенно неопровержимыми.

ГЛАВА XIII.

Племя пекотов — Их первый вождь-сахем, известный англичанам, ПЕКОАТ—преемник САССАКУСА—Посольство, отправленное в Бостон в 1631 году—Резиденция и опорные пункты Сассака—Его первые контакты с англичанами—Убийство капитана Стоуна—Оправдание этого Сассакусом—Он предлагает мирный договор в 1684 году—Дважды отправляет депутатов в Бостон—Заклученный договор—Анекдоты—Его войны с Наррагансеттами—Новые разногласия с англичанами—Они посылают вооруженный отряд требовать возмещения ущерба — Поведение партии и его последствия—Война с пекотами в 1636 году—Политические движения Сассака—Английская экспедиция против него в 1637 году—Он побежден—Изгнан из своей страны—Убит могавками—Кратко рассмотрена английская политика в его случае.

Пекоты, или пекодсы, населяли ту часть южного побережья Новой Англии, которая сейчас находится в пределах штата Коннектикут. Говорят, что первоначально они были племенем, жившим внутри материка, и завладели лишь силой оружия обширной территорией, которую они занимали во время своего первого знакомства с англичанами. Они находились в зените своей славы и могущества примерно за сорок лет до этого периода и были тогда самым значительным племенем в Новой Англии, владея целых четыремья тысячами лучников. Их

основные поселения теперь находились около Нью-Лондона и Гротона; первый из которых был их главной гаванью и назывался их собственным именем. Индейцы Нипмак на севере все еще были их данниками. То же самое было с частью жителей Лонг-Айленда и большинством индейцев на реке Коннектикут. Из соседних племен только наррагансеты смогли успешно противостоять им, и против этого народа они вели непримиримую и почти нескончаемую войну.

Первым великим сахемом пекотов, известным англичанам, был ПЕКОАТ, от которого они, вероятно, получили национальное название. Судя по всему, он был великим воином. Он продолжал завоевывать, когда на побережье Массачусетса появились первые поселения англичан. Племя за племенем отступало перед ним по мере того, как он продвигался вперед, пока его ужасные мирмидоны наконец не оказались в положении, когда им было удобно расположиться на лучшей земле и под самым добродушным небом Новой Англии.

Еще в 1631 году Вагинакут, сахем одного из только что упомянутых изгнанных или подчиненных племен, отправился через пустыню в Бостон; и в сопровождении массачусетского сагамора и некоего Джека Стро (индейца, который ранее жил с сэром Уолтером Рэли в Англии) обратился к правительству Массачусетса с просьбой о союзе или помощи против Пекоата. Он красочно описал свою родину и пообещал, что, если кто-нибудь из англичан поедет туда и поселится, он будет снабжать их зерном и ежегодно выплачивать им восемьдесят бобровых шкур. Поскольку это предложение было отклонено, он пожелал, чтобы по крайней мере двум мужчинам было разрешено сопровождать его с целью осмотра местности. Он выказал большое беспокойство, чтобы добиться этой цели, но безуспешно; губернатор заподозрил какую-то хитрость и вежливо отпустил своего посетителя, сделав комплимент в виде хорошего обеда за его собственным столом. [FN]

[FN] *Дневник Уинтропа*. Однако Вагинакут упорствовал и добился успеха. Он отправился в Плимут, и губернатор Уинслоу по его предложению отправил туда группу людей, которые, как считается, были первыми первооткрывателями реки Коннектикут и прилегающих к ней районов.

Преемником Пекоата и последним, а также первым великим сахемом его племени, лично известным белым, был САССАКУС, прославленный воин, который, когда англичане основали свои поселения в Коннектикуте, вскоре после упомянутой выше сделки, имел под своим началом не менее двадцати шести сахемов, или военных капитанов, и мог в то время собрать, по самым скромным подсчетам, семьсот лучников. Место его главной крепости и резиденции находилось на красивейшем возвышении в городе Гротон, откуда открывался один из лучших видов на Пролив и прилегающую местность, какие только можно найти на побережье. Другой опорный пункт находился немного дальше на восток, возле Мистик-ривер; и он также был прекрасно расположен на покрытой зеленью возвышенности, постепенно спускающейся к югу и юго-востоку.

Сассакус и его воинственные пекоты - почти единственные американские вожди и племя, которые, судя по истории, с самого начала были настроены к закоренелой враждебности ко всем иностранцам. Они были, как замечает Трамбалл, людьми великого и независимого духа; они бесконтрольно завоевывали окружающие их народы и управляли ими. В особенности они смотрели на англичан как на не только чужаков, но и просто незваных гостей, не имеющих права или претендующих на право владения страной, которые, тем не менее, взяли на себя

смелость основывать поселения и возводить крепости по соседству с ними, не спрашивая их согласия, и даже вернуть индийским королям, которых они подчинили, их прежние земли и власть. При таких обстоятельствах неудивительно, что едва белые обосновались в пределах Коннектикута, как "этот великий, энергичный и воинственный народ, пекоты, начал убивать и грабить их, а также ранить и умерщвлять их скот". [FN]

[FN] Трамбалл.

И все же — оставляя в стороне общее преступление, совершенное или, по крайней мере, понимаемое как совершенное Сассакусом в процессе заключения соглашения без разрешения — неясно, была ли первая конкретная провокация предпринята с одной или с другой стороны. Известно только, что летом 1633 года некий капитан Стоун во время плавания из штата Мэн в Виргинию зашел в устье реки Коннектикут и был там убит туземцами вместе со всей своей командой. Трое из них, вышедших на берег убивать дичь, сначала были застигнуты врасплох и убиты. Затем сахем с несколькими своими людьми поднялся на борт и оставался с капитаном Стоуном в его каюте, пока последний не заснул. Затем сахем ударил его по голове; а его команда находилась в это время в поварской, и индейцы взяли те ружья, которые нашли заряженными, и напали на них. В этот момент весь порох на борту судна в спешке, вызванной внезапной тревогой, был случайно взорван. Палуба была взорвана, но большинство спасшихся индейцев вернулись, довершили резню и сожгли затонувшее судно.

Таково было английское описание процесса. У Пекотов была другая история. В октябре 1634 года Сассакус отправил гонца к губернатору Массачусетса с просьбой о дружбе и союзе. Этот человек принес с собой две связки палок, которыми он обозначил, сколько шкурок бобра и выдры даст его хозяин, помимо большого количества вампума. Он также принес небольшой подарок. Губернатор получил его и вернул шкуру лося той же стоимости, но вместе с тем послал Сассаку сообщение, что переговоры о заключении договора невозможны, если он не пришлет для переговоров подходящих людей, и притом в достаточном количестве. [FN]

[Ф. Н.] Уинтроп, Том I.

Соответственно, но через две недели (хотя расстояние до страны пекотов составляло пять дней пути) в Бостон прибыли еще два гонца, привезшие еще один подарок - вампум. В ответ на их повторное заявление им сказали, что англичане охотно пришли бы к мирным условиям с Сассакусом, но что, поскольку его люди убили капитана Стоуна, он должен сначала передать преступников в руки правосудия. Посланцы с готовностью ответили, что сахем, участвовавший в этой сделке, с тех пор был убит голландцами; и что все остальные преступники умерли от оспы, за исключением двоих. Они предполагали, что Сассакудасся, *если вина их будет доказана*. Они утверждали, что капитан Стоун, войдя в их реку, схватил двух их людей, силой задержал их и заставил вести судно вверх по реке. Затем капитан и двое из его команды высадились на берег, забрав проводников со все еще связанными за спиной руками. Местные жители напали на них и убили. Судно с остатками экипажа на борту было взорвано — они не знали, как и почему.

Это — по словам журналиста, который приводит подробности, — было рассказано с такой уверенностью и серьезностью, что англичане были склонны поверить этому, тем более что у них не было средств доказать его ложность. Международный договор был заключен на следующих условиях.

1. Англичанам - иметь в Коннектикуте столько земли, сколько им нужно, при условии, что они основывают там поселение; а пекотам - оказывать им всю возможную помощь.
2. Пекоты должны передать англичанам четыреста саженей вампума и сорок бобровых и тридцать выдровых шкур; и выдать двух убийц, когда за ними пошлют.
3. Англичане должны были немедленно послать судно, "чтобы торговать с ними как с друзьями, но не защищать их", и пекоты передали бы им все свои "обычаи".

Соглашение было составлено в письменной форме и подписано двумя посыльными со своими пометками. Главной целью, предложенной Сассакусом при осуществлении этого плана, по-видимому, была не помощь англичан в его войнах, а их торговля в мирное время. Он считал себя способным вести свои собственные сражения; и, возможно, не предпринял бы никаких попыток примирить даже англичан, если бы не поссорился с голландцами из Нью-Йорка, которые до сих пор снабжали его, и тем самым потерял свою торговлю, а также навлек на себя их враждебность.

Тем временем он, как обычно, вел смертельную войну с Наррагансетами. Уже на следующее утро после заключения договора, когда гонцы все еще оставались в Бостоне, пришло известие, что отряд из двухсот или трехсот человек из племени, названного последним, дошел до Непонсетта (граница между Милтоном и Дорчестером) с целью подстеречь и убить пекотов на их пути домой. Англичане немедленно отправили небольшой вооруженный отряд с просьбой о визите к Наррагансетам; и два сахема с примерно двадцатью своими людьми явились на зов. Они сказали, что охотились по всей стране и, согласно старому обычаю, приехали навестить индейцев в Непонсетте. Как бы то ни было, они показали себя вполне готовыми удовлетворить просьбы англичан, и пекотам было позволено беспрепятственно вернуться домой.

Отрывок из "Дневника Уинтропа", относящийся к этому случаю, иллюстрирует дух Сассака и его подданных. Губернатор конфиденциально сообщил наррагансетам, что, если им случится заключить мир с пекотами, они получат значительную долю только что присланного вампума. "Пекоты считали бесчестным предлагать им что-либо от себя, но были готовы, что мы дадим им это, и действительно предложили нам так много для этой цели".

Таким образом, дело оставалось до 1636 года. В течение того сезона некто Олдхэм, англичанин, торговавший в Коннектикуте, был убит группой индейцев с Блок-Айленда; говорят, что некоторые из них нашли убежище среди пекотов и находились под их защитой. Основываясь на этом факте и этом предположении, губернатор Массачусетса — мистер Олдхэм, проживающий в Дорчестере, — направил отряд из девяноста человек под командованием капитана Эндекотта, которому было поручено (как сообщает нам мистер Уинтроп) предать смерти мужчин Блок-Айленда, но пощадить женщин и детей, увезти их и завладеть островом. Оттуда они должны были отправиться к пекотам, "чтобы потребовать убийц капитана Стоуна и других англичан, а также *тысячу морских саженей вампума в возмещение ущерба* и т. Д. И нескольких их детей в качестве заложников, которые, если они откажутся, должны были получить это силой".

Нельзя упускать из виду действия, последовавшие за попыткой выполнить эти приказы. С Блок-Айленда англичане отплыли в гавань Пеко. Тут к ним подплыл индеец в каноэ и спросил, кто они такие и что им нужно в стране пекотов. Эндекотт ответил, что он прибыл от губернатора Массачусетса, чтобы поговорить с пекотскими сахемами. Индеец ответил, что Сассакус отправился на Лонг-Айленд, и ему было приказано передать сообщение Эндекотта другому сахему. Он вернулся на берег, а англичане тем временем высадились на берег. Гонец вернулся, и индейцы начали собираться вокруг англичан. Несколько часов прошло в беспорядочных переговорах, пока Эндекотт, теряя терпение, не объявил о своем поручении окружившей его толпе и в то же время не послал сообщение сахему, что, если тот не придет к нему или не удовлетворит его требования, он должен прибегнуть к насильственным мерам. Гонец, который несколько раз бегал взад и вперед между отрядами, сказал, что сахем выступит вперед, если англичане сложат оружие, индейцы также оставят свои луки и стрелы на некотором расстоянии.

Эндекотт был возмущен этим предложением, сочтя его предлогом для того, чтобы выиграть время. Поэтому он приказал пекотам убираться и беречь себя; по его словам, они посмели вызвать англичан на бой с ними, и теперь он готов к битве. Пекоты мирно отошли на некоторое расстояние. Когда они были на расстоянии мушкетного выстрела, "он двинулся за ними, полагая, что они выдержат это некоторое время, как они это сделали с голландцами", но все они обратились в бегство, выпустив несколько стрел в англичан, которые не причинили никакого вреда. Двое из их числа были убиты и еще несколько ранены; затем англичане подошли к их деревне и сожгли все их вигвамы и циновки. Ночью, заключает историк, они вернулись на свои суда; а на следующий день они сошли на берег на западном берегу реки, сожгли все свои вигвамы и испортили свои каноэ в этом районе; и так подняли паруса и прибыли в страну Наррагансеттов. Там они высадили своих людей, "и 14-го числа 7 ноября все они благополучно прибыли в Бостон, что было чудесным провидением Божиим, что ни один волос не упал с головы ни одного из них, ни одного больного или немощного человека среди них".

[Ф. Н.] Уинтроп.

О продолжении трагедии следует узнать из других источников. Отряд Эндекотта был направлен на усиление английского гарнизона в Сэйбруке. После его отъезда, защищенная от ветра гавань Пекот, часть этих людей отправилась на берег грабить пекотов и увозить их зерно. Их опустошительные действия были прерваны нападением этих индейцев. Перестрелка продолжалась почти до вечера, а затем обе стороны отступили, англичане с одним раненым человеком, а пекоты с неизвестными потерями. Мы привели подробности этой сделки (разумеется, в соответствии с английской версией), потому что это проливает свет на последующие отношения между Сассакусом и англичанами.

Каким бы ни было расположение пекотов до этой даты, впоследствии о них не может быть и речи. Они решили изгнать белых из пределов Коннектикута; и на достижение этой великой цели Сассакус теперь посвятил всю силу своих владений и всю энергию своей души. Форты и поселения подвергались нападениям со всех сторон. В октябре пятеро из гарнизона Сэйбрука были застигнуты врасплох, когда несли домой сено. Неделью спустя был схвачен и подвергнут пыткам капитан небольшого английского судна, а в течение того же месяца - еще несколько человек. Только что упомянутый гарнизон был настолько стеснен перед зимой (1636-7 гг.), что был вынужден почти полностью держаться в пределах досягаемости своих орудий. Их

надворные постройки были разрушены, а стога сена сожжены; и так много скота, которое не было убито, часто возвращалось ночью, утыканное вражескими стрелами. В марте они убили четверых из гарнизона и в то же время, окружив форт со всех сторон, бросили вызов англичанам выйти и сражаться, издевались над стонами и молитвами их умирающих друзей, которых они взяли в плен, и хвастались, что могут убивать англичан "*всех до единого*". Ничто, кроме пушки, заряженной картечью, не могло удержать их от того, чтобы выбить дубинками сами ворота.

Затем три человека были убиты на реке Коннектикут и девять - в Уэзерсфилде. Теперь ни одна лодка не могла безопасно пройти вверх или вниз по реке. Дороги и поля были повсюду забиты. Поселенцы не могли ни охотиться, ни ловить рыбу, ни обрабатывать землю, ни путешествовать дома или за границей, кроме как с риском для жизни. Днем и ночью велось постоянное наблюдение. Люди ходили вооруженными на свои повседневные работы и на публичные богослужения; и церковь охранялась во время богослужения. Вероятно, ни одна часть первых колонистов Новой Англии никогда так ужасно не страдала от войны с индейцами, как поселенцы Коннектикута в этот мрачный и страшный период.

Использование собственных подданных было не единственной мерой, принятой Сассакусом против своего цивилизованного врага. Он слишком хорошо знал их, чтобы презирать, как бы сильно он их ни ненавидел. Он видел, что с его стороны необходимо проявить всю изобретательность политика, а также доблесть воина; и поэтому он приступил к испытанию искусства дипломатии с той же хитростью и отвагой, в которых были уверены его сторонники на поле битвы. Предложение о наступательном и оборонительном союзе, которое он сделал своему давнему сопернику и врагу, главному сахему Наррагансеттов, было концепцией, достойной великой и благородной души. И таково было глубокое мастерство, с которым он поддерживал разумность этой политики, что (как мы видели ранее) сам Миантономо поколебался в своей благородной преданности делу Англии. Если бы не присутствие и влияние Роджера Уильямса, непревзойденное обращение Пеквота, должно быть, подтвердило бы его точку зрения.

Этот джентльмен в одном из своих писем, сохранившихся на Мессе. Записывает, пишет: "Что во время у^е Пекутских войн вашему уважаемому правительству было угодно нанять меня на^е опасную и беспроектную службу по ведению переговоров о Союзе между Вами и Наррагансеттами; когда^е посланцы^е *Narigansett's league against the English*) had almost ended y^{союз} Наррагансетт против англичан) чуть не положили конец my worck and life together. моей работе и совместной жизни."

Меры, принятые другими колониями вследствие описанного нами положения вещей, и подробности знаменитой экспедиции Мейсона слишком хорошо известны, чтобы их можно было подробно повторять. Борьба продолжалась недолго, но она потребовала самых серьезных усилий со стороны англичан; и не только Массачусетс и Плимут почувствовали необходимость помочь Коннектикуту в подавлении этого общего и ужасного врага, но и многие наррагансетты были призваны на помощь вместе с ниантиками, мохиганами и другими племенами, живущими на реке.

Сассак, должно быть, почувствовал, что действительно настал день воздаяния за все его древние победы и добычу. Каждый человек по соседству с ним, который пострадал или ожидал пострадать из-за его гордыни или власти, теперь с радостью стал свидетелем нападения на него нового врага; и многие воспользовались возможностью оказать личную услугу. Не менее пятисот индейцев различных племен сопровождали Мейсона в его походе на великую крепость Пекот. Многие из них, без сомнения, помнили старые времена так же хорошо, как и сам Миантономо, хотя впоследствии вели себя совсем по-другому.

Эти доблестные союзники так стремились выступить против пекотов, что ничто, кроме авангарда армии, не могло удовлетворить их за их собственное положение. "Мы надеемся", — сказали они (или что—то, без сомнения, имеющее эту цель)

"Мы надеемся, что это не оскорбит ни вас, ни ваших близких, Что самый почетный пост должен принадлежать нам".

После чего

Мейсон осыпает их высокими комплиментами И, чтобы подтвердить их, соглашается. Держитесь, *смелые люди*, говорит он, раз уж вы начали; я свободен; вы возьмете фургон ". Но... ("как мы всегда на собственном опыте убеждаемся, обмороженные листья не выдерживают ветра")

Эти грозные ветераны прошли всего несколько миль, когда все они пали в тылу, и, к несчастью, на таком расстоянии, что ни одного нельзя было найти. Они были во вражеской стране, и правда заключалась в том, что они

"—Так часто, к своему несчастью, Ощущали великую силу руки Сассака, Что теперь снова вынуждены терпеть то же самое, ужасный звук имени великого Сассака, Казалось, каждое мгновение бил по их ушам И наполнял их такими потрясающими страхами, Что внезапно они разбегались и пытались спрятаться Быстрее, чем листья в осеннем приливе". [FN]

Отчет Уолкотта.

Это было вечером. Когда англичане приблизились к крепости на рассвете, они остановились у подножия большого холма, и Мейсон послал приказ своим союзникам "подниматься". Спустя долгое время появились только Ункас и Веквош. "Где находится форт?" - спросил Мейсон. "На вершине того холма", - ответили они. "А где остальные индейцы?" Ункас сказал: "Они отстали, чрезвычайно напуганные"; и самое большее, что Мейсон мог заставить их сделать, это образовать полукруг на особенно почтительном расстоянии, с целью наблюдать за атакой англичан на вражеский форт и подстерегать тех пекотов, которые могли ускользнуть из их рук.

[FN] Смотрите "Краткую историю Пекотской войны: особенно о *памятном взятии их форта Мистик в Коннектикуте в 1637 году*, написанную майором Джоном Мейсоном, главным действующим лицом в ней, в роли главного капитана и командующего войсками Коннектикута: Бостон: Напечатано и продано С. Найлендом и Т. Грином в Queen St. 1736 ". Девизом этого

трактата является следующее. "Мы слышали ушами нашими, Боже... как Ты изгнал язычников рукою Твоею и насадил их; как Ты поразили народы и изгнал их" и т.д.

Автор книги "Первые плоды Новой Англии" называет этого человека знаменитым капитаном, достойным человеком с очень серьезным и трезвым духом. Он стал религиозным после войны в Пекоте, некоторое время жил среди белых, а затем проповедовал своим соотечественникам до самой своей смерти, которая была вызвана дозой яда, которым некоторые из них отплатили ему за его труды. Священник из Массачусетса говорит о нем в 1648 году: "Он любил Христа, он проповедовал Христа вдоль и поперек, а затем принял мученическую смерть за Христа; и когда он покрасился, отдал свою душу Христу, а своего единственного ребенка англичанам, радуясь надежде, что ребенок узнает о Христе больше, чем когда-либо знал его бедный отец".

Соппротивление было мужественным и отчаянным, но вся разрушительная работа была завершена немногим более чем за час. Масштабы и ярость пожара, разожженного нападавшими, отражение этой пирамиды пламени на окружающем лесу, сверкание и грохот оружия, вопли мужчин, женщин и детей внутри и крики союзников снаружи демонстрировали одну из самых ужасных сцен, которые когда-либо описывали перья ранних историков. Было сожжено семьдесят вигвамов и убито пятьсот или шестьсот пекотов. Родители и дети, саноп и скво, седовласый мужчина и младенец были похоронены в одних беспорядочных руинах.

В намерения Мэйсона входило обрушиться на оба главных форта врага одновременно; и, обнаружив, что это невозможно, он говорит: "мы были очень опечалены, главным образом потому, что там проживал величайший и кровопролитнейший сахем, *которого звали SASSACUS* Выполнение этого проекта избавило бы его от многих последующих потерь и труда. Этот великий воин был так мало обескуражен ужасным опустошением, уже произведенным среди его подданных, что немедленно по получении разведанных отпавил, возможно, лично во главе, подкрепление в триста воинов, которые очень близко преследовали англичан на протяжении шести миль, пока они продвигались к гавани Пеко.

Но прием, который этот орган встретил у англичан, довел их до отчаяния. Все оставшиеся силы нации направились к укреплениям Сассака и обрушили на его голову все свои жалобы. В своей ярости они даже пригрозили уничтожить его и его семью; и, возможно, только мольбы его главных советников, которые все еще поддерживали его в его несчастьях, предотвратили его убийство собственными подданными в его собственной крепости. Многие и так покинули его и нашли убежище среди индейцев Нью-Йорка. Затем форт был разрушен, а сам Сассакус с семьейдесятью или восьмьюдесятью своими лучшими людьми отступил к реке Гудзон.

Убить или захватить его в плен было теперь главной целью войны; и пекотов преследовали на запад, причем двум захваченным сахемам сохранили жизнь при условии, что они помогут англичанам заставить врасплох их царственного повелителя. Наконец враг был настигнут, и на болоте в Фэрфилде произошло крупное сражение, в котором было взято в плен около двухсот пекотов, не считая убитых и раненых. Было подсчитано, что в ходе войны было уничтожено семьсот человек. Как выражается Мейсон, они стали "добычей всех индейцев; и счастливы были те, кто смог донести их мысли до англичан, которые прибывали почти ежедневно в Виндзор или Хартфорд". Итак, Уинтроп пишет в конце лета 1637 года: "Индейцы все еще присылают головы и руки многих пекотов с Лонг-Айленда и других мест". и с. [FN]

[FN] Журнал, Том I.

Но Сассакусу не суждено было пасть от рук англичан, хотя тринадцать его военачальников уже были убиты, а его самого гнали от болота к болоту днем и ночью, пока жизнь не стала едва ли достойна усилий по ее сохранению. Даже его собственные люди боролись за его жизнь, до таких крайностей их довел страх перед англичанами. Некто Пеко, свобода которого была дарована ему при условии, что он найдет Сассака и предаст его, в конце концов преуспел в поисках. Он встретился с ним в одном из своих уединенных убежищ; но, обнаружив, что его замысел заподозрен, и не имея мужества, необходимого для нападения на воина, которого даже его враги из Наррагансетта называли "всеединым Богом", он оставил его ночью и вернулся к англичанам.

[FN] История мейсона.

В конце концов сахем был вынужден покинуть свою страну. Взяв с собой пятьсот фунтов вампума и сопровождаемый несколькими своими лучшими военачальниками и храбрейшими людьми, он искал убежища среди могавков. Эти дикари хотели проявить великодушие, чтобы приютить или даже пощадить грозного соперника, оказавшегося теперь в их власти из-за его несчастий. Он был застигнут врасплох и убит группой из них, и большинство верных товарищей, которые все еще следовали за его одинокими скитаниями, разделили с ним ту же печальную участь. Осенью скальп Сассакуса был отправлен в Коннектикут, а вскоре после этого его прядь перевезли в Бостон, "как редкое зрелище" (говорит Трамбалл) и верное свидетельство смерти смертельного врага.

Так погиб последний великий сахем пекотов; и так был стерт с лица земли сам этот гордый и воинственный народ, за исключением небольшого остатка. Этот случай требует лишь краткого комментария. Как бы это племя и их вождь ни были предрасположены относиться к англичанам, и как бы они ни относились к своим соседям-индейцам, они начали свои отношения с белыми, по крайней мере, внешне, в манере столь же дружественной и благородной, сколь и независимой. До заключения договора, действительно, жалобы возникли из-за убийства Стоуна; но у англичан вообще не было доказательств по этому делу, в то время как свидетельства Пекотов были, по их собственному признанию, убедительными, если не окончательными, в поддержку их невиновности.

Мы можем добавить, что это было подтверждено тем, что случайно стало известно о характере Камня. Губернатор Уинтроп, рассказывая о своем прибытии в Бостон в июне 1633 года на борту небольшого судна, груженного "зерном и солью", добавляет, что "губернатор Плимута послал капитана Стэндишавозбудить против него дело о пиратстве". Подробности обвинения излагать не нужно, поскольку всего через несколько месяцев после этого мы находим, что тот же человек упоминается как обвиняемый в другом печально известном преступлении; "и хотя оказалось, что он был пьян, и никакое деяние не было доказано, все же было сочтено целесообразным, чтобы он предстал перед судом" и т. Д. Он был оштрафован на сто фунтов и выслан из штата Массачусетс.

Что касается следующего зарегистрированного события — экспедиции англичан в 1635 году — мы должны только отметить, 1. Что требование тысячи сажень вампума, без каких-либо

обоснованных или даже предполагаемых причин для этого, было навязыванием и оскорблением. 2. Англичанам следовало бы, по крайней мере, найти время, чтобы повидаться с самим Сассакусом, поскольку его подданные имеют не больше власти, чем склонность вести переговоры без него. 3. Англичане без видимой провокации не только оскорбили, но и напали на пекотов, просто чтобы посмотреть, будут ли они "показывать бой", а затем сожгли их города и лодки; ни один волос на их собственных головах тем временем не пострадал, а сам Сассак все еще отсутствовал.

Воспользовавшись таким побуждением, вождь начал войну на уничтожение; и тогда действительно стало необходимо, чтобы одна из двух наций, о которых идет речь, была полностью выведена из строя. Нет, цивилизованный читатель сомневается относительно результата, который при такой альтернативе был бы наиболее желанным. Но, тем не менее, он может иметь свое мнение, уважая моральную пристойность, а также государственную политику мер, которые привели к этой ужасной необходимости. Тогда пусть будет раскрыта вся правда. Если будет обнаружено (а мы полагаем, что это должно быть), что под влиянием сильного и искреннего, хотя и пагубного возбуждения опрометчивость цивилизованной стороны была конечной причиной гибели дикаря, пусть эта несправедливость будет признана, хотя бы со стыдом и слезами. Пусть это будет искуплено, насколько это возможно. — единственно возможным сейчас способом — искренним суждением потомков и истории о достоинствах и неудачах обоих.

ГЛАВА XIV.

Территория Пекотов, на которую претендует Ункас—Его племя, семья и ранняя история—Заслуги в Пекотской экспедиции, вознагражденные англичанами—Эффект их благосклонности—Его соперничество с Миантономо и результат—Последующие войны и ссоры с различными племенами и вождями—Помощь, оказанная ему англичанами—Жалобы, поданные на него англичанами—Его христианство учтено—Его мораль—Доказательства его мошенничества, лжи, насилия, тирании, амбиций—Его заслуги и заслуги его племени перед англичанами—То, как он встретил выдвинутые против него обвинения—Хитрость и подобострастие — Его обращение с соседними сахемами—Различные переговоры с англичанами—Его смерть—Судьба его племени.

После завоевания пекотов вся их территория, площадью около тридцати квадратных миль, перешла к могиганцам. Наилучшего мнения придерживается то, что это племя изначально было частью нации пекот; и что их последующее название произошло от места их последующего проживания. Первым главным сахемом могеганцев, лично известным англичанам, был УНКАС, который был пекотом по происхождению и происходил из королевской линии как по отцу, так и по матери. Его жена была дочерью ТАТОБАМА, одного из пекотских сахемов. Вероятно, он сам был военным капитаном при Сассакке. Но когда англичане начали свои поселения в Коннектикуте, он был в состоянии восстания против него из-за какого-то недоразумения между ними, из-за которого либо он сам эмигрировал, либо Сассакус изгнал его из своих владений. В то время его влияние было незначительным; но его большой ум и честолубие вскоре сделали его ведущим сагамором могиганцев, поскольку впоследствии они сделали это племя ведущим в Коннектикуте. — [См. Приложение № 1.]

[FN]

ОНКОС.	<i>Экспедиция Мейсона в Пекот.</i>
БЕЗ КУПЮР.	<i>Уолкотт.</i>
В ПОРЯДКЕ.	<i>Роджер Уильямс.</i>
ОНКУС и ОКОКО.	<i>Уинтроп.</i>
УНКУС, УНКВАС, УНКОВА, и т.д.	<i>Опасность.</i>

Англичане были больше обязаны Ункасу за его ревностную службу в Пекотской войне, чем всем остальным индейцам вместе взятым, хотя поначалу у них были сомнения в его верности. Губернатор Уолкотт говорит:

"Именно здесь [в Хартфорде] Ункасс встретил армию, И у его ног было много крепких мохиганцев. Он идет к генералу [Мейсону] и заявляет, что пришел за нашей помощью в войне. "Это был тот Сагамор, которого гнев великого Сассака до сих пор держал в вассальной зависимости. Но, устав от его суровости, Он теперь восстает и бежит к англичанам. С веселым видом наш капитан обнимает его, И он и его старшие люди удостоиваются титулов; Но за ними приглядывают ревниво, *Чтобы все это не было совершено предательством.*"

Но вскоре он убедился, что его предположения были несправедливы. Могиганцы погрузились вместе с девяноста матросами Мейсона на борт "пинк", или "пиннас", и "шаллоп", которые из-за низкого уровня воды в реке несколько раз садились на мель. Индейцам не нравился этот новый вид мореплавания, особенно в той его части, которая касалась равнин и песков; и Ункасу еще больше не терпелось зарекомендовать себя активным началом войны. Поэтому он попросил высадить его и его людей на берег, пообещав снова присоединиться к Мейсону в Сэйбруке. Его просьба была удовлетворена; и он не только выполнил свое обещание, но, встретив по дороге значительный отряд пекотов, он напал на них с большим рвением и убил семерых из их числа — "на что, - говорит капитан Мейсон, - мы смотрели как на особое Провидение, поскольку раньше мы несколько сомневались в его верности".

Это хорошее мнение ежедневно подтверждалось разговорами и поведением сахема.

"Действительно, — добавляет наш автор в другом месте, — он был большим другом и оказал большую услугу — я никогда не забуду его". В начале кампании различные индейцы, участвовавшие в ней, были в приподнятом настроении. Они собрались в кольцо и один за другим торжественно заявляли, как доблестно они будут себя вести и сколько людей они убьют. Но Ункас говорил очень мало, пока Мейсон не спросил его, что, по его мнению, будут делать эти индейцы. "Ничего, — серьезно ответил он. — Наррагансеты оставят вас мужчине. Я могу только сказать за себя, что никогда этого не сделаю ". И он никогда этого не делал. Наррагансеты, которые хвалились примером, который они должны были подавать англичанам, воодушевляя их в нападении на врага, вскоре оказались в тылу, и многие из них вернулись домой.

Англичане продолжали маршировать по лесу при лунном свете, пока, обнаружив, что их полностью бросили эти отважные союзники, они не остановились и не послали гонцов узнать, что с ними стало. Наконец-то,

" — После долгого ожидания того же пришел верный Некасс и стойкий Векуаш, от которого генерал в строгих выражениях требует, где находится форт и каково их мнение об этом предприятии? и по какой причине они покинули свой пост [фургон] вопреки всем военным законам".

Из ответов, данных на эти вопросы, следует, что, как бы там ни обстояло дело с сахемами, индейцы в целом испытывали ужасный страх перед пекотами. Извинение, однако, было убедительным; "когда однажды они были помолвлены", — сказали они,

— ... трудно получить от них *разрешение отступить*,"

Но никакие подобные рассуждения не повлияли на решимость или верность Ункаса. Даже после большого успеха, сопутствовавшего нападению, большинство индейцев дезертировало или, по крайней мере, исчезло, опасаясь столкнуться с кочующими пекотами. Но Ункас оставался непоколебимым. Впоследствии он также нес активную службу против банды врага, обосновавшейся в Поукатуке вопреки условиям их подчинения англичанам; в тот раз он присоединился к своему другу Мейсону со ста его людьми и двадцатью каноэ.

Небольшая гавань в южной части города Гилфорд (штат Коннектикут) и по сей день носит название, полученное в честь одного из его достижений. Он и его могиганцы с несколькими англичанами, предприняв, когда враг бежал на запад, прочесывание берегов вблизи морей с целью отсечения отставших, подошли с Пекот-сахемом и несколькими людьми недалеко от этой гавани и преследовали их. Поскольку южная сторона гавани образована длинным узким перешейком, пекоты вышли к этому месту, надеясь, что их преследователи пройдут мимо них. Но Ункас, разгадав хитрость, приказал нескольким своим людям броситься в погоню, и враг, заметив это, переплыл устье гавани. Там их подстерегли и схватили, когда они высадились на берег. Когда был созван совет и сахем был приговорен к смертной казни, Ункас, как говорят, сам выстрелил в него стрелой, отрубил ему голову и водрузил ее в развилке большого дуба у воды. Череп пролежал там много лет, и с тех пор за гаванью закрепилось название Голова Сахема. [FN]

[FN] История Гилфорда, Массачусетс. Его. Колл.

Вознаграждением Ункасу за участие, которое он принял в этой войне, была часть территории пекотов (которую он впоследствии продал англичанам) и сотня пленников из этого племени; и это, наряду с честью покорить своего великого соперника пекотов и репутацией человека, находящегося на самых лестных и благоприятных условиях общения с англичанами, сразу сделало его личностью высокого достоинства и немалого влияния. Вокруг него начали собираться индейцы из соседних племен, и теперь он мог собрать четыреста или пятьсот воинов. Штат Коннектикут обращался с ним, делал ему подарки и разрешал ему осуществлять власть и передавать территорию во всех отношениях как независимой и суверенной власти, в то время как он в то же время пользовался их личным покровительством и защитой своего племени от их врагов.

В июле 1638 года Ункас лично посетил власти Массачусетса в Бостоне — единственный простой церемониальный визит, зафиксированный о нем в истории. Возможно, нам следовало бы сказать "показная церемония", поскольку, учитывая время, компанию и особенно поведение по этому случаю, не может быть никаких сомнений в том, что Сахем имел в виду цель, которая скрасила его долгое путешествие.

Его сопровождали тридцать семь человек и губернатор Хейнс, к которому он зашел по дороге. Он предложил губернатору Массачусетса в подарок двадцать саженей вампума, но, поскольку Суд был открытым, Совет счел уместным отказаться от него, "пока он не даст удовлетворения по поводу Пекодов, которые он сохранил" и т. Д. [FN] После этого он выглядел очень удрученным и даже сделал вид, что опасается, что его жизнь в опасности. Но он недолго пребывал в растерянности. Были представлены доказательства, опровергавшие основные подозрения, которые лежали на нем; и он пообещал передать свой спор с Наррагансетами на рассмотрение английского арбитража и следовать любому соглашению, которое они заключат в отношении его Pequots.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Подарок был принят, и примерно через полчаса он подошел к губернатору и обратился к нему в следующих выражениях: *"Это сердце, — сказал он, положив руку себе на грудь, — не мое, а ваше. У меня нет людей. Они все твои. Прикажи мне что—нибудь трудное - я это сделаю. Я не поверю словам любого индейца против англичан. Если кто-нибудь убьет англичанина, я предам его смерти, если бы он никогда не был мне так дорог."* Губернатор подарил ему красивый красный мундир, взял на себя расходы, связанные с его визитом, снабдил его провизией на обратный путь и общей охранной грамотой - и таким образом "он отбыл очень радостный".

Эта сделка проливает некоторый свет на то, что является, безусловно, самым необычным моментом в истории хитрого Сахема, а именно на то, что он неизменно поддерживал одновременно наилучшие отношения со своим цивилизованным союзником и худшие - со своими индийскими соседями. Последнее обстоятельство действительно естественным образом вытекало из первого; по причине которого, а также по другим причинам, частично объясненным выше, застарелая ненависть, которая так долго существовала между мохиганами и наррагансетами до их союза с англичанами или подавления общего врага всех, вспыхнула снова вскоре после мирного договора 1638 года и продолжалась с того времени до тех пор,

пока гордые наррагансеты, в свою очередь, не попали под власть англичан. Якобы (как мы видели в "Жизни Миантономо") война была вызвана ссорой Ункаса с Секассеном, на возмущение которого он пожаловался губернатору и суду Колонии. То, как высоко он ценил свое достоинство, видно из того, что он потребовал шестерых людей Секвассена за убийство своего подданного. С большим трудом его, наконец, убедили согласиться на убийство только преступника. Но Секассен возражал даже против этих условий, ибо он ничего не хотел делать, кроме как сражаться. Последовало состязание, и Ункас вышел победителем.

Описана его последующая война с Миантономо и события, последовавшие за его победой над этим грозным вождем. Начиная с этого периода, до тех пор, пока Наррагансеты оставались в состоянии послать армию в бой, ни Ункасу, ни его людям не было покоя ни днем, ни ночью. Англичане заключали перемирия и давали обещания между сторонами; но сила, которая налагала эти обязательства, или влияние, которое вызывало их, едва были сняты, как неугасимое пламя вспыхнуло, тем более яростно, что оно ненадолго погасло. Наррагансеты неоднократно вторгались в страну Мохеган в течение 1645 года, напали на Ункаса в его собственном форте, убили и взяли в плен множество его людей и, наконец, оказали на него такое давление, что и Коннектикут, и Нью-Хейвен были вынуждены послать войска ему на помощь, как это сделал ранее Хартфорд, чтобы помешать врагу полностью подчинить его и его страну.

В 1648 году могавки, покомтоки и другие племена были вынуждены выступить против него. Девять лет спустя он снова был осажден в своей крепости и снова спасен войсками Коннектикута; и уже в 1660 году та же чрезвычайная ситуация привела к тем же мерам. В тот раз он был осажден до тех пор, пока его провизия почти не иссякла, и он видел, что без скорой помощи он и его люди вскоре погибнут от голода или меча. В этой критической ситуации он нашел способ сообщить об опасности английским разведчикам, которые были высланы из форта Сэйбрук. Поскольку дело было срочным, некто Лефингуэлл, прапорщик гарнизона и смелый предприимчивый человек, нагрузил каноэ говядиной, кукурузой и горохом и под покровом ночи переправил его из Сэйбрука в Темзу, где у него был адрес, по которому все это можно было доставить в осажденный форт, стоявший у кромки воды. Враг вскоре убедился, что Ункас освобожден, и снял осаду. Говорят, что Сахем вознаградил Лефингуэлла за его услуги актом города Норвич. [FN]

[FN] Трамбалл.

И не только открытое и благородное оружие (как считали бы цивилизованные враги) было применено против Ункаса. Один из пекотов в 1643 году прострелил ему руку по наущению, как обычно предполагалось, Миантономо; и война с этим вождем была вызвана аналогичными попытками со стороны Секассена. Сахемы Наррагансетта наняли индейца, чтобы убить его в 1649 году, и тот преуспел настолько, что нанес ему рану в грудь мечом, которая некоторое время считалась смертельной. Также были опробованы колдовство и яд.

Тем временем предпринимались попытки подорвать его авторитет в глазах англичан; его враги полагали, и не без оснований, что лишение их защиты будет для него фатальным. Секвассен, чья ненависть была закоренелой, зашел в 1646 году так далеко, что разработал план убийства губернатора Хейнса и других главных жителей Хартфорда с целью свалить преступление на

Ункаса. Для ведения этого дела был нанят Ватохибро, индеец из племени вараноке; и они с Секвассеном, после того как все было улажено надлежащим образом, должны были укрыться среди могавков. Цена крови уже была заплачена поясами Вампума; но Ватохиброу требовалось мужество, чтобы совершить то, на что его толкнула только алчность. Передумав до сих пор, он вскоре вспомнил, что англичане наградили тех, кто раскрыл подобный заговор в прошлом; и, решив, что они сделают это снова, он отправился в Хартфорд и раскрыл все, что ему было известно. Немедленно были отправлены гонцы с требованием явиться к Секвассену, чтобы снять с него обвинение; но он счел более благоразумным избегать гонцов и поэтому остался безнаказанным.

Английские власти неизменно принимали к сведению все эти и подобные им действия; и, без сомнения, если бы не их вмешательство и ожидание его, имело бы место еще много подобных действий такого же характера, и в конце концов они могли бы увенчаться успехом. Таким образом, Ункасу необычайно повезло быть фаворитом своих первых союзников от начала до конца. Он не жаловался ни на какие обиды напрасно; и, как естественное следствие, он неизменно жаловался по хорошему поводу, а также часто по плохому или вообще без такового. Мохансик-сахем с Лонг-Айленда совершил правонарушения в отношении своих людей и немедленно "он желает, чтобы комиссары исправили его"; и немедленно назначаются четыре человека для осмотра Мохансика-сахема, "и если доказательства не помогут убедить его в этом, потребовать удовлетворения и, в случае обоснованного недовольства, добиться его успокоения; но если никакого удовлетворения не будет, приступайте к тому, чтобы сообщить ему, что они дают англичанам справедливый повод для правонарушения и принесут неприятности". сами по себе."

[FN] *Записи о колониях*: 1649 год.

Возможность того, что он может дать ложные показания против своих врагов и соперников, похоже, едва ли приходила в голову Комиссарам. После слухов о новых нападениях на рарагансетов на жителей Лонг-Айленда в 1653 году они послали гонцов к на рарагансетам, требуя их присутствия в Бостоне с целью положить конец ссоре. Этим посыльным было также поручено уведомить не только жителей Лонг-Айленда, но и Ункаса, что, если они или кто-либо из них обнаружит что-либо, "что может послужить основанием для обвинения или утверждения либо в "форменном", либо в любом другом", они должны направить свидетелей соответствующим образом - "и через Томаса Стонтон или иным образом вы должны уведомить капитана Мейсона, *Vncis & c.* что расследование может быть прекращено из-за отсутствия свидетелей или доказательств". Неудивительно, что Нинигрет спросил посланцев по этому поводу, после того как им рассказали об их поручении: "Почему англичане пренебрегают мной, и уважают жителей Длинных островов и мохегинцев, видя, что все вокруг любят меня и являются моими друзьями?" [FN]

[FN] *Там же* за 1653 год.

В 1654 году на самого Ункаса были поданы большие жалобы. По этому случаю, тот же гонец, посланный к казино Mohegan скачиваем было направлено Ninigret; но хотя бывший был

обвиняемой стороной, следует отметить, что своеобразное положение было размещать его, пока единственная в отношении Ninigret визит был, что "хи не может принести с собой aboute двадцать или тридцать человек; и не может Ньюком, или, как индейцы называют его, Mattackist, иди с ним, которые последний год gaue преступления АТТ Бостона". Ясно, что истец в этом иске не был фаворитом; и еще примечательно, что посыльному было поручено воспользоваться нынешним случаем, чтобы напомнить ему о его старых долгах и неисполнении обязательств и (как бы для предотвращения его появления) потребовать выплаты компенсации во время его визита. Ниже приведены инструкции для мессенджеров:

"Вы должны проинформировать как Внкуса, так и его брата Вовека, что уполномоченные получили информацию о какой-то их цели вторгнуться в Наррагансетты или Ниннигретт; они также слышали о некоторых разногласиях, возникших в последнее время между Внкусом и его братом, а также между ними и их людьми. Они не желают получать донесения без надлежащего расследования; поэтому они послали за Нинигреттом, чтобы лучше обезопасить индейцев с лондж-Айленда и выслушать то, что они могут предъявить против мохегенов, и уладить все остальные разногласия. Поэтому члены Комиссии желают и ожидают, что и Внкус, и его брат доу немедленно приедут в Хартфорд и т. Д. *Вы также должны проинформировать и Внкуса, и его брата [FN], и их людей, что английский король Внкус желает, чтобы он вел себя хорошо, и не потерпит несправедливости*". и с.

[FN] Вовек, очень беспокойный парень, в других местах известен под десятью или пятнадцатью другими именами.

Далее следуйте "Инструкциям для Джона Гилберта и Джона Бейли", *которые были отправлены продолжать укреплять его силы во время его отсутствия*.

"Вы отправитесь в Мохеген и проинформируете Внкуса и всех других индейцев, что вы должны проживать в его крепости у комиссаров всех Колоний, с намерением, чтобы Внкус и все остальные могли узнать о том, что англичане продолжают поддерживать его дружбу, пока он остается верным англичанам; и поскольку Комиссары сейчас послали за Внкусом, чтобы поговорить с ним о некоторых делах, вызывающих беспокойство, касающихся его самого, Ниннигрета и Вовека, и им сообщили некоторые подробности". если это может возникнуть в его отсутствие в ущерб ему, вы должны приложить все усилия, чтобы сохранить все в тайне и сообщить индейцам, что такие попытки будут оскорбительны для англичан". и с.

Похоже, не было никаких опасений, что во время отсутствия Нинигрета в стране Ниантик возникнут "стурры", хотя само сообщение было основано на слухах о готовящемся нападении на него со стороны другой стороны. Так, когда капитану Мэйсону в прошлом было поручено выступить против Нинигрета с вооруженными силами, ему было приказано "особо посоветовать, чтобы форт Внкус был защищен, когда какие-либо силы будут направлены против врага, чтобы хи и ви не получили большего урона от какой-нибудь индийской хитрости, чем противник". С той же целью можно было бы привести множество других решений и указаний.

В последние годы своей жизни Ункас был менее благосклонен к англичанам, чем раньше, по причинам, которые вскоре будут упомянуты. Однако он ни разу не шел на открытый разрыв с ними; и его подданные, хотя и часто проявляли дерзость, никогда не были враждебны.

Напротив, они во многих случаях помогали своему союзнику, Комиссары без колебаний уведомляли их, когда их услуги были бы приемлемы, и они без колебаний явились на вызов. Для такого рвения, направленного неизменно против их индийских соседей и, как правило, против их старых врагов, было бы легко привести несколько причин, кроме одной. Они считали, что им повезло в этих надежных и санкционированных возможностях мести и грабежа, даже если бы они также не были щедро вознаграждены покровительством англичан, которым они отвечали взаимностью во всех чрезвычайных ситуациях, возникавших у них самих. Их последние заслуги при жизни Ункаса были во время войны Филиппа, когда их отрядом командовал Онечо, сын Ункаса, и другие сахемы. Отец был тогда слишком старым человеком, чтобы выносить еще больший труд и усталость.

Было заявлено, что Ункас, по крайней мере, был убежден в истинности христианства и что он умер в вере; но мы опасаемся, что на эту информацию вряд ли можно полагаться. Единственное доказательство этого, которое мы видели, почерпнуто из следующего анекдота.

Летом 1676 года по всей Новой Англии царила сильная засуха, которая была чрезвычайно сильной в стране Мохеган. В августе кукуруза засохла, и плоды и листья опали с деревьев, как осенью. Индейцы были встревожены, но не знали, что делать. Согласно обычаю, они обращались к своим Повахам с просьбой ходатайствовать перед Великим Духом о дожде, по своему обыкновению; но эти люди трудились безрезультатно. Затем они отправились в английское поселение в Норвиче, и Ункас отправился с ними. Он сказал мистеру Фитчу, священнику в том месте, что у них тяжелый случай — Повахи ничем не могут им помочь — они должны обратиться к английскому Богу. Мистер Фитч назначил постный день по этим и другим предложениям. Погода в тот раз выдалась ясной, но на закате, по окончании религиозных служб, поднялось несколько облаков. Следующий день также был облачным. Ункас вместе со многими индейцами отправился в дом мистера Фитча и снова посетовал на то, что дождя очень мало. "Если Бог пошлет это, - сказал мистер Фитч, - не припишете ли вы это своим родителям?" "Нет, - ответил сахем, - мы сделали все, что могли, но все напрасно". Затем священник сказал ему, что если он сделает это заявление перед индейцами, они должны увидеть, что Бог делает для них. Затем Ункас обратился к индейцам с речью, в которой с особым акцентом признался, что если Бог дарует эту милость, то это не может быть следствием их могущества, а должно быть приписано молитвам священника. О дальнейшем мы знаем только, что на следующий день прошел такой обильный дождь, что река поднялась более чем на два фута.

Это свидетельство мало что доказывает. С другой стороны, сам мистер Фитч в письме, цитируемом Гукином, очень четко высказывает следующее мнение:

"Поскольку Бог призвал меня трудиться в этой работе среди близких мне индейцев, первое время я провел среди них в Мохике, где Ункас, его сын и Ванухо являются сахемами. Сначала они несли это поучительно и доходчиво; пока, наконец, сахемы не поняли, что религия не будет состоять из простого получения, и что практическая религия низвергнет их языческих идолов и тираническую власть сахемов. Поняв это, они не только ушли, но и увели своих людей и не позволили им уделять хотя бы внешнее внимание служению слову Божьему. . . . В это время УНКАС и его сыновья, похоже, придут снова. *Но это не что иное, как зависть к этим [обращенным] и стремление продвинуть какой-то нынешний самопроект.*"

Когда мистер Гукин вместе с апостолом Эллиотом посетил города молящихся индейцев Массачусетса в 1674 году, он говорит, что однажды большая часть ночи была проведена в

вигваме Сагамора в компании главных индейцев, находившихся тогда в поселении, в молитве, пении псалмов и увещеваниях. Присутствовал один человек, который сидел безмолвно во время всех этих упражнений. Наконец он встал и сказал, что он агент Ункаса, сахема Мохегана, и что от его имени он оспаривает право на власть над этим народом Вабкисит. [FN] "Ункасу не очень нравится, - добавил он, - что англичане переправляются через реку Мохиган, чтобы призвать своих индейцев молиться Богу". Мистер Гукин ответил, что Вабкисит находится под юрисдикцией Массачусетса и что в любом случае не нужно опасаться никакого вреда; англичане только хотели привести индейцев к познанию Христа и искоренить среди них грехи пьянства, идолопоклонства, употребления алкоголя, колдовства, убийств и тому подобного.

Расположен в юго-восточном углу Вудстока и до сих пор называется Вабеквассет. На самом деле это была, как и до сих пор, часть Коннектикута, хотя на нее претендовал Массачусетс, а также Ункас.

Это была явно лекция, предназначенная для самого Ункаса, и его агенту было специально предложено сообщить ему об ответе, полученном на его протест. В другой связи мы находим, что мнение мистера Гукина выражено с той же целью, без тех же околичностей. "Я склонен опасаться, - таков его язык, - что большое препятствие его [мистера Фитча] трудам находится в сахеме тех индейцев, которых зовут Ункас; старый злой и своенравный человек; пьяница и в остальном очень порочный; который всегда был противником и подрывал молитву Богу — некоторые намеки на это я дал в рассказе о моем путешествии в Вабкисит, упомянутом выше". Однажды Сахем взял на себя труд посетить Хартфорд с явной целью пожаловаться колониальным властям на попытки обратить его подданных в христианство.

[FN] *Его. Сборник. Глава X.*

Таким образом, его благочестие вряд ли выдержит строгую проверку. Была ли его мораль настолько предосудительной, как предполагал мистер Гукин, или этот хороший человек был чрезмерно предубежден против него за его противодействие министерству, решить нелегко. Однако есть слишком много оснований полагать, что в большинстве обвинений была большая доля правды и что лекция, упомянутая выше, является наиболее подходящим приложением. Сами комиссары Соединенных Штатов, похоже, сделали лишь жалкий комплимент его прежним привычкам, когда еще в 1672 году они направили ему письмо, "чтобы побудить его отправиться на Миннестри".

Что более важно, мы находим жалобу, поданную на него перед ними в 1647 году одним из его подданных-пекотов по имени Обечикод. Жалоба заключалась в том, что Ункас завладел женой этого человека и содержал ее под стражей; и хотя Фоксон, депутат мохеганского сахема, остроумно доказывал, что этот несчастный случай произошел только вследствие того, что Обечиквод незаконно вышел из-под юрисдикции Ункаса и оставил свою жену позади него, чтобы, конечно, быть присвоенным, согласно индийскому законодательству, любым другим лицом, желавшим такой связи; тем не менее, даже комиссары сочли себя обязанными после слушания всего дела выразить свое отвращение "к этому похотливая прелюбодейная осанка Внку." Было вынесено решение вернуть жену истца и позволить мужу жить там, где он пожелает,

при условии, что он будет помогать Ункасу в его войнах, когда того пожелают англичане. Он был освобожден от другого обвинения того же характера, выдвинутого Санопсом, индейцем из Коннектикута, в то же время — доказательств оказалось недостаточно для вынесения ему обвинительного приговора.

Доказательств мошенничества и лжи еще больше. Миантономо без колебаний обвинил его в нечестной игре даже во время Пекотской войны; и отчет Роджера Уильямса о сообщениях, которые он представил английским властям о пленных пекотах, попавших в его руки, очень убедительно подтверждает обвинение. Шестерых, которых он захватил в свое время, он представил как могиганцев, хотя индеец, сообщивший об этом мистеру Уильямсу, знал их как пекотов лично, причем прекрасно, и назвал имена всех.

Его поведение на Хартфордской конференции в 1637 году уже было предметом комментариев. Через некоторое время после прибытия Миантономо, который задержался из-за своих махинаций, он послал ко двору гонцов с сообщением, что он хромает и не может их навестить. Губернатор Хейнс заметил, что это в лучшем случае неубедительное оправдание, и немедленно направил убедительную просьбу о его обязательном присутствии. Наконец он приехал, и тогда губернатор обвинил его в вопиющих безобразиях, которые он и его подданные совершили над Наррагансетами. Между соперничающими вождями завязалась небольшая перепалка, но благодаря уговорам англичан они, в конце концов, были вынуждены пожать друг другу руки. Затем Миантономо сердечно пригласил Ункаса поужинать с ним, поскольку его люди только что убили немного оленины, но он не согласился. Теперь сахемы были призваны вернуть своих пленных пекотов. Миантономо сделал это быстро, и никакой вины обнаружено не было. "Окасе [Ункасу] было предложено назвать имена своих. Он ответил, что не знает их имен. Он сказал, что на Лонг-Айленде их сорок; и что у Хуанемо [псевдоним Джанемо] и трех наянтаквитских сачимов были пекуты, а у него самого их было всего двадцать. Томас Стэнтон (Переводчик) сказал ему и судьям, что он действовал очень лживо; и другие подтвердили, что он привез тридцать или сорок человек с Лонг-Айленда за один раз. *Тогда он признал, что у него их было тридцать*, но имен он назвать не смог. Магистратам было приятно попросить меня послать в Наянтаквит, чтобы имена пекутов были отправлены в Куннихтикут; а также дать Окаче десять дней на то, чтобы сообщить количество и имена его пекутов и их беглецов, мистер Хейнс также пригрозил (в случае неудачи) забрать их". [FN] Эта сделка говорит достаточно ясно сама за себя.

[FN] Письма Уильямса в Мессе. Его. Сборник. Третья серия.

То, как сахем обошелся с пекотами, сдавшимися ему в этом случае, делает ему немногим больше чести. В 1647 году, через десять лет после завоевания, эти несчастные люди направили жалобу комиссарам, в которой заявили, что Ункас вытянул у них Вампум несправедливо, под всевозможными предлогами и без всякого предлога. Например, когда его ребенок умер, он сделал подарок своей жене или притворился, что сделал, и приказал Пекотам сделать то же самое. Напуганные его угрозами, они собрали сто саженой вампума и отдали его, как было указано. Ункас, казалось, был доволен и пообещал относиться к ним с этого времени как к своим собственным древним подданным. Но всего через несколько дней пришел его брат (Вовеке) и сказал им, что Ункас и его Совет решили убить некоторых из них. Теперь они сочли необходимым обратиться к английской защите и приступили к сбору определенного количества

вампума для отправки в Коннектикут с этой целью. Ункас получил намек на их передвижения; и на следующее утро он пришел в форт, где они находились, с отрядом вооруженных воинов, которые, по-видимому, намеревались убить кого-то из них. Однако они благополучно добрались до Коннектикута. Далее утверждалось, что они давали Ункасу Вампу сорокраз. Двадцать пять раз они отправляли его через него англичанам в уплату дани, но они не знали, что хоть какая-то часть его была доставлена.— А также то, что Ункас благоволил могиганцам к их предубеждению. Если бы они выиграли что-нибудь у одного из них в игре, это никогда не было бы собрано.— Также, что он перерезал все их рыболовные сети за то, что они не помогли ему — чего они не были обязаны делать во время некоторых его набегов на индейцев Лонг-Айленда.

Ответ Фоксона на эти обвинения — несомненно, по указанию его хозяина — полон присущей ему изобретательности. 1. Что касается Вампу — "он верит, что пекваты платили дань и по другим поводам неоднократно платили вампам Внку, но отрицает, что они, в частности, платили ему что-либо за англичан; но Мойхегены и они иногда присоединялись к джуэ в вампаме, который дважды отправлялся в подарок Маттаусетам, а иногда мистеру Хейнсу в Хартфорде, но он считает, что номинант двадцать пять раз был в целом ложь.

"2. Он допускает, что пекваты, будучи местным народом, могли допустить какую-то ошибку со стороны могегенцев в игре и не осмелились отстаивать свою правоту, но отрицает, что Внку приложил к этому какую-либо руку.

3. Он признает, что пекваты действительно привезли 100 саженой вампама после смерти ребенка Внку, и им было обещано покровительство, как выражается, но последнее было всего лишь предательским заговором брата Внку, убедившего пекватов уйти из Внку в их собственную Страну, и там он придет к ним, и, чтобы побудить их к этому, он сказал им (хотя и ложно), что Внку решил убить некоторых из них.

"4. Хотя Vncus поначалу не почувствовал никаких неудобств в таком подарке англичанам, но, узнав позже, что это был заговор на основе нечестного совета Тассакуанотта, его брата Сассака, который предположил им, что большинство шейфских сахемов были вырезаны, поскольку Vncus для них всего лишь незнакомец, почему они должны обращаться к нему за помощью, Vncus был справедливо оскорблен.

5. Он слышал, что некоторые жители Мохегана отбирали у них рыбу, но не знает, что они перерезали их сети, хотя и не может этого отрицать".

Уполномоченные постановили, что пекоты должны вернуться во владения Ункаса, который должен принять их без предъявления обвинений или мести за то, каким образом они дезертировали; а с другой стороны, что он сам должен быть осужден за свою тиранию и серьезно проинформирован, что англичане не будут поддерживать его "ни в каких незаконных, а тем более предательских и возмутительных действиях".

Несомненно, этот "брат" Ункаса доставлял столько же хлопот самому себе, сколько и белым людям. Мистер Уинтроп пожаловался на этой самой встрече, что он напал на индейцев Нопнет совершенно без провокации со ста тридцатью могиганцами и унес вампум, медные котлы, большие корзины из пеньки, медвежьи и олени шкуры и многие другие вещи огромной ценности. Эти факты были признаны Фоксоном, который также утверждал, что Ункас не принимал участия ни в нападении, ни в добыче, поскольку он находился в Нью-Хейвене, когда это произошло. Когда были выдвинуты и доказаны другие жалобы, Уполномоченные

постановили, что Ункас должен либо полностью отречься от своего брата, либо более подходящим образом регулировать его деятельность в будущем. Это было правильно. Ясно, что он либо спровоцировал эти вопиющие безобразия, либо, по крайней мере, попустительствовал им, попустительствуя. Он был в состоянии предотвратить их настолько, насколько считал нужным.

Было бы утомительно, хотя и не совсем лишено интереса, подробно излагать все обвинения, выдвинутые против Мохеганского сахема различными заявителями в разное время. Массачусетс и Коннектикут предъявили ему обвинение. Ближайшие к нему английские поселения обвинили его в дерзости и жестоких нападениях. Могавки поссорились с его племенем. Наррагансеты и Ниантикс неоднократно обвиняли его во вторжениях и оскорблениях в их адрес. Некуош Кук, пекот, находившийся под защитой англичан, жаловался на то, что его грабили с применением открытой силы. У Санопса, индейца, упомянутого выше, украли кукурузу и бобы (возможно, едва ли менее ценные для него, чем егожена.). Мистер Уинтроп заявил от имени сахема Лонг-Айленда, что он отправил шестьдесят саженей вампума губернатору Массачусетса через Ункаса; и хотя он подарил самому заявителю двадцать саженей одновременно, он присвоил все.

Опять же, один из Апампов "пожаловался на Внкуса, что примерно шесть недель прошло с тех пор, как хи взял шестерых его людей в Куиннапоге, убил одного и ранил другого".

"Помхам [сахем Массачусетса], выступая перед комиссарами [на том же заседании], сказал, что около месяца назад Внкус или кто-то из его людей убили мужчину и двух женщин в Кавесетте, один из них принадлежал ему самому, другой внто Тупаямен, оба без провокации".

"Мы желаем, чтобы английские власти, — написали the Roscomptocks в ответ на запрос англичан, — не настаивали на заключении мира с США, ибо, хотя они многое обещают, они ничего не выполняют. У нас есть опыт общения с его фальцами" и т.д.

В 1656 году он или его брат вторглись в Норвутаки; и он даже объединился с Нинигретом против сахема Лонг-Айленда. Примерно за два года до этого он воспользовался случаем, чтобы продвинуть свои завоевания за реку Коннектикут, поссорившись, а затем и сражаясь сАррамаметом, сахемом Мусауко (ныне Симсбери, недалеко от Хартфорда). Он послал одного из своих воинов захватить и сжечь вигвам на окраине деревни, убив нескольких жителей, а затем оставив следы могавков. Его приказ был выполнен, и военная хитрость возымела действие. Аррамамет приписал это злодеяние могавам и, сгорая от негодования, снарядил военный отряд и отправился в погоню за ними на северо-запад. Таким образом, Ункас выиграл время, чтобы вооружить своих людей и напасть на вражеский город в его отсутствие. Аррамамет был покорен, и его племя, подунки, с тех пор всегда были данниками Ункаса.

За сезон до этого Миксо [вероятно, Мексхэм], сахем Наррагансетта, пожаловался, что Ункас убил одного из его людей, а также что он "оскорбил его, назвав по имени и высмеяв его мертвых предков и отправив ему вызов на бой этим летом". Комиссары поинтересовались у Фоксона правдивостью обвинения, "и, не получив удовлетворительного ответа, они приняли этот вопрос к рассмотрению". и т.д. Вскоре после этого тот же человек пожаловался "на ружье, отобранное у индейца Наррагансетта Внкусом, его сыном, что, по признанию некоторых из Внкуса, его людей, было правдой". Решение комиссаров по этому делу, по существу, заключалось в том,

что, хотя у Мексхэма не было достаточных доказательств, все же, зная, что Ункас из своей гордости и безрассудства склонен оскорблять людей, они вынесут ему соответствующий выговор. В некоторых других случаях они заходили так далеко, что выносили решения и, возможно, приводили в исполнение реституцию.

Не будем дальше изучать записи, необходимо только заметить, что, хотя все эти обвинения были не совсем верны, многие из них и многие другие были доказаны; и, возможно, десятая часть правды так и не появилась в конце концов. Некоторые из пострадавших были слишком горды, чтобы жаловаться. У других не было никаких доказательств, кроме своих собственных. Многие полагали, что добиться справедливого слушания или решения Уполномоченных в отношении вождя, считавшегося их подопечным, практически невозможно; и многие другие были слишком раздражены, чтобы не исправиться более обычным и кратким образом на месте.

Тайный источник этой экстраординарной серии войн, набегов, вызовов, грабежей и прелюбодеяний, как и закоренелой оппозиции Сахема христианству, заключался в его беззаконных аппетитах и страстях, но особенно в непомерных и неконтролируемых амбициях. Возможно, справедливо, что Миантономо обвинили в намерении сделать себя Всеобщим Сагамором — как это называлось — Новой Англии. Но Наррагансетт не предпринял никаких мер для достижения своей цели, которые, по его собственному мнению, были бы подлыми или злонамеренными. Он не удерживал часть пленников, не присваивал дань, которую они передавали ему в руки, не грабил своих соседей в мирное время и не злоупотреблял иностранной помощью для уничтожения своих соперников. Правда, он послал нескольких своих людей на помощь в экспедиции Пеко — или, скорее, не сделал, а может быть, и не смог помешать им отправиться, — но их было всего двести из двух тысяч; и он не возглавлял их сам, как Ункас, и даже не участвовал лично в сражении. Действительно, в этом случае он самое большее только продолжил враждебные действия, которые существовали между двумя нациями в течение долгого ряда лет; и все историки признают, что одно время он был очень близок к тому, чтобы присоединиться к Сассакусу против самих англичан. Ункас, с другой стороны, максимально воспользовался случаем, чтобы отомстить Сассаку и возвысить свою репутацию и власть на разбитых пекотах.

Миантономо, в свою очередь, стал жертвой того же всепоглощающего духа. Он действительно начал войну — или, скорее, кампанию, — а Ункаса, с другой стороны, союзники поощряли его поступке; но великодушная душа никогда бы не позволила ни тому, ни другому обстоятельству повлиять на обращение с таким сувереном, как он, который попал в его руки благодаря случайностям битвы.

Следующим объектом его пристального внимания стал Нинигрет. Он шел вперед так часто, как только было возможно, чтобы очернить репутацию этого вождя в глазах англичан, а также уменьшить его ресурсы прямыми атаками. Никто так не усердствовал, как он, в представлении доказательств — таких, какие они были, — изобличающих его в заговоре с голландцами против колоний; и хотя считается, что в тот период он якобы находился с ними в мире, он довел свое вмешательство до того, что устроил засаду и перехватил каноэ из Ниантика, которое, как он якобы подозревал, было нагружено определенными ощутимыми доказательствами враждебной коалиции. Итак, мы видим, как он обрушивается на Мексхэма, Некваша Кука, Усамекена и, наконец, на короля Филиппа. Без сомнения, у него хватило проницательности понять, что такой курс должен оказаться неблагоприятным, если не фатальным для его расы; но патриотизм,

честь, дружба, великодушие, правдивость, все благородные чувства его натуры слились в варварское, свирепое честолюбие.

В записях есть любопытная иллюстрация этой слабости: "Внкус жаловался, что Секассон, как хорошо известно, несколько лет назад начал враждебные действия против него из— занарушения общественного спокойствия. Когда Пон хи был призван к битве, и в итоге мы победили его и завоевали его Страну, которая, хотя он был верен англичанам и не выступал против них, потому что они были рады показать ему, что сохранили ему жизнь, *все же хи не может не считать себя обиженным, поскольку причина, как ему сообщили, заключается в том, что сын, которого он любит, стал великим Сахемом*, несмотря на то, что хи отказался выплатить ему компенсацию вампам в соответствии с законом. обязательства".

Этому признанию нет никаких доказательств, кроме собственного утверждения Сахема; и независимо от того, правда это или нет, из всего контекста нельзя извлечь никакой реальной причины для жалобы. Члены Комиссии со своей обычной покладистостью "отказались от каких-либо своих Намерений *прославить Секассона*, и не осведомлены о том, что у него есть опасения относительно другого [признания], но все же рекомендовали руководству Conectncot рассмотреть дело и предоставить надлежащие доказательства того, что они могут принадлежать тому, что может быть справедливым и равноправным, и мистера Ладлоу попросили способствовать тому же ". Этот отрывок можно найти в Записях за 1651 год. В дальнейшем об этом иске не упоминается.

Это могло бы стать предметом некоторых размышлений, каковы были причины необычайного пристрастия англичан к Ункасу; и особенно каковы были средства, с помощью которых он противодействовал сильному потоку упреков, обрушившемуся на него со всех сторон. По этому поводу высказывались разные мнения. Мы предполагаем, однако, что Комиссары сочли хорошей политикой выбрать кого-то из главных нецивилизованных и непокорных индейских вождей, чтобы сделать его каналом общения и влияния со всеми и над всеми. Этот, естественно, был бы самым амбициозным и в то же время наименее щепетильным из всех присутствующих. Таков был Ункас, и поэтому, обладая его проницательностью, он без труда поддерживал с ними достаточно хорошее взаимопонимание при любых обстоятельствах. "Гордый нинигрет" презирал вмешательство англичан. Массасойт скорее защищал их, чем ухаживал. Сассакус сразился с ними при первой же провокации. Филипп ненавидел их и держался в стороне; а Миантономо, хотя и встречался с ними и обращался как с друзьями, все же не забыл ни одной своей души, более суверенной, чем его королевская кровь. Но Ункас был ни много ни мало, как их покорным слугой. Он боролся за них и давал показания в их пользу примерно с такой же готовностью и с таким же безразличием к предмету или случаю, противнику или обвиняемому.

Всякий раз, когда на него самого подавались жалобы, у него, конечно, были средства для защиты. Было что-то в показаниях, которые он обычно мог привести в свою пользу; и еще больше в изобретательности его объяснений или смирении его признаний и извинений. Другие сахемы, раздраженные подозрительностью и обвинениями, на самом деле часто совершали необдуманные речи и грубые поступки. Но Ункас никогда не забывал о своей гордыне.

Податливость индийских свидетельств и маневры индийских политиков особенно ярко проявляются в случае с Неквашем Куком. Ункас был в Нью-Хейвене, присутствовал на собрании уполномоченных в 1646 году, когда некто Уильям Мортон выступил вперед и обвинил его в том,

что он нанял Вампушета, присутствовавшего тогда пекота Поваха, "чтобы он сам или кто-то другой с топором ранил другого индейцаи *засадил его Куку для мытья шеи*". Сумма сделки, как говорили, составляла пятнадцать саженей вампума, и в соответствии с условиями на индейца напали. После некоторого изучения доказательств сам Вампушет был вызван для дачи показаний и допрошен переводчиком с английского. К большому удивлению мистера Мортонa,и пекотов, которые пришли в суд вместе с ним, он оправдал Ункаса и обвинил в заговоре самого Кука и Робина, индейца мистера Уинтропа; и хотя два других Пекота, один из которых был братом Робина, были сильно оскорблены, "и после того, как [впоследствии] *сказал*, что Ункас нанял его, чтобы уйти и после его ареста, все же хи настаивал и сказал, что Некваш Кук и Робин заплатили ему за бриджи и пообещали двадцать пять фунтов стерлингов". отец вампама, чтобы разыграть заговор против Ункаса".

Что касается основного обвинения в деле Кука, которое было доказано, Сахем признал некоторые ошибки или проступки при отстаивании того, что он назвал своим правом, так близко к английским плантациям, — но предположил провокацию. Затем следует предложение.

1. Что было ошибкой ссориться с Куком из-за общественных беспорядков без согласия англичан.
2. Что делать это вблизи английской плантации было еще хуже; и Комиссары потребовали, чтобы он признал свою вину перед этой плантацией (как он сделал перед ними самими) и пообещал обезопасить их от любых подобных беспорядков в будущем.

Для Ункаса было легко получить такое удовлетворение. Но, как будто те, кто издавал этот указ, сочли его слишком суровым, они в то же время воспользовались случаем, чтобы подсластить это решение обещаниями защиты и уверениями в уважении. В конце концов, настолько убедительными были дополнительные показания, выдвинутые против него по тем же вопросам на следующем заседании, что они были вынуждены изменить свое решение следующим образом: "Учитывая все это, наглость и бесчинства Внкуса и его людей казались гораздо более отвратительными, чем жалобы в Ньюхейвене, поданные последним годом. Уполномоченные (поскольку в прошлом году они приказали, чтобы Внкус признал свою вину перед английской плантацией, которую, как они слышали, он совершил в присутствии капитана Мейсона) сочли уместным теперь добавить, что после возвращения пекотов в его подчинение Внкус передаст деньги в руки мистера Джо Уинтропа, которые будут им разделены между англичанами, старыми пекотами и другими невинными индейцами для возмещения их убытков пропорционально тому, насколько он найдет причину, в размере ста саженей вампама".

Мы завершаем эти пояснения буквальной копией от Hazard одного из последних официальных сообщений с жалобой, отправленных Комиссарами Юнкасу, вместе с его ответом. Дата - 1661 год:

"Внку

"Мы Receiued информации, и жалобы Общий суд штата Массачусетс в youer враждебного вторжения из Wosamequin и индейцы Quabakutt, кто это и лонге особенно Бине предметов на английском убивая одних и увлекая других captiues spoyling все товары vallue из 33 фунт. как они alledge, и все это вопреки youer souenant и обещают Комиссаров seuerall раз продлевались, а не делать Варр против наших данников без согласия Комиссаров ви alsoe vnderstand, что общий суд штата Массачусетс, чьи подданные говорили индейцы, особенно раньше оное все

преступления внто вы требующих ответ на youer Captiues и удовлетворение wronge вы особенно сделано в которое вы особенно не ответил ни answareбыл*которые не столь Би дерзкой и гордой осанкой из youers* ви не можем не задаваться вопросом АТТ он и должен беаре свидетельство Уч против него и ДОУ heerby и будет требовать от вас немедленно образом вернуть сказал Captiues с должным удовлетворением для других зло, причиненное им или разобрать достаточных оснований и Reasons для youer вторжения сказал индейцам которой вы незамедлительно направить губернатору в штате Массачусетс и, если он арреег они особенно причинила вам wronge вроп из-за prooffe ви должны позаботиться, что они могут сделать вам удовлетворение если вы должны пренебрегать obserue наш заказ и предписание, содержащаяся в данном документе; ви должен leaue Массачусетского направо themselues как ранее signified внто вас, в этом случае дите должно оунэ и при необходимости пчела помочь нашим единомышленников;

"Члены комиссии по внесенным колониям; (Подпись)

	"Сэмюэл Уиллис	Томас ПРЕНС, <i>президент</i>
Плимута 13-го.	Уильям Лит	САЙМОН БРЭДСТРИТ
от сентября 1661 года.	BENJAMIN FEN	ДЭНИЕЛ ДЕНИСОН
		ТОМАС САУТВОРТ."

Затем следует ответ, данный майором Мейсоном от имени Ункаса. Поскольку об этом деле больше ничего не слышно, можно предположить, что заявленные причины были сочтены достаточными.

"Принимая во внимание, что из суда Бостона был направлен ордер, датированный прошлым маем, в ВНКУ, в котором по жалобе Уэсамекена было заявлено, что упомянутые Внку применили сильное насилие к своим подданным в куабоке, убив одних и взяв в плен других; этот ордер не поступил Внку примерно за 20 дней до того, как эти люди были вызваны майором Джоном Мейсоном в полном объеме указанного ордера, в соответствии с которым Хи был оштрафован, если он не вернет захваченных и не нанесет ущерба в размере тридцати трех фунтов стерлингов, тогда Массачусетс будет арестован ". Отвоевать его силой оружия, что для него было очень печально;*утверждая, что он был в полном неведении, что они были подданными Массачусетса* и далее сказал, что они не были людьми Весамекена, но принадлежали Онопекену, его смертельному врагу, который был там схвачен; один из захваченных тогда людей был его двоюродным братом, который ранее сражался против него лично; и все же он отпустил его на свободу и далее говорит, что все пленники были отправлены домой, а также что сын Весамекена и его братья были убиты. его люди сражались против него много раз, и он желал, чтобы эта возможность была возвращена в качестве его ответа Комиссарам".

Именно уступки такого рода, на которые никогда не шел ни один другой индийский сахем равной силы, пошли дальше, чем что—либо другое, чтобы сохранить Ункаса в пользу Англии. Упоминались его фактические заслуги, которые были значительными. Его племя охраняло поселения в Коннектикуте. После продажи города Норвич, который был впервые колонизирован в период всеобщего возбуждения и вражды между племенами, могиганцы не пускали шпионов и гонцов, чтобы сообщать жителям о передвижениях своих врагов, и постоянно защищались от них. Во времена большей опасности они часто переезжали и разбивали свои вигвамы недалеко от города. Однажды враждебный отряд дикарей

приблизился к окраине в субботу с намерением напасть на деревню; но, осмотрев ее с возвышенности и увидев хижины моеганцев, они испугались и отступили, не причинив ни малейшего ущерба.

Только что упомянутая продажа была лишь одной из большого числа тех, которыми Ункас всегда был готов услужить своим цивилизованным друзьям и которые представляли собой еще одно свидетельство их доброй воли. В 1648 году, получив подарки к своему удовлетворению, он передал губернатору и магистратам англичан на реке Коннектикут все свои земли, как бы они ни назывались, сохранив только землю, засеянную им тогда для себя и своего племени. В 1641 году он пожаловал Генри Уайтфилду и другим определенные земли близ Гилфорда в обмен на четыре плаща, два чайника, четыре сажени вампума, четыре топора и три мотыги. В 1659 году он подарил все свои земли со всей кукурузой своему старому товарищу и другу майору Джону Мейсону, который на следующий год передал их колонии Коннектикут. Трамбалл говорит, что отдельные города на этом огромном участке, как правило, покупались либо им, либо его преемниками во второй или третий раз.

Примечательно, что очень позднее упоминание Ункаса в истории ставит под сомнение его дружбу с англичанами. "Те, кто знает его лучше всех, — говорит Хаббард в своем Повествовании, — предполагают, что в глубине души он относится к англичанам или их религии не лучше, чем остальные его соотечественники, и что на этот раз его собственная выгода привела его к этому". и т.д. Это было написано в 1667 году. Всего два года назад, в начале войны Филиппа, губернатору Плимута Уинслоу доложили, что сахем Мохегана послал двадцать человек присоединиться к своему брату Поканокету с сообщением, что, если Филипп пришлет ему шесть голов англичан, все индейцы на его территориях пойдут за ним. [FN-1] Последний раз об Ункасе слышали в 1680 году, когда он, должно быть, был очень старым человеком, хотя, как нам говорят, все еще мог пережить всех своих врагов. [FN-2]

[FN-1] *Шестой том. Месса. Сборник. Первая серия.*

[FN-2] Общая история Хаббарда.

В конце концов, возможно, лучшим комментарием к тому, что Сахем занимался хозяйством в своих интересах, является тот факт, что остатки его племени существуют и по сей день (в резервации площадью около трех тысяч акров земли) по соседству с Норвичем; и они являются единственными туземцами, еще живущими в пределах штата. Последним сахемом племени был Исая Ункас, когда-то ученик знаменитой школы доктора Уилока в Ливане. Следующая эпитафия, скопированная президентом Стайлзом с могильного камня на древнеиндийском кладбище в Мохегане, указывает на конец генеалогии:

Здесь покоится тело Сансито, Родного сына Ункаса, внука Онеко, Которые были знаменитыми сахемами Мохигана; Но теперь все они мертвы, я думаю, что это Уихиген. [FN]

[FN] Могеганский термин, обозначающий "Все хорошо" или "Хорошие новости". Онеко, или Онеохо, - это тот же самый человек, который командовал войной Филиппа.

ГЛАВА XV.

Индейцы, подчинившиеся Массачусетсу—Гортонисты—Помхам, Сахем Шаомета и Саконоко жалуются на них—Подчиняются правительству—Их экзамен и развлечения—Политика Массачусетса в случае с Помхамом—Его и Саконоко сильно преследовали соседи—Последующая история—Помхам принимает участие в войне Филиппа и погибает—Канончет, сын Миантономо—Его соглашение от октября 1675 г.—Уитамор, Скво-Сахем Шаомета Покассет—Карьера Канонете во время войны Филиппа —Подробности его неожиданного нападения и смерти—Его характер—Анекдоты—Его репутация в глазах англичан—Защита его поведения.

Среди значительного числа вождей, подчинившихся правительству массачусетса, было несколько вождей, территория которых находилась вне *их* юрисдикции, а в некоторых случаях и в пределах юрисдикции других правительств. Самый печально известный случай такого рода связан с той широко обсуждаемой сделкой, в которой были замешаны печально известный Гортон и его сообщники; и в результате которой они ввели себя в неприятное столкновение с гражданскими и военными властями по всем направлениям.

Если объяснить это дело очень кратко, то Гортон, став несносным как основатель новой религиозной секты, покинул юрисдикцию Массачусетса и перебрался в Плимут. Здесь он столкнулся с примерно таким же обращением. Его выпороли за нарушение порядка в Церкви и потребовали найти поручителей за его хорошее поведение; поскольку он не смог этого сделать, его либо уволили, либо отправили в Род-Айленд. Там он с неуважением отнесся к Суду и по приказу губернатора Коддингтона был заключен в тюрьму и снова выпорот. Затем он нашел убежище в Провиденсе, где Роджер Уильямс, хотя ему и не нравились его принципы, все же дал ему приют. Но едва он нашел себя и начал собирать вокруг себя группу учеников, как соседние английские поселенцы пожаловались на него в *Массачусетс*, опасаясь, что он собирается вытеснить их собственные владения, купив территорию Патуксет у первоначальных владельцев Наррагансет. Массачусетс выдал жителям Провиденса ордер на подчинение *их* юрисдикции. Гортон отрицал их полномочия вмешиваться в дела его компании, где они сейчас находились, и выразил это мнение в презрительном письме.

Но, возможно, ради того, чтобы быть еще дальше от Массачусетса или из-за разногласий между собой, гортонисты вскоре переселились на участок земли, называемый индейцами Шаомет или Шоуамет (со времен Уорика на Род-Айленде), предварительно купив его у Миантономо за сто сорок четыре сажени вампума; "со свободного и совместного согласия [как выражается сам акт] нынешних жителей, являющихся туземцами". Документ был датирован 12 января 1642-3 гг. и был подписан луком и стрелами в качестве знака лица, предоставляющего право, а также топором, ружьем и т. Д. В качестве знаков "сахема Шаомета, Помхама," и других индейцев. В то же время помещение было передано во владение.

С этого момента Помхэм, который, хотя и подписал акт передачи имущества и ему предложили долю вознаграждения (которое он не принял), притворился, что считает себя потерпевшим, — не давал покоя своим соседям и не находил его для себя. Трудно точно определить, были ли у него основания жаловаться на этого вождя в данном случае, исходя из отношений, которые существовали между ним и Миантономо, и связанной с ними обычной степени подчинения. Но можно с уверенностью сказать, что роль, которую вскоре после этого взял на себя Массачусетс, была, по меньшей мере, необычным проявлением власти, хотя это могло соответствовать общей политике этого правительства во всем, что касалось грозного Наррагансетта Сахема.

То ли по его собственному предложению, то ли по совету других, Помхам и Саконоко, сахем, в равной степени заинтересованный в земле, но в остальном не имеющий никакого значения в истории, отправились в Бостон через несколько месяцев после продажи и через переводчика подали жалобу на маневры гортонистов, посредством которых, как они утверждали, Миантономо был вынужден принудить их к произвольному распоряжению их территорией. Кроме того, они пожелали, чтобы их приняли под защиту Массачусетса, и в дополнение принесли небольшой подарок в виде вампума. Поскольку дело было передано в следующий суд, и Гортон и Миантономо были уведомлены о своем присутствии, последний явился в суд. От него требовали доказать интерес, о котором он заявлял, к сахемам и территории Шаомета, но, как говорят, он ничего не смог доказать; и по свидетельству Кутчемекена и других присутствовавших индейцев оказалось, что вожди Шаомета не были данниками Наррагансета, хотя иногда они делали ему подарки — в знак уважения, а не подчинения. После этого был издан приказ, уполномочивающий губернатора и некоторых магистратов обращаться с заявителями по своему усмотрению. [FN]

[FN] Дневник Уинтропа, Том II.

Вскоре после этого эти уполномоченные совещались с сахемами; и, дав им понять, на каких условиях они должны быть приняты, "они нашли их очень сговорчивыми по отношению ко всем". Так, действительно, можно было бы сделать вывод из ответов сахемов на требования, касающиеся десяти заповедей. Подобострастие, на которое указывают некоторые из них — по крайней мере, в отчете Уполномоченных, — вряд ли искупается пронизательной простотой других.

Когда их спросили, будут ли они поклоняться истинному Богу, а не богохульствовать на него, они отказались от первого пункта и ответили таким образом на последний. "Мы хотим с благоговением говорить о Боге англичан, а не злословить, потому что мы видим, что Бог англичан делает для них лучше, чем другие Боги для других".

Что касается "ложной клятвы", они ответили, что никогда не знали, что такое клятва. Что касается излишней работы в христианскую субботу, то "Это мелочь, — ответили они, - для нас отдохнуть в этот день, *потому что у нас в любой день не так уж много дел, и поэтому мы воздержимся в этот день*".

Что касается почитания родителей и пожилых людей, они сказали: "Это наш обычай, потому что, если мы пожалуемся губернатору Массачусетса на то, что поступаем неправильно, если они скажут нам, что мы лжем, мы будем терпеливо сносить это". Следующие статьи также являются частью отчета:

5. Не для того, чтобы убить кого-либо, а по правому делу и авторитету и т.д. *Ответ.* Это хорошо, и мы хотим это делать.

6. Не совершать прелюбодеяния, воровства и т.п. *Ответ.* Хотя они совершаются среди нас, мы этого не допускаем, но считаем это злом.

8. Что касается лжи, то они говорят, что это зло, и не допустят этого. И, наконец, что касается обращения в христианство, они сказали: "поскольку англичане появляются среди нас, мы хотим научиться их манерам".

Что бы ни думали о праве Массачусетса вмешиваться в это дело, и особенно о политике вмешательства в отношении Наррагансеттов и других колоний, следует признать, что само представление, насколько это касалось заявителей, было проведено с честностью, а также вежливостью, обычно характерными для отношений этого правительства с местными жителями.

Губернатор послал за сахемами, чтобы те явились в Бостон 22 апреля (1643 г.), и они явились туда со своим переводчиком. Затем представление было объяснено к их полному удовлетворению. Им также было прямо сообщено, что их следует считать не сообщниками, а подданными, с чем они выразили свое согласие. Итак, добавляет историк, они обедали в одной комнате с губернатором, за одним столом, и, получив от всех присутствующих большое одобрение и сказав, что они и их люди всегда будут желанными гостями у англичан, при условии, что они привезут записку от Бенедикта Арнольда (их переводчика) и получают кое-какие мелочи, подаренные им губернатором, они ушли радостные и вполне удовлетворенные. Представление было следующим:

"Это письмо должно свидетельствовать, что мы, Помхам, Сахем Шовамета и Сачоночо, Сахем Патуксета, этими подарками добровольно и без какого-либо принуждения или убеждения, но по собственной воле передаем себя, наших подданных, земли и поместья под правительство и юрисдикцию Массачусетса, чтобы они управляли и защищали нас в соответствии с их справедливыми законами и приказами, насколько мы будем способны их понимать; и мы обещаем за себя, наших подданных и все наше потомство: быть верными правительству и способствовать его поддержанию в меру наших возможностей; и время от времени оперативно уведомлять о любом заговоре, попытке или злых намерениях любого, о ком мы узнаем или услышим, направленном против них, и обещаем время от времени быть готовыми получать наставления в знании поклонения Богу. В подтверждение чего мы приложили к этому наши руки 22 числа 4-го месяца 1643 года.

от Саконко. из Помхэма."

Таким образом, был закреплен титул штата Массачусетс за юрисдикцией земли Шаомет. На него в это самое время, как и впоследствии, претендовали также Плимут и Род-Айленд. [FN] Гортон всегда утверждал, что он принадлежал Миантоному, и что Помхам находился под тайным влиянием Массачусетса, чтобы уйти от него и искать защиты под их властью. Без сомнения, это правительство было достаточно осведомлено о своей заинтересованности не только в смирении гортонистов, но и в распространении своей юрисдикции как можно дальше на территорию вождя Наррагансетов, в то время, как Хатчинсон называет его, величайшего и могущественнейшего сахема Новой Англии. Говоря о ходатайстве некоторых поселенцев в 1645 году о разрешении основать плантацию, где Гортон и его компания построили три или четыре небольших дома "на земле Помхэма, который сам подчинился" и т.д. Сам мистер Уинтроп заявляет, что Суд с готовностью удовлетворил их ходатайство, пообещав всяческое поощрение и т.д. — "ибо всех англичан в этих краях очень беспокоило, что там должна быть сильная плантация в качестве оплота и т.д. против наррагансетов". Возможно, это соображение предполагало, по мнению правительства Массачусетса, непререкаемый интерес того, что обычно называют государственной необходимостью.

[Ф. Н.] Уинтроп, Том II. стр. 251. и 317.

Отсюда меры, время от времени принимавшиеся после подачи заявления, для предоставления Помхэму обещанной помощи; политика, которая, безусловно, лучше соответствовала их условиям по отношению к нему, чем их отношениям с некоторыми другими сторонами. Гортонисты преследовали его сверх всякой меры, но в конце концов были усмирены. Наррагансеты (после смерти Миантонома) угрожали и пугали его еще больше. В апреле 1645 года, "чтобы действительно могло показаться, что Массачусетс владеет им и будет защищать его", в чем, по-видимому, до сих пор сомневались, был отдан приказ отправить людей и офицера в Шаомет, чтобы они пробыли там несколько дней и действовали в обороне от наррагансетов. [FN] Эти люди, будучи добровольцами, однако, отказались идти, если каждому из них не будут платить по десять шиллингов в неделю, снабжать оружием и амуницией и разрешать такую добычу, какую они смогут собрать в случае сражения. После чего Суд, не решив создавать такой прецедент, уведомил Помхэма, что требуемая сила будет в его распоряжении всякий раз, когда он направит достаточные средства, позволяющие ему выступить. По настоятельной просьбе сахема в начале мая его просьба была наконец удовлетворена, и с помощью англичан он возвел форт на своих землях.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Это было в 1646 году. Но Помхэму и Саконко не было суждено спокойно наслаждаться своим имуществом, как это прекрасно иллюстрирует следующая деталь из записей мистера Уинтропа за 1647 год. Гортонисты в тот период вернулись в Шаомет, который они теперь называли Уориком; и, как утверждали сахемы перед комиссарами Соединенных колоний, проявили решительное намерение "съесть всю их кукурузу вместе с их скотом" и т. Д. После этого эти чиновники написали письмо определенным лицам, находящимся поблизости от здания, с просьбой

оценить ущерб и потребовать компенсации; однако этот процесс едва начался, когда судья Когглсхолл и другие из Род-Айленда прибыли в Шаомет, заявили о юрисдикции этой колонии над рассматриваемой землей и запретили оценщикам продолжать. После этого последний вернулся домой. Был выдан еще один ордер с тем же результатом. Помхам был доведен до крайности; но, все еще не обескураженный, он еще раз возобновил свои жалобы. Теперь Массачусетс отправил трех специальных гонцов, чтобы потребовать удовлетворения отнарушителей границы и предупредить их покинуть территорию. Ходатайство не принесло пользы; и поэтому, "поскольку в настоящее время мы больше ничего не могли сделать", - пишет м-р Уинтроп, - "тем временем мы закупили у индейцев немного кукурузы". Перечислять меры, принятые впоследствии для возмещения ущерба, было бы в равной степени утомительно и излишне.

Что касается Помхэма, с которым нам предстоит в основном иметь дело, то следует признать, что на протяжении всего этого процесса его характер приобретает мало достоинства. В последующие времена его карьера иногда становилась более независимой, и в то же время это свидетельствовало о том, что его ранняя привязанность к англичанам ни в коем случае не была нерушимой привязанностью или принципом, священным в его собственных глазах. Немало примечательно, что после всех хлопот и расходов, предпринятых колониями и между ними, и особенно Массачусетсом, для его защиты; и несмотря на то, что власти последнего правительства с любовью и, мы надеемся, искренне представляли его покорность как плод их молитв и первый плод их надежд в великом процессе цивилизованности и обращения в христианство местных жителей; [FN] этот неисправимый дикарь не только ослабил свои связи с англичанами, но и выступил против них со всей своей силой и влиянием в великой войне короля Филиппа.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Этот поступок, каким бы фатальным он ни был для него самого и его интересов, в целом был самым похвальным в его жизни. И после того, как его приняли, он продолжал заниматься этим с энергией, которая полностью отбрасывает любые сомнения, которые мог бы навести его прежний курс в отношении его настоящего темперамента и гениальности. Даже Филиппа едва ли боялись больше, чем Помхэма. Всеобщие историки, хотя они *теперь* называют его Наррагансетом, как, очевидно, он решил считать себя, ставят его в самый высокий ранг среди сахемов этого воинственного и могущественного племени. Он даже не претендовал на нейтралитет в начале войны, как это делали они. Он не подписал ни июльский мирный договор (1675 г.), заключенный под острием английского штыка на его собственной территории, ни подчинение, оформленное в октябре следующего года в Бостоне, хотя в последнем случае один из его соратников-вождей сделал вид, что подписал за него. Это, в лучшем случае, как и любая другая часть и обстоятельство компромисса, было простой уловкой, призванной отвлечь правительство демонстрацией удовлетворения и дружелюбия.

Во время войны Филиппа территория Помхэма была разорена вдоль и поперек, и сто пятьдесят вигвамов были уничтожены пожаром за один раз, в декабре 1675 года. Участвовал ли этот вождь в решающей и кровопролитной битве 19-го числа или в каких других сражениях он участвовал во время войны, история не определяет. В конце концов он был убит в июле 1676 года, за несколько недель до смерти Филиппа и последующего завершения этого состязания,

самого критического и яростного, когда-либо происходившего между краснокожими и белыми. Велико было ликование победителей по поводу этого первого успеха, столь ободряющего их самих и столь губительного для их диких и ужасных врагов. Событие произошло в окрестностях Дедхэма (штат Массачусетс), где Помхэм с небольшим отрядом верных воинов, полуголодных и отчаявшихся, все еще бродил по лесам в непосредственной близости от английских поселений. Было взято в плен около пятидесяти индейцев, и Сахем, по-видимому, был единственным человеком из отряда, которого не хотели брать живым. "Что увеличило победу, - говорит м-р Хаббард, - так это резня Помхема, который был одним из самых Стойких сахемов, принадлежавших Наррагансетам".[FN]

[FN] Повествование об индийских войнах. Будет видно, в каких выражениях упоминается истинная преданность Сахема.

Его дух и сила были таковы, что после того, как он был смертельно ранен в бою, так что не мог стоять, он схватил английского солдата, который подошел к нему, и почти уничтожил его своей жестокостью, когда беднягу спасли его товарищи, и умирающий вождь сразу же избавился от агонии и от своих врагов. Ему было не для чего жить, если бы было желание пощадить его. Его территория уже давно была подчинена чужеземному пахарю по его собственному приказу, а впоследствии опустошена. Его подданные были рассеяны и уничтожены. Его внук был убит на поле боя в течение нескольких месяцев; и среди пленников во время его собственного падения историки особенно выделяют одного из его сыновей, "очень симпатичного юношу, чье лицо говорило бы о его благосклонности, если бы он не принадлежал к такому кровожадному и варварскому индейцу, каким был его отец". Этот несчастный парень, вероятно, был казнен по приказу правительства Плимута вместе с другими главными пленниками последних месяцев войны. В лучшем случае он был спасен, как и сын Филиппа, только для того, чтобы попасть в рабство в чужой стране.

Среди других выдающихся вождей племени наррагансеттов, погибших во многом таким же образом и примерно в одно время с последним из названных, был НАНУТЕНУ или КУАНАНШЕТТ, которого англичане обычно называют КАНОНЧЕТ. Он был сыном Миантономо и, вероятно, после смерти Мексама и Пессака унаследовал высокий сан своего отца, поскольку историки обычно называют его вождем-сахемом своего племени. Его репутация как среди соотечественников, так и среди врагов была достойна благородной крови, текущей в его жилах. Мистер Трамбалл замечает, что он унаследовал всю гордость своего отца, всю его наглость и ненависть к англичанам. Что еще более убедительно в его пользу, мистер Хаббард называет его "проклятым негодяем", восхваляет его жестокость и богохульство и ликует по поводу его окончательного уничтожения. Это — не предполагаемые факты (которые совершенно бездоказательны), а само утверждение — служит, как метко заметил один современный писатель, неопровержимым доказательством его героического характера.

Однако существует множество других свидетельств того же эффекта. Единственным проявлением какого-либо почтения, которое он вообще оказывал английским властям — ненавидя, как, несомненно, и само их название, — был акт подписания знаменитого мирного договора от октября 1675 года, заключенного в Бостоне. Целью этого было успокоить ревность англичан, которые подозревали его в том, что он заключил помолвку с Филиппом. Одно положение касалось ратификации договора, заключенного в Хартфорде в июле прошлого года

(четырьмя сахемами Наррагансеттов, номинально от имени всех). Другой, и главный, был выражен так: [FN]

[FN] Архивы колоний.

"И поскольку значительное количество людей, как мужчин, женщин, так и Детей, принадлежащих к тем индейцам, которые на самом деле враждебно настроены по отношению к англичанам, в настоящее время бежали в графство Наррагансеттс; и находятся там под Опекой упомянутых сахемов; после всестороннего и длительного Совещания, проведенного по этому вопросу, мы от Имени и по Поручению джуэна и от имени Сахемов упомянутой графства абу, полностью и безоговорочно доверяем и обещаем им и с назначенные Уполномоченные до 28-го числа сего месяца октября или ранее, чтобы освободить от ответственности всех и каждого из указанных индейцев, независимо от того, принадлежат ли они к Филиппу, индейцам племени Покассет [FN-1] или племени Саконетт [FN-2], индейцам племени Квабог хэдли или любым другим сахемам; или людям, которые поддерживают или находятся во вражде с англичанами или любым из их союзников или пособников; и эти люди обещают и обещают, что будут освобождены от ответственности. передайте Бостон губернатору и тамошнему Совету, чтобы они распорядились этим от имени и в интересах наилучшей безопасности и мира Соединенных Колоний.

"Запечатан и разоблачен в
присутствии

."....Ричард Смит
Сэмюэл ГОРТОН младший.
Айамс Браун
переводит

МАРКЕ ПРОТИВ Куананчеттса

Сахема от своего имени, и
Конанакуса, и старого Гуина, и Помама
, и Куанапина. (Печать)

МАНАТАННУ советник
его торговой марки.

Джон НОВЕНЕТТС, переводчик с индийского
марке

:и Канаоннакус от его имени (Печать),
советник

рынка Аханмамповеттс и его (Печать) советник
Кукурузника чейфа, от Ниннигретта, от его
имени и (Печать.)", - сказал
ОН.....

[FN-1] Уитамор, Уитамоу или Уитанно, родственница Филиппа и активный правитель племени, хотя и замужем за незначительным человеком по имени Питер Наннуит. Все ее подданные присоединились к Филиппу вместе с ней, за исключением олдермена, которому выпала честь собственноручно застрелить этого Сахема. Уитамор утонула в августе 1675 года, пытаясь спастись от англичан через ручей в Суонзи; и ее голова в варварском стиле того времени была насажена на шест в Тонтоне, к большому огорчению тех из ее племени, кто был вынужден

наблюдать за этим зрелищем. Покассет, ныне Тивертон, находился на побережье, напротив севера Род-Айленда.

[FN-2] Или Согконате; племя на том же побережье, что и Покассеты, которым также управляет скво-сахем по имени Авашонкс, или Авасункк, несколько известная своими мужскими качествами и той ролью, которую она сыграла в войне Филиппа, сначала против англичан, а затем с ними. Капитан Черч, который внес это изменение в ее политику, подробно рассказал о своих беседах с ней. Десять представителей ее племени жили в Комптоне еще в 1803 году.

Хорошо известно, как быстро за приведением в исполнение этого документа последовала отправка сильного английского отряда для вторжения на территорию Наррагансетта и усмирения этого энергичного народа острием штыка. Предполагается, что Канончет участвовал в великой битве на болотах, самой роковой для индейцев, и они сражались со своей стороны наиболее отчаянно за всю войну. Он продолжал бушевать с предельной яростью в течение трех часов с момента нападения, пока вражеские вигвамы числом в пятьсот или шестьсот человек не были подожжены, и поле боя почти мгновенно превратилось в огромную массу ужасающего пожара. Дикари, вдохновляемые своими вождями, защищали каждую стену и пост с яростью маньяков; и когда они, наконец, медленно отступали, то оставляли за собой землю, усеянную горами убитых. Пощады никто не просил и не давал. Предполагается, что, по крайней мере, триста наррагансетов были убиты, не считая более чем вдвое большего числа раненых, и неизвестного множества женщин, детей и стариков, сожженных в вигвамах.

Но победа была куплена дорогой ценой. Из тысячи английских солдат, составлявших цивилизованную часть армии вторжения, по их собственному заявлению, восемьдесят были убиты и сто пятьдесят ранены. Покинув захваченный форт, они отступили на шестнадцать миль той же ночью — и это в разгар зимы, — оставив врага возвращаться на следующий день на свои прежние позиции.

В наши намерения не входит подробно обсуждать уместность краткого курса, принятого колониями в данном случае. Главным преступлением наррагансетов, изложенным в Манифесте, было их уклонение и задержка с выдачей враждебных индейцев, нашедших убежище в их стране. Этот отказ, безусловно, противоречил условиям июля и октября предыдущего года; но эти условия были приведены в исполнение в первую очередь присутствием английской армии, которая уже вторглась на территорию Наррагансетта.

Те из племени, кто сразу после битвы на болотах предложил мир, полностью возложили вину за военные действия на Канонете. Он заставил их поверить, что по прежнему договору они не были обязаны выдавать последователей Филиппа, пока не будет освобожден брат (который вместе с тремя другими высокопоставленными индейцами был задержан в качестве заложника в Хартфорде). Вероятно, сам Канонше правильно понял простые положения этого документа, хотя, поскольку он, по-видимому, не присутствовал при его исполнении, ему могли представить его в ложном свете. Более вероятно, что он считал это абсолютной недействительностью, поскольку оно было получено силой, навязано несправедливо и оскорбительно. Строительство, на которое ссылались его подданные, он одобрил с целью преодоления угрызений совести с их стороны при защите индейцев Филиппа. Независимо от того, была ли эта защита — независимо от вынужденного обещания выдать беженцев — достаточной причиной для последовавшей войны, ей должно быть позволено, по крайней мере, не наносить ущерба человечности и чести Канонше и других сахемов, которые упорствовали в этой политике при любой опасности и почти

перед самым лицом своего врага. Для него и для них это, несомненно, было мерилom священного принципа. Ни один благородно мыслящий вождь на Континенте, воспитанный так, как всегда поступают индейские вожди, не отказался бы от людей, которые обратились к их гостеприимству, — от своих собственных братьев, оказавшихся в бедственном положении и нагих, загнанных под штыковой удар смертельного врага другой расы, обладающего значительно большей силой, — и меньше всего от того, что в случае капитуляции их ждала определенная альтернатива рабства или смерти. Некоторые из его племени поступились бы своим достоинством из-за страха, но не сын Миантономо. "Освободите индейцев Филиппа!" — сказал однажды надменный сахем. "Никогда! Я никогда не откажусь ни от одного вампаноага. Нет! — Только не от обрезка ногтя вампаноага!"

Те, кто знаком с историей войны, помнят, что самый критический ее период был непосредственно после битвы на болотах. Это произошло из-за отчаянных усилий Наррагансетов, и особенно Канончета и других их сахемов. Их действительно гнали по стране вдоль и поперек и доводили до таких крайностей в поисках пищи, что кукуруза продавалась по два шиллинга за пинту; но их страдания только сделали их более свирепыми и отважными. "Этот молодой наглый сахем, Канончет (пишет мистер Хаббард в своем обычном комплиментарном стиле), сказал, что они скорее будут сражаться до последнего человека, чем станут слугами англичан".

Разрушение Ланкастера произошло в начале февраля. Десять дней спустя Медфилд был опустошен, а в марте произошло то памятное сражение недалеко от Провиденса, на древней земле Наррагансет, в котором капитан Пирс со своим отрядом численностью в пятьдесят английских солдат был перебит до единого человека. Командовал в этом деле Канонше. О духе его воинов, а также о превосходстве англичан в умении владеть оружием свидетельствует тот факт, что индейцы потеряли от одной до двух сотен убитыми. Затем Уорик, Сиконк и Провиденс были последовательно разорены победоносным врагом. Плимут подвергся нападению, и одиннадцать жителей были перебиты; а другой отряд имел смелость совершить ужасные опустошения в радиусе одиннадцати миль от самого Бостона. Перспективы Филиппа никогда не были столь лестными для него самого и столь пагубными для англичан, как в этот памятный момент, когда раздраженный и бесстрашный сын Миантономо поддерживал его всей силой своих владений.

Манера, с которой наррагансетские сахемы обращались с Роджером Уильямсом в тот период, среди всего волнения от страданий с одной стороны и успеха с другой, достойна вечной памяти. Этот джентльмен был одним из немногих англичан, оставшихся в Провиденсе, беззащитных перед всем потоком войны и не имевших никакой другой безопасности, кроме той, которую он приписывал давнему знакомству, дружбе и добросовестности с теми, кто теперь стал закоренелыми врагами и открыто рассчитывал на полное истребление его расы. У него даже хватило смелости упрекнуть некоторых сахемов, которые часто приходили побеседовать с ним, в их жестокости и пригрозить им верной, хотя и, возможно, затянувшейся местью англичан. "Массачусетс, - сказал он, - может поднять тысячи людей в этот момент; и если вы убьете их, король Англии займет их место так же быстро, как они падут". "Хорошо!" - ответил один из вождей. "Пусть они придут. Мы готовы встретить их.— Но что касается тебя, брат Уильямс, — ты хороший человек, — ты был добр к нам много лет.— Ни один волос не упадет с твоей головы". Это благородное обещание, на первый взгляд отмеченное рыцарским духом Канонете, соблюдалось на протяжении всей войны с самой священной верностью. Не зря

молодой сахем помнил теплую привязанность, которую его отец питал к своему английскому соседу и доверенному лицу.

Но продолжим повествование: "Теперь дел Филипа было полно, - говорит м-р Хаббард, - ибо вскоре после этого волна его успехов начала захлестывать побережье, что привело к спаду уровня воды выше по стране". Бедствия Поканокетского Сахема начались с не меньшего несчастья, чем смерть Канончета. И поистине отрадно было для английских колоний — если мы можем доверять цитировавшемуся последним историку, — "что главарь почти всех этих злодеяний и великий поджигатель между Наррагансетами и нами сам погиб от того боевого меча, который он обнажил против других". Последнее утверждение, возможно, можно было бы оставить без внимания, но эпитеты представляют собой лучшее свидетельство в пользу их предмета, которое, как можно предположить, может быть представлено в данном случае.

Кажется, в начале апреля Канонше, устав от опустошения английских городов, отправился в индейские логова на реке Коннектикут. Здесь он продолжал принимать самое активное участие в войне; все дикари на Западе уповали (как выражается наш хвалебный автор) на тень этого стремительного кустарника. И не только в бою они полагались на его мужество и гений. Было необходимо, поскольку это было трудно, изо дня в день обеспечивать средствами к существованию примерно тысячу пятьсот воинов с их женщинами и детьми. Канонше предложил план засаживания земель на западном берегу реки, недавно заимствованный у англичан. Но как получить даже средства для засаживания? Для решения этого вопроса был созван совет, но не нашлось человека, который рискнул бы своей жизнью в это время года в той части страны, где необходимо было добывать зерно. Сахем сам выступил вперед и предложил с помощью тридцати добровольцев, которые вскоре набрались смелости поддержать его, предпринять путешествие в Сиконк, расположенный в непосредственной близости от Монтопа, старой резиденции Филиппа.

Это приключение оказалось для него роковым. 27 марта капитан Деннисон из Коннектикута начал добровольческую экспедицию против врага примерно с пятьюдесятью английскими солдатами и восемьюдесятью индейцами ньянтик, пекот и мохеган, которыми по отдельности командовали Катапазет, Касасинамон и Онеко. К тому времени, когда Канончет достиг Сиконка, где он разбил лагерь на реке Блэкстоун недалеко от водопада Потакет, отряд Деннисона, следуя вдоль морского побережья, прибыл в тот же район. Первый так мало опасался опасности, что отпустил всех своих тридцати слуг, кроме семи. Англичане, с другой стороны, получили первое указание на то, что он находится поблизости от них, от двух старых бродячих скво, которые, попав в плен, признались, что Канонше был недалеко. Это известие вдохнуло новую жизнь в уставших солдат, и они продвигались вперед, пока не наткнулись на свежие следы, которые привели их к группе вигвамов на берегу реки.

[FN] Сын Ункаса. Пекотский сахем не был человеком особой известности. Катапазет подчинялся Нинигрету.

В одном из таких вигвамов Канончет в этот момент отдыхал после утомительного путешествия. Семеро оставшихся его последователей сели вокруг него; и он развлекал их рассказом о кровавой победе над отрядом Пирса, которая произошла всего неделю или две назад. [FN] Внезапно оратор прервал свое повествование. Его молчаливая аудитория вскочила на ноги и замерла в

ужасе. Натренированный слух дикаря уже уловил приближение врага. Двое из отряда были немедленно отправлены на вершину холма, у подножия которого располагался вигвам. Эти люди, напуганные близким приближением англичан, которые сейчас (говорит Хаббард) с огромной скоростью взбирались на гору шампанского по другую сторону холма, пробежали мимо, как будто им нужно было время, чтобы рассказать о том, что они видели. Был послан третий, который выполнил свое поручение не лучше. Но из двух других, кого послали наверх, у одного хватило смелости вернуться и сообщить Сахему в большой спешке и трепете, что на него напала вся английская армия.

Так пишет мистер Хаббард, а Трамбулл и другие следуют его авторитету. Бейлис ("Мемуары Плимутской колонии") сомневается в правильности этого утверждения, утверждая, что Кэнончет не покидал реку Коннектикут до апреля, тогда как поражение Пирса произошло 26 марта. Однако мы не предполагаем, что расстояние было настолько велико, но оно могло быть пройдено не один раз после битвы и до внезапного нападения.

У Канонше не было ни средств защиты, ни времени на раздумья. Он мог попытаться спастись, только обежав вокруг холма напротив своих преследователей; и не успел он далеко продвинуться в этом направлении, как Катапазет с двадцатью своими спутниками и несколькими самыми легкими в пешем отношении англичанами почти перехватил его, когда они спускались с холма, и немедленно начал энергичное преследование. Канончет был быстрым бегуном, но самый быстрый из людей Катапазета начал догонять его. Он сбросил с себя одеяло, а затем расшитый серебром сюртук, который ему подарили при возобновлении его лиги в Бостоне. Его пояс вампум был наконец оставлен; и это выдало его ранг преследователям, они удвоили свои усилия, пока не вынудили его отступить к реке, в которую он бросился с большой поспешностью. К несчастью, его нога поскользнулась на камне, и это не только задержало его, но и заставило опуститься так низко, что он намочил ружье, которое все еще держал в одной руке; в результате этого несчастного случая, как он признался вскоре после того, как нам сообщили, его сердце и внутренности перевернулись внутри него, так что он стал похож на гнилую палку, лишенную сил. [FN]

[FN] *Рассказ Хаббарда, стр. 129.*

С тех пор он без борьбы покорился своей судьбе. Он был крупным, мускулистым мужчиной; и, как признает сам Хаббард, обладал "большой храбростью ума", а также силой тела; но передовой из враждебной группы, один монопоид, Пеко, схватил его без малейшего сопротивления. Первым подошедшим англичанином был Роберт Стэнтон, молодой человек лет двадцати; однако, отважившись задать ему один-два вопроса (продолжает историк с чувством, делающим ему честь), мужественный сахем несколько презрительно посмотрел на его юное лицо и ответил на ломаном английском: "Ты еще ребенок — ничего не понимаешь в войне — пусть придет твой вождь — с ним я поговорю". Англичане предложили ему жизнь, если он подчинится их правительству, но он не подчинился ни в каком виде. Они предложили ему послать одного из своих людей предложить условия своим воинам из Наррагансетта на западе; но он с презрением отказался. Затем ему рассказали о враждебности, которую он проявлял по отношению к англичанам. "И многие другие, - надменно ответил он, - будут того же мнения, что и

я. Чтобы я больше не слышал об этом". Когда ему сообщили, какой неизбежно должна быть его судьба, он только ответил: "Это хорошо. Я умру раньше, чем мое сердце смягчится.—Я не скажу ничего такого, чего Канонете должно быть стыдно говорить.— Это хорошо." Даже те, кто больше всего осуждал Сахема, тронутые достоинством его последних часов, хотели бы найти секрет его величия в теории пифагорейского метемпсихоза. Какой-то древнеримский призрак, говорят они, должно быть, вселился в тело этого западного язычника. [FN]

[Ф.Н.] Хаббард.

Вскоре после этого он был доставлен в Стонингтон, штат Коннектикут, где была снаряжена экспедиция Деннисона; и там ему был приведен в исполнение смертный приговор. Чтобы все, кто был причастен к поимке столь гордой жертвы, могли быть удостоены доли в почестях от его убийства, англичане довольствовались тем, что были зрителями этой сцены, в то время как пекотам было разрешено застрелить его, могиганцам обезглавить и четвертовать, а людям Нинигрета разжечь костер, на котором он был сожжен. В знак любви и верности их цивилизованным союзникам была оставлена только его голова для представления английскому совету вХартфорде. Примечательно, что Онеко в этом случае принял такое же участие в казни Канончета и при очень похожих обстоятельствах, какое почти сорок лет назад его отец Ункас принимал в казни Миантономо, отца Канончета.

Мемуары Бейлиса о Плимутской колонии.

Так пал в расцвете своих мужских сил последний верховный сахем Наррагансетов, внучатый племянник Каноника и сын Миантономо. Английским историкам его времени можно простить предубеждение, с которым они относились к нему (как и ко всем, кто сражался за то же дело с тем же мужеством) и которое, тем не менее, предоставляет читателю наших дней наиболее удовлетворительное доказательство его высокой репутации и выдающихся талантов. "Это, - говорит один писатель, - было замешательством проклятого негодяя, который часто открывал рот, чтобы богохульствовать". И снова: "в качестве справедливой награды за его злодеяния он был осужден теми, кто обрек его на смерть".

Было бы бесполезно оспаривать эти позиции, поскольку каждый читатель истории обладает средствами формирования справедливого мнения о том, обоснованны они или нет. Но в любом случае, (как заметил автор более либерального периода), нам, несомненно, *вэтот* день будет позволено оплакивать несчастную судьбу этого благородного индейца, не подвергаясь никаким обвинениям в недостатке патриотизма. Во всей индийской и, возможно, мы могли бы добавить, цивилизованной истории нет более прекрасного примера этого великодушного и рыцарского характера, который — как бы его ни называли при других обстоятельствах — в ситуации Канонете и с его искренними и строгими принципами можно только одобрять и восхищаться, как гуманностью по отношению к страждущим, которые искали его защиты; как верностью своим собственным друзьям и друзьям своего отца; как гордой и возвышенной жертвой королевской власти, свободы и самой жизни во имя чести; как патриотизмом по отношению к своей стране и религией по отношению к своим богам.

Мемуары Бейлиса о Плимутской колонии.

ГЛАВА XVI.

Отчет о конфедерации Потакетов в Нью—Гэмпшире -Пассаждонауэй, их главный сахем — Разоружен по приказу правительства Массачусетса. Его место жительства, возраст и авторитет—Он поддерживает хорошее взаимопонимание с англичанами—Посещает Бостон— Знакомство с апостолом Эллиотом и упоминание о нем—Его взгляды на христианство— Фестиваль и прощальная речь перед своим племенем в 1660 году—Смерть и характер—Его сын и преемник, Вонолансет.—Семейные анекдоты —Легенда о подвигах Пассаконэвэя в качестве Поваха.

ОБРАЩАЯ наше внимание на часть страны и на людей, которые еще не были предметом особого внимания, мы теперь представим следующим отрывком из Дневника Уинтропа личность слишком выдающуюся, чтобы ее можно было полностью игнорировать. Дата - июль 1642 года:—

"Пришли письма из суда в Коннектикуте, и от двух тамошних магистратов, и от мистера Ладлоу из голландии, удостоверяющие нас, что индейцы по всей стране объединились, чтобы вырезать всех англичан, — что время было назначено после сбора урожая, — и каким образом они также должны идти, небольшими группами к домам вождей посредством торговли и т. Д. И должны убивать их в доме и конфисковывать их оружие, а затем другие должны быть под рукой, чтобы продолжить резню На основании этих писем губернатор созвал стольких магистратов, которые были поблизости, и будучи в состоянии встретившись, они разослали повестки в общий суд, который должен был состояться через шесть дней, а тем временем было сочтено целесообразным для нашей безопасности и для того, чтобы вселить некоторый ужас в индейцев, разоружить тех, кто находился в пределах нашей юрисдикции. Соответственно, мы послали людей к Катшамкину в Брантри, чтобы забрать его и его ружья, луки и т. Д. Что было сделано, и он добровольно явился, и, поскольку они прибыли в Бостон поздно ночью, его посадили в тюрьму, но на следующее утро, не обнаружив при допросе его и нескольких его людей никаких оснований для подозрений в его участии в каком-либо подобном заговоре, он

был уволен. По ордеру, который был направлен Ипсвичу, Роули и Ньюберри на разоружение Пассаконэми, который жил у Мерримака, они послали сорок вооруженных людей на следующий день, поскольку был день Господень, но весь день шел дождь, как и за несколько дней до этого, а также после, так что они не могли пойти в его вигвам, но они пришли к его сыну и забрали его, на что у них был ордер, и скву с ребенком, на что у них не было ордера, и поэтому приказ был отдан, как только он услышал об этом. Это для того, чтобы снова отправить их домой. Они, опасаясь побега его сына, повели его цепью, но он, воспользовавшись случаем, соскользнул с удочки и убежал от них, но один из них очень неосмотрительно выстрелил в него и едва не промахнулся".

Упомянутый здесь Сахем, обычно называемый Пассаконэвей, был широко известен среди индейцев как Великий Сагамор из Паннухога, или Пенакук — так называлось племя, населявшее Конкорд (штат Нью-Гэмпшир) и местность на много миль выше и ниже по реке Мерримак. Пенакуки были одними из самых воинственных северных индейцев; и они, почти единственные, по-видимому, сопротивлялись случайным древним набегам могавков, а иногда даже переносили войну на *свои* территории. Один из их фортов, построенный специально для защиты от этих вторжений, находился на холме Сахарный Шар в Конкорде; и традиция смутно сохранила до наших дней воспоминание об упорном сражении между двумя племенами, которое произошло на берегах Мерримака в той местности.

[FN] Хаббард пишет "Пассаконнава"; м-р Эллиот - "Папассаконэвей"; Вуд в этой самой необычной книге "Перспективы Новой Англии" указал местоположение Писсаконнавы на своей карте группой отметок, обозначающих вигвамы.

Пенакуки были одним из членов большой конфедерации, более или менее находившейся под контролем Пассаконэуэя, которая, помимо нескольких небольших племен в Массачусетсе, простиралась почти до северной оконечности озера Уайнписиоги. Среди тех, кто признал подчинение ему, были агавама (в Ипсвиче), наамкики (в Салеме), паскатакуа, аккоминта и сахемы Сквамскота, Ньюичваннока и Потакета, причем последнее также является национальным названием всех конфедератов. Предполагается, что Пассаконэвей иногда проживал на территории нынешнего Хаверхилла (Массачусетс), но впоследствии он жил среди Пенакуков.

Должно быть, он был довольно преклонного возраста во времена возникновения первых английских поселений на побережье, поскольку, как говорят, он умер около 1665 года в преклонном возрасте ста двадцати лет, хотя это утверждение действительно выглядит преувеличением. Первое упоминание о нем содержится в знаменитом акте Уилрайта 1629 года, подлинность которого в данной связи обсуждать нет необходимости. В 1642 году Пассако и Саггахью, сахемы Хаверхилла (Массачусетс), передали этот городок первоначальным поселенцам по акту, скрепленному печатью и подписью, — вознаграждение составляло три фунта десять шиллингов, а переговоры велись явно "*с согласия Пассаконэуэя*". [FN]

[FN] Оригинал все еще находится у джентльмена в Хаверхилле. Посмотрите "Историю этого города" Мирика.

Примерно во время этой перевозки были приняты уже упомянутые меры по "разоружению" старого вождя. Очевидно, что это было беспрецедентное расширение прерогатив, тем более что Пассажонауэй до сих пор сохранял свою независимость в равной степени со своей очевидной доброй волей по отношению к англичанам. Можно извинить возмущение, вызванное волнением того периода, которое, похоже, было настолько сильным даже среди хорошо информированных и благонамеренных граждан Бостона, что они без колебаний приняли Брейнтри Сэчема, своего самого покорного слугу на все случаи жизни, в городской тюрьме. Даже ружейного выстрела в ночное время в окрестностях города было теперь достаточно, чтобы разбудить добропорядочных граждан повсюду; и криков бедняги в Уотертауне, который, заблудившись в лесу, довольно громко зывал *опомощи! - помогите!*—из-за предполагаемого нападения диких кошек, окружавших его, поднялась тревога едва ли менее серьезная, чем, вероятно, последовала бы за настоящим набегом могавков.

Мы говорим, что это волнение служит извинением за жестокое обращение с Великим сахемом. Правительство, по здравом размышлении, по-видимому, осознало, что зашло слишком далеко, и, что заслуживает их чести, они не постеснялись быстро и вежливо разъяснить пострадавшей стороне этот вопрос, который соответствовал их собственному истинному достоинству, а также его собственному достоинству. Губернатор Уинтроп, назвав обращение со Скво и ее Сыном "необоснованным разбирательством" и полагая, "что Пассаконами будет рассматривать это как явный вред", созвал суд и предложил меры по возмещению ущерба. Соответственно, Катчемекена послали к старому сахему, чтобы он опроверг любой приказ о похищении женщины иребенка и выстреле из мушкета в мальчика и объяснил ему истинную цель и принцип ордера. Пассажонауэй выслушал его со спокойствием и ответил, что, когда два отсутствующих члена его семьи вернутся, он по собственному желанию предоставит требуемую артиллерию (и этого, по-видимому, военный отряд, отправившийся из Бостона в субботу, в конце концов осуществить не смог). Один из них все еще находился под стражей, а другой укрылся в лесу. "Соответственно,- добавляет наш авторитет, - примерно через две недели после этого он послал своего старшего сына, который сдал оружие" и т. Д. Справедливый вывод состоит в том, что условия, выдвинутые Сахемом, были выполнены к его удовлетворению.

Во всяком случае, он считал хорошей политикой поддерживать мирные отношения со своими сильно взволнованными соседями; он был слишком стар, как и большинство его ближайших родственников — детей или внуков - похоже, были слишком молоды. С другой стороны, действия англичан в этом деле, взятые вместе, определенно указывают на уважительную оценку его характера; и фактически политика, с помощью которой он был завоеван, была оценена так высоко, что либо мистер Уинтроп неоднократно упоминает о своем единственном акте подчинения, либо правительство позаботилось о том, чтобы сцена действительно репетировалась столько раз:

"При этом дворе, - говорится в "Джорнэл" весной 1644 года, - Пассаконами, сахем Мерримака, вступил в игру и подчинился нашему правительству, как это делали раньше Памхэм и к."

И снова, в 1645 году: "При этом Дворе, на третьем месяце, Пассаконами, главный сахем Мерримака, и его сыновья пришли и подчинили себя, своих людей и земли нашей Юрисдикции, как это делали Памхэм и другие раньше".

Одно из наиболее отчетливых упоминаний о старом Сагаморе содержится в древнем трактате "Явление света". Большая часть которого была написана апостолом Эллиотом в 1649 году.

Примерно в то время он проповедовал в Потакете, это было "рыбацкое место, где они собирались вместе со всех концов света".

"Главный Сахем в этом месте, - говорит мистер Эллиот, - и во всем Мермаке, - Папассаконэвей, о котором я упоминал вам в прошлом году, *который отдал себя и своих сыновей, чтобы молиться Богу*; этот человек в этом году проявил очень большую привязанность ко мне и к Слову Божьему". Автор добавляет, что Сагамор даже настойчиво настаивал на своих домогательствах, используя при этом множество "изящных аргументов, с большой серьезностью, мудростью и любовью". Он заметил, среди прочего, что приезд проповедника туда раз в год приносил им мало пользы, "потому что они вскоре забыли, чему он учил, это было так редко и с таким большим промежутком времени". Другое разумное предположение состояло в том, что у Сагамора было много подданных, которые "не поверили бы ему, что молиться Богу было так хорошо", тогда как, без сомнения, их могла убедить сама проповедь. Он подумал, что мистер Эллиот также не позволил себе достаточно времени, чтобы объяснить и *доказать* то, что он утверждал. Это было "как если бы кто-то подошел и бросил им красивую вещь, и они искренне схватили ее, и она им очень понравилась, потому что она *выглядит* прекрасно, но не могли заглянуть в нее, чтобы увидеть, что внутри, — будь то что-то или ничего, — камень или драгоценное украшение". Так было и с молитвой; она могла быть превосходной, как казалось, — но, с другой стороны, она могла быть пустой, — он хотел видеть ее *открытой*.

Неизвестно, последовали ли этому разумному совету настолько, насколько это было возможно; но не может быть никаких сомнений в том, что сам Сагамор стал если и не почти христианином, то все же сильно симпатизировал англичанам. В 1660 году английский джентльмен, хорошо знавший индейцев, был приглашен на грандиозные танцы и пир, на которых среди прочих церемоний Пассаконэвей, теперь уже очень старый, произнес прощальную речь перед своим народом. Как умирающий человек, он особенно предостерег их от того, чтобы они обращали внимание на то, как они ссорились с англичанами. Он сказал, что, хотя они и могут нанести белым некоторый ущерб, это окажется верным средством их собственного уничтожения; и что, что касается его самого, он раньше делал все возможное с помощью искусства колдовства, чтобы помешать их расселению и увеличению численности, но все напрасно.

Примечательно, что, когда началась война Филиппа, через пятнадцать лет после этой сделки, Вонолансет, сын и преемник Сагамора, удалился со своим народом в какое-нибудь отдаленное место, где он полностью избежал бедствий и волнений того времени. Вероятно, другого подобного экземпляра не было ни у одного племени.

Намек, сделанный Пассаконэуэем на искусство колдовства, следует объяснить, заметив, что прежде он на протяжении длительного периода лет был одним из самых известных повахов, или Фокусников, о которых когда-либо слышали среди индейцев Новой Англии. Возможно, само его господство и, конечно, большая часть его влияния были приобретены благодаря его талантам, проявленным в этом качестве. Он действительно превосходил своих современников, как признают все историки, в общей проницательности и двуличии, а также в умеренности и самообладании; [FN] но это были именно те качества, которые подходили для того, чтобы разыгрывать ту игру на крайних суевериях индейцев, которая так часто использовалась среди них и все же так редко приводила к очень распространенному или очень постоянному успеху.

[FN] См. Хаббарда, Хатчинсона, Белкнэпа и др.

Но попытка Пассаконэуэя не провалилась. Он убедил дикарей поверить, что в его власти заставить воду гореть, а деревья танцевать; превратить самого себя в пламя; и воскресить зимой зеленый лист из пепла сухого листа и живую змею из кожи мертвого. Мы предполагаем, что немногие современные практики превзошли старого Сагамора в искусстве обмана. Однако это не было его основной профессией, или, по крайней мере, недолго. Политик вскоре выбрался из трясины жонглера. Священник стал сахемом; Сахем - великим Сагамором Пенакука; и Сагамор сохранил не только свою власть, но и власть своего сына после него с помощью ряда дипломатических демонстраций и нескольких слов "элегантной" вежливости, которые, не умаляя его значимости в глазах соотечественников, сделали его самым приятным соседом для англичан.

То, что Пассаконауэй жил еще в 1662 году, явствует из следующего анекдота, относящегося к той дате. Манатакуа, сахем Согуса, сообщил вождю Панакука, что желает жениться на его дочери, что понравилось всем сторонам, и свадьба вскоре состоялась в резиденции Пассаконэвей, а веселье завершилось большим пиром. Согласно обычаям вождей, Пассаконэвей приказал избранному числу своих людей сопровождать молодоженов до жилища мужа. Когда они прибыли туда, последовало несколько дней пиршества для развлечения его друзей, которые изначально не могли присутствовать на церемонии, а также для сопровождения, которое, когда все закончилось, вернулось в Пеннакук.

Некоторое время спустя жене Манатакуа, выразившей желание навестить дом своего отца и друзей, разрешили поехать, и избранная компания проводила ее. Когда она пожелала вернуться к своему мужу, ее отец, вместо того чтобы проводить ее, как раньше, послал к молодому Сахему, чтобы тот пришел и забрал ее. Он воспринял это с большим неудовольствием и послал своему тестю такой ответ: "Когда она ушла от меня, я приказал своим людям сопровождать ее в твоё жилище, как подобает вождю. Теперь у нее есть намерение вернуться ко мне, и я ожидал того же". Старший Сахем, в свою очередь, разгневался и дал ответ, который только увеличил разницу; и считается, что таким образом прекратилась связь новых мужа и жены. [FN]

[FN] Рукописные документы, цитируемые в биографии Дрейка об индейцах.

В Третьем томе исторических сборников Фармера и Мура можно увидеть отчет о смерти индейца по имени Святой Аспинквид, 1 мая 1682 года на горе Агаментикус на побережье штата Мэн, где, как говорят, до сих пор видна его надгробная плита. Также утверждается, что он родился в 1598 году и, конечно же, умер в возрасте около девяноста четырех лет; что ему было более сорока лет, когда он обратился в христианство; что с того времени он посвятил себя проповеди Евангелия среди индейцев; и что на его похоронах присутствовали многие сахемы различных племен и была устроена грандиозная охота воинов. [FN]

В ходе которого были убиты "девяносто девять медведей, тридцать шесть лосей, восемьдесят две дикие кошки, тридцать восемь дикобразов" и длинный список других животных с различными названиями.

Мы склонны рискнуть выдвинуть гипотезу, что этот Святой был не кем иным, как нашим Сагамором; что Агаментик был убежищем Вонолансета или, по крайней мере, его отца во время и после войны Филиппа; и что последний получил свое новое имя от своих новых друзей, а титул, прикрепленный к нему, - из английского источника. Конечно, было бы замечательно, если бы появилось так много подробностей о смерти человека, о котором никогда прежде не слышали. И с другой стороны, репутация и возраст, приписываемые Aspinquid, поразительно совпадают с репутацией Passaconaway. Под его "проповедью" следует понимать его священный характер и огромные усилия, которые он прилагал, чтобы сохранить мир с англичанами; и дата предполагаемого "обращения", как мы предполагаем, совпадает с датой его первого знакомства с белыми в 1629 году.

Наш очерк уместно завершить одним из тех популярных преданий о старом Вожде, которые до сих пор сохранились в такой степени, что время от времени в некоторых частях страны превращаются в сказку у домашнего очага. Вероятно, это яркая иллюстрация того мнения, которого придерживались о его способностях легковверные люди его собственной эпохи.

Он сказал, что Сахем однажды приезжал в Дувр из Пенакука, когда заходила ева. Его кудри были украшены перьями, глаза горели огнем; Он бил своей массивной дубинкой с ужасающим грохотом, От которого часто редели боевые ряды; На его медной шее устрашающе висела связанная вместе шкура медведя и катамауна; На груди у него болтались любопытные рыбы кости, И трижды Сахем танцевал, и трижды Сахем пел. Станный это был человек! Говорили, что он часто преследовал черного медведя и убивал его в его берлоге; Что он часто был во многих непроходимых лесах И во многих запутанных диких и ядовитых болотах, По которым никогда не ступала нога другого смертного человека. Он искал на скалистом выступе гремучих змей И душил их одну за другой, а затем схватил высокого серого лося, быстрого, как мысль, А затем горного кота, за которым он гнался, и, преследуя, поймал. Чудесное существо! На льду Сиоги, С пятнистыми волками, запряженными по трое, сидя на санях, сделанных в два счета, На горе Агиокочук, [FN-1] из гикори, Он хлестал, раскачивался и весело пел; И однажды на колеснице из пылающего огня Ужасный индеец затрясся от страха, увидев, как король Пенакука, его вождь, его отец, Скачет, пылая, к небесам, выше любой горы. [FN-2]

[FN-1] Индейское название, применяемое к Белым горам. В Новой Англии Джосселина сохранилась любопытная традиция почитания индейцами вершин этих гор. Они считали их обиталищем невидимых существ и никогда не отваживались подниматься по ним. У них также было предание, что когда-то вся страна была затоплена вместе со всеми ее жителями, за исключением одного индейца с женой, которые, предвидя наводнение, бежали в эти горы, спаслись, а затем вновь заселили страну. —Ред.

[FN-2] См. F. и M. His. Колл.

КОНЕЦ ТОМА I.